

СМЕНА

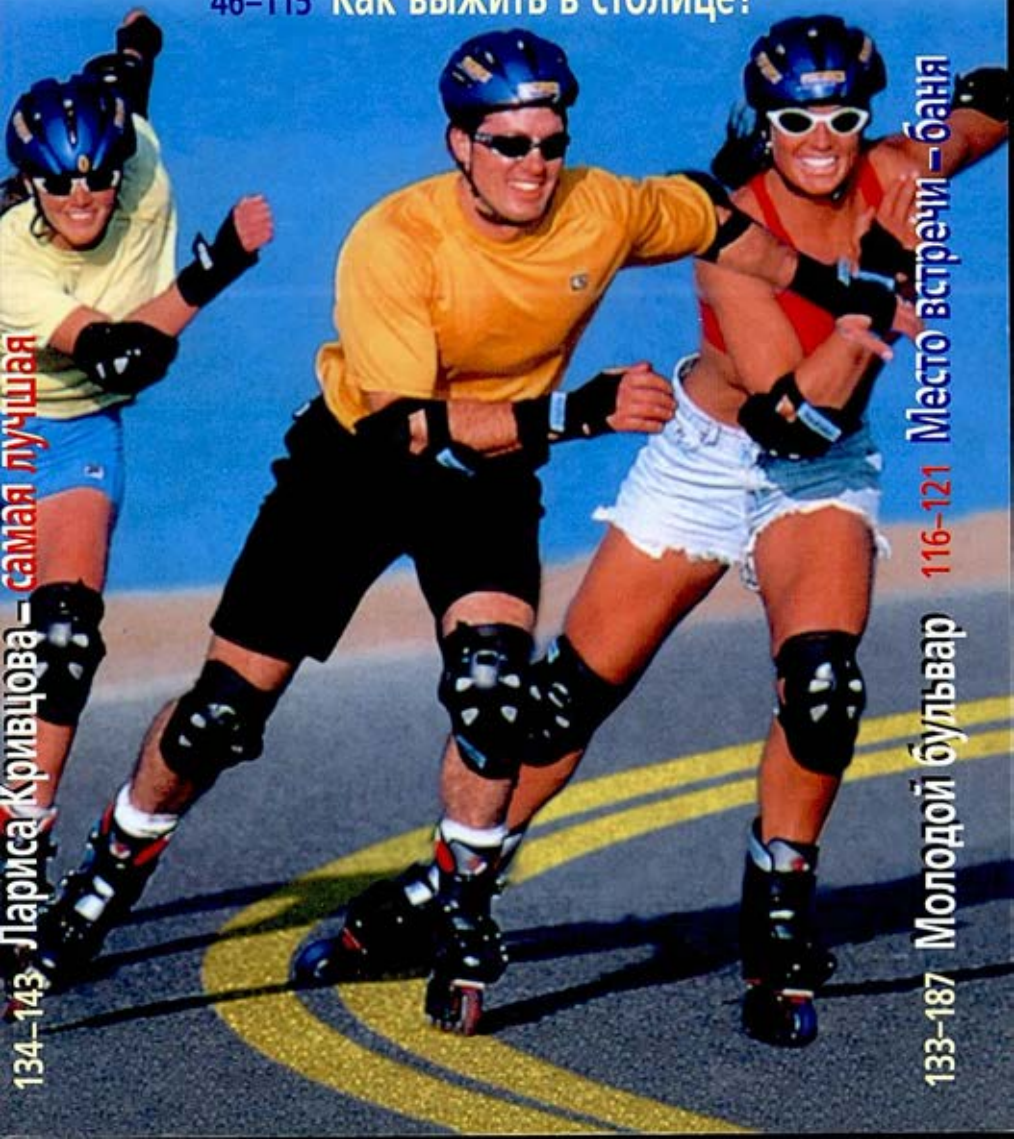
апрель '04

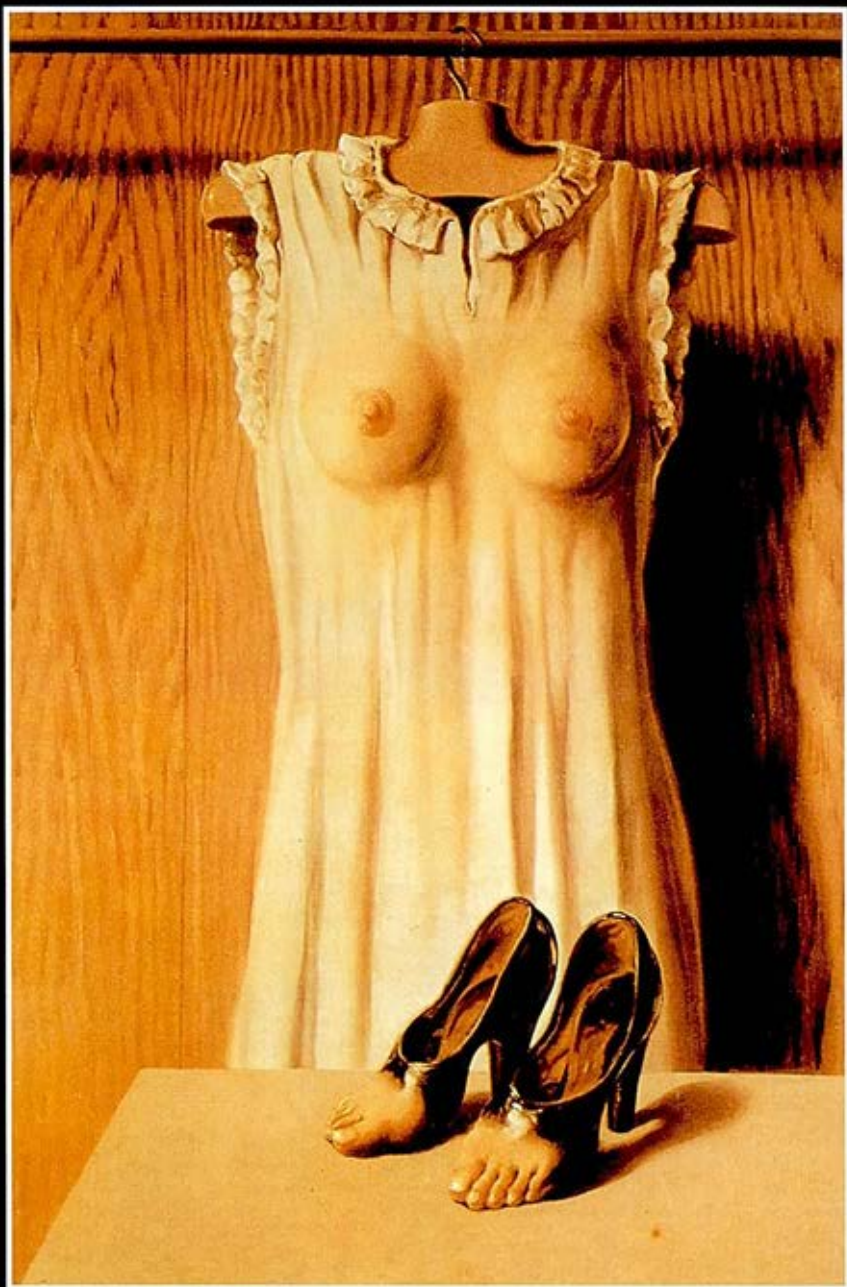
46-115 Как выжить в столице?

134-143 Лариса Кривцова — самая лучшая

116-121 Место встречи — баня

133-187 Молодой бульвар

рене **м**агритт

стр. 10-25

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

главный редактор

Михаил
Кизилев

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

4 **2004**
апрель (1674)

Сдано в набор 15.02.2004.
Подписано к печати 19.03.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 7944
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2004.

апрель '2004

наследие веков

Игорь Опарин

4 Мудрость веков — Айя-София

Ирина Олимах

10 Рене Магритт

издалека

Любовь Русева

26 Судьба таланта

расследование

Игорь Гамаюнов

116 Секретный объект — рашн баня

▼ стр. 165

стр. 46 ►

стр. 36 ►

стр. 10 ►

зарубежный рассказ

Джек Ричи

36 Радикальный
способ

остросюжетный роман

Александр Андриухин

46 Фея по имени
Марта

рассказ

Владимир Медведев

122 Трехгрошовый
рассказ

◀ стр. 156

▼ стр. 4

молодой бульвар

Дарья Самородова

134 Лариса Кривцова:
"Не бойтесь быть
самими собой!"

Екатерина Постникова

144 Приключения
лысого духа

Софья Стебловская

150 Любящие ломают
нас

Полина Теслер

156 На пороге успеха

Анна Шеркунова

160 Ах, зачем меня
мать родила...

Елена Захарова

165 Виртуальная
любовь

Бертран Въедливый

169 Заметки пижона
и экстремала

Марина Фетисова

172 Крылья мечты

Алиса Никитина

178 Белая крыса

Рассказ

Мэри Кларк

"МОЙ БУТОНЧИК"

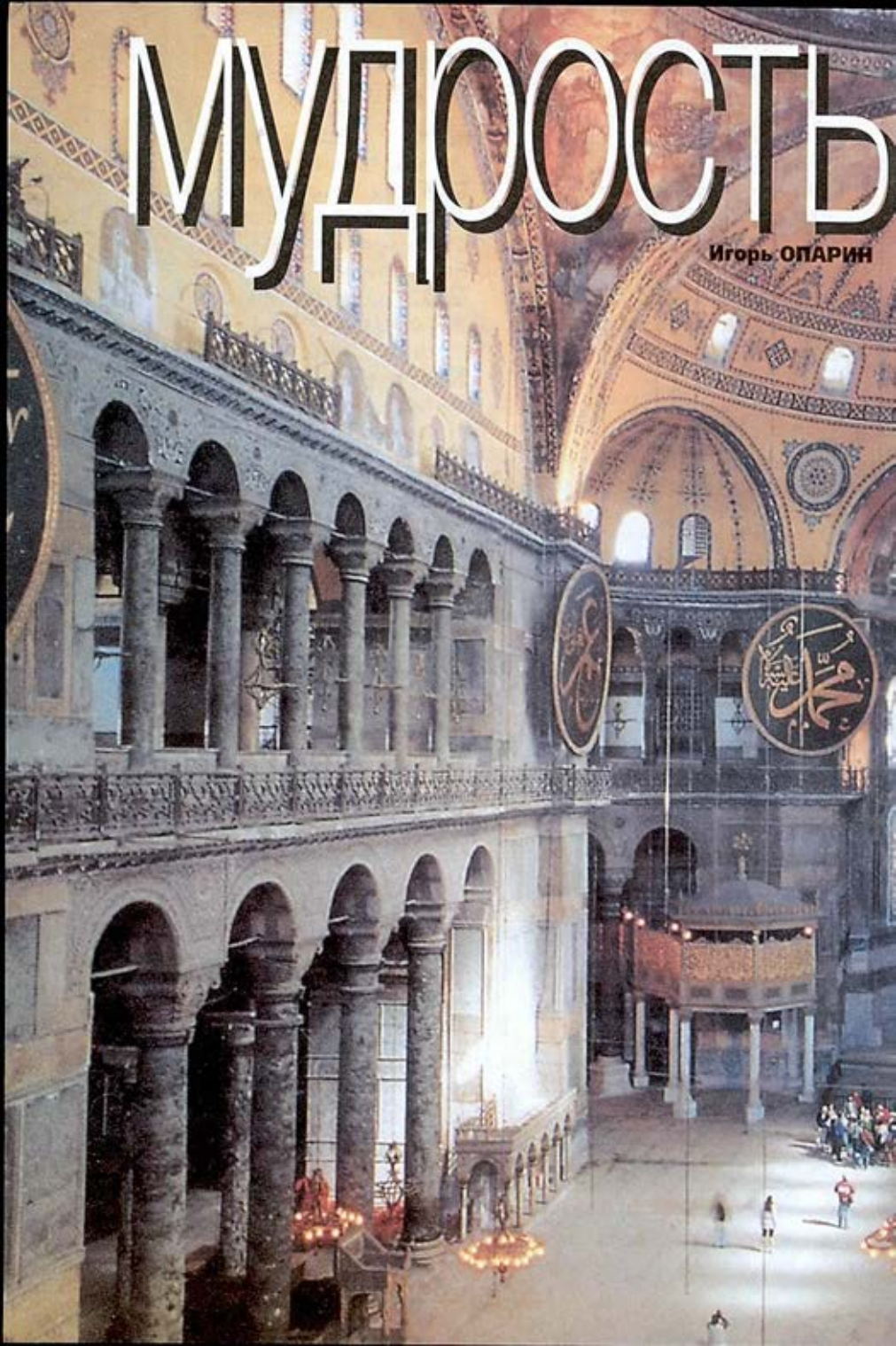
Скип Риардон был обвинен в убийстве своей жены и сидел в тюрьме уже 10 лет. Несколько поданных его адвокатом Дорсо апелляций были отклонены судом, так как все улики были против Скипа, и главная – показания бывшего тестя доктора Чарлза Смита. Но случайно это дело попало на глаза помощнику прокурора Кэрри МакГрат, которая сумела освободить невинного и восстановить справедливость.

МАЙ 2004

АНОНС: 5

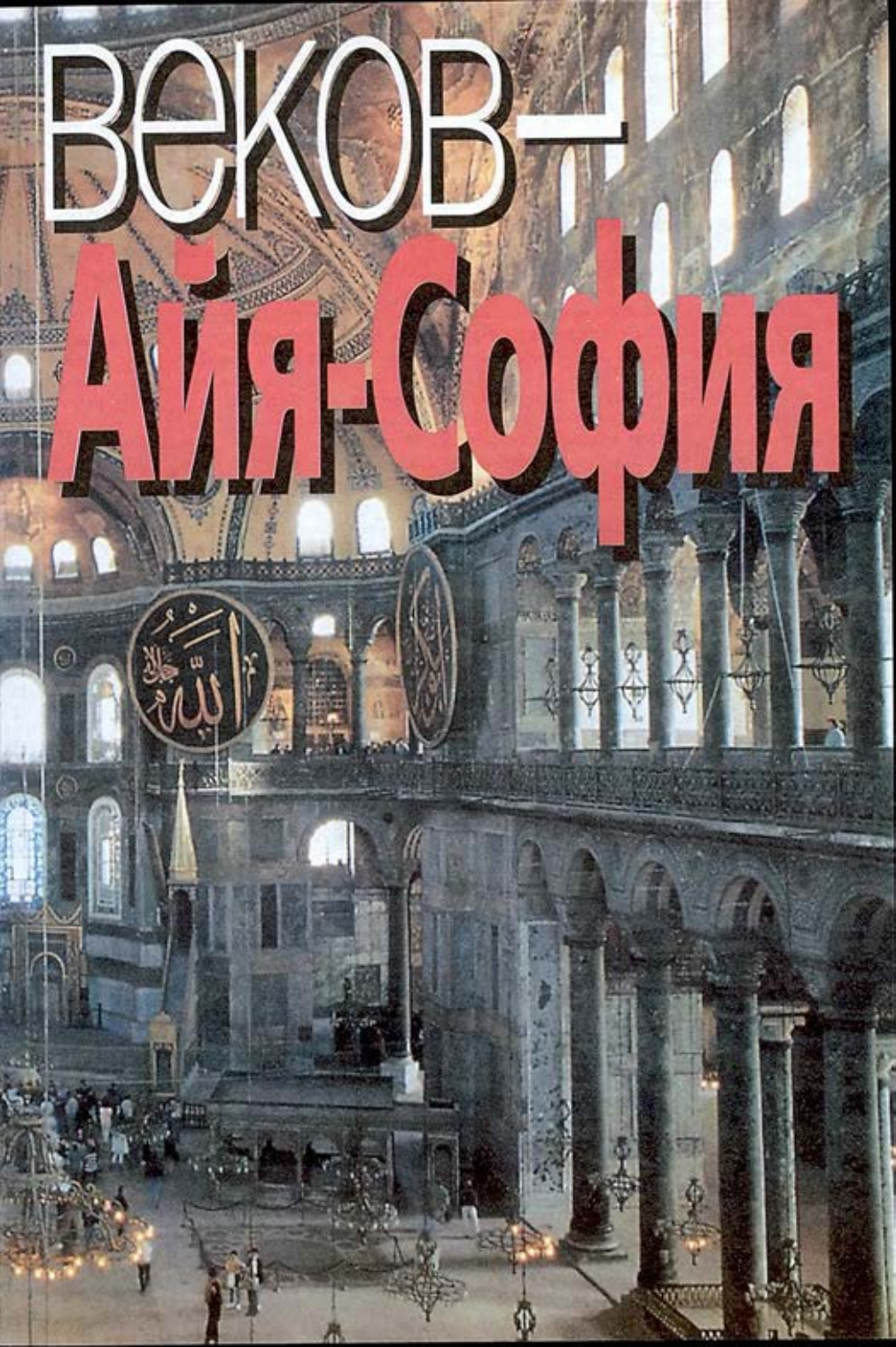
МУДРОСТЬ

Игорь ОПАРИН

ВЕКОВ—

Айя-София

"Прекрасен храм, купающийся в мире".

Осип Манделштам

Римский император Константин, приняв христианство, решил основать новую столицу своей империи, которая стала бы центром христианского мира (тогда как Рим по-прежнему оставался языческим городом). Строить город задумали на месте старого греческого поселения Византий, в бухте Золотой Рог, на европейской стороне пролива Босфор. Это всегда было оживленное место, здесь шла бойкая торговля между купцами из европейских и азиатских стран, и город год от года богател на одних только пошлинах, взимаемых с торговцев. Византийцев в Древнем мире знали как необузданных пьянчуг, рассказывали, что они частенько даже продавали свои дома и селились в харчевнях, чтобы ни на минуту не отвлекаться от любимого дела — распивания горячительных напитков. А однажды вино помогло Византию выдержать осаду отца Александра Македонского Филиппа. Когда македонцы напали на город, местный правитель повелел открыть харчевни прямо на городских укреплениях и бесплатно выдавать вино всем защитникам Византия. Городское ополчение сразу же резко увеличилось, никто не покидал своих боевых мест, в результате византийцам тогда — единственным в Древней Греции — удалось отстоять свою независимость!

Вот этот-то город и понравился Константину — и его удобное расположение, и удаленность от козней и интриг, в которых погрязли его римские царедворцы. В городе началось активное строительство, возводились дворцы и храмы, сюда потянулись христиане со всей Римской империи, они находили в новом центре христианского мира и покой, и достойную работу. Византий стали называть Новым Римом, а потом в честь императора Константина город получил его имя — Константинополь.

В 410 году вестготы разграбили Рим, и Константинополь принял на себя роль защитника классической культуры. Византийские императоры стремились превратить свой город в политическую, торговую и художественную столицу мира. Здесь селятся представители разных народов — славяне, греки, жители Балкан, евреи и многие другие, и в этом сплаве разноплеменных культур, на границе между Азией и Европой ро-

ждается новое направление в искусстве, построенное на христианских принципах: возникает искусство иконописи и архитектура христианского храма.

Наивысшего расцвета Константинополь достиг при императоре Юстиниане. Прекрасно образованный правитель, целеустремленный и честолюбивый человек, ему хотелось не только восстановить бывшие границы Римской империи, но и расширить их, создать мировую державу.

Дни и ночи работал император: пересматривал законы, создавая свой знаменитый "Кодекс Юстиниана", готовил армию к масштабным военным действиям, руководил городским строительством, недаром его в народе называли "бессонным государем". А символом его могущества должен был стать новый собор — храм Святой Софии, по-гречески Аяя-София, который решили возвести на месте старого храма, сожженного повстанцами во время подавленного бунта.

Император пригласил руководить строительством самых известных ученых того времени — математика Анфемия из Тралл и зодчего Исидора из Милета, так как справедливо полагал, что только выдающиеся знатоки математики могут правильно рассчитать параметры купола, определить напряжения, нагрузки и решить другие инженерные задачи. Со всех концов империи в Константинополь везли материалы, мастера из Эфеса, Афин, Дельфы и Египта трудились над колоннами и капителями, на строительной площадке работало около десяти тысяч человек. Зеленые малахитовые колонны привезли с развалин храма Артемиды в Эфесе, а восемь порфировых колонн — из Баальбека, храма Солнца в Гелиополисе — как и в более поздние времена, создание нового шло на основе разрушения старого. Строительство закончили в рекордно короткие сроки — уже через пять лет, 27 декабря 537 года, храм открыли для посетителей. Он обошелся византийским налогоплательщикам отнюдь не дешево — в сумму, эквивалентную стоимости 36 тонн золота!

Войдя в храм, Юстиниан, потрясенный его великолепием, воскликнул: "Слава Господу, позволившему мне закончить храм. Я превзошел тебя, о Соломон!" Ведь раньше именно храм Соломона в Иерусалиме почитался как самое грандиозное сооружение в мире. Сравнительно простой по форме и

практически не украшенный снаружи; храм Софии поражал внутренним убранством: грандиозные колонны из мрамора разных цветов (Прокопий Кесарийский сравнивал их с цветущим лугом), резьба и богатство декора, полы из гладкого мрамора, огромный купол, сложенный из особого кирпича, привезенного с Родоса, и мозаики — золотые, теплые, излучающие свет, с живыми, выразительными ликами святых и византийских императоров, просто восхитительны.

Храм производил на посетителей неизгладимое впечатление. Не смогли устоять перед очарованием Аи-Софии и посланцы киевского князя Владимира Святославовича. Отправившись в чужие края, дабы познакомиться с разными верами и выбрать ту, которая больше подойдет для Руси, посетили она и царьградскую Софию. "Видихом тамо неизглагопанную красоту церкви, и одежды иерейские их...И несть такового красоты и славы нигде же на земле". Так Русь и приняла православие. Святая София Премудрости Божией, как величали на Руси константинопольский собор, послужила прообразом храмов в Киеве и Новгороде, и русские иконы стали писать по византийскому канону.

Судьбу Святой Софии нельзя назвать безоблачной. На ее истории отразились катаклизмы как природные, так и социальные. Не прошло и двадцати лет после окончания строительства, как в столице Византии произошло землетрясение, повредившее храм. Пришлось Софию частично перестроить. Позже в 1204 году ей нанесли страшный ущерб уже люди, крестоносцы, участники Четвертого крестового похода.

В 1198 году папа Иннокентий III задумал крестовый поход против мусульманского Египта. Предполагалось, что в Египет отправятся более 30000 крестоносцев, а приплыть туда они должны будут на венецианских судах. Однако в 1201 году в Венеции собралось лишь 10000 воинов, при этом денег на оплату услуг корыстных венецианцев, прежде всего заботившихся о собственной выгоде, а уж потом о христианских святых, явно не хватало. И тогда Венеция решила использовать армию крестоносцев в своих целях — для нападения на торгового конкурента, на далматинский город Задар. Командование флотом возложили на дожа Энрико Дандоло. В 1202 году Задар благополучно захватили, но крестоносцам было уже трудно оставаться, запах крови, запах победы и нажи-

вы их пьянил, и орды воинов с красными крестами, символами распятия, на одеждах, ворвались в столицу Византии — фактически с благословения папы, жаждавшего подчинить своей власти Константинополь, с 1054 года независимый от Рима. Воинам Господним, среди которых оказались авантюристы, безземельные, неграмотные крестьяне, грубые солдаты, беглые преступники и другой сброд, были не ведомы понятия о красоте, они знали лишь одно: прикрываясь высокими христианскими лозунгами, как можно больше грабить, чтобы потом, после похода, зажить припеваючи. Вот почему крестоносцы, оказавшись в прекрасном Константинополе, так отличавшемся от их родных и пока еще вполне варварских городов и деревень, без всякого сожаления рушили все, что попадалось им на пути. В пламени опустошительных пожаров сгорели богатейшие библиотеки, где хранились произведения древних мыслителей и ученых, исчезли с лица земли прекрасные дворцы и храмы. К счастью, огонь остановился у стен Аи-Софии. Но тут сделали все что могли сами крестоносцы. С паразитическим для христиан рвением они оскверняли православный храм, особенно постарались над внутренним убранством. А их католические пастыры не отставали от своей паствы и с удовольствием растаскивали церковные реликвии и сокровища. Безвозвратно были утеряны ценнейшие произведения искусства. Но еще более 250 лет Константинополь и храм Святой Софии оставались центром христианского православного мира, хотя территории прежней Византии постепенно подпадали под влияние набирающей мощь Османской империи.

В 1451 году на османский престол взошел умный, коварный и честолюбивый султан Мехмед II. В этом человеке сочетались жестокость и просвещенность. В борьбе за власть он уничтожил всех возможных претендентов на трон, не пожалев даже девятемсячного брата, а когда итальянский художник Беллини писал его портрет, повелел отрубить одному из рабов голову для того, чтобы продемонстрировать художнику, как сокращаются мышцы шеи. А вместе с тем этот тиран и деспот знал несколько языков, увлеклся астрономией, математикой и философией. И вот с детских лет у столь необычного правителя была мечта — завоевать Константинополь и превратить вели-

кий город в столицу своего государства. Мехмед прекрасно понимал выгоды географического положения города и ту роль, которую город мог бы сыграть в становлении Османской империи. После долгой и продуманной подготовительной работы 5 апреля 1453 года его войска вошли в Константинополь. Начался штурм, длившийся почти два месяца. Последний византийский император Константин XI вместе со своим народом до последней капли крови защищал город, но силы были неравны — десяти тысячный гарнизон не мог долго сопротивляться столпятыдесяти тысячной армии османцев.

29 мая начался главный штурм. Защитники города сражались отчаянно и обреченно, но сделать уже ничего не могли, и к утру 1 июня приближенные султана доложили своему господину, что город взят. Мехмеду было тогда всего 23 года. Свидетель тех страшных дней итальянец Дуки писал в своей "Византийской истории": "Турки, разбегаясь во все стороны, убивали и грабили, а потом пришли к храму... Увидев, что ворота заперты, они разрубили их топором... Кто расскажет о плаче и криках детей, о воплях и слезах матерей, о рыданиях отцов? ... Насильничали грабители, эти мстители Божии... В одну минуту разрубили святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты... Драгоценные и священные сосуды, золотые и серебряные... в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив". Всем посетителям Айи-Софии показывают на одной из колонн храма — очень высоко — пятно странной формы, напоминающее отпечаток кисти руки: говорят, что когда султан въехал на коне в поверженный собор, весь храм был доверху заполнен телами византийцев и турок, павших в жестокой и беспощадной битве. Испуганный конь встал на дыбы, и султан, сохраняя равновесие, оперся окровавленной рукой о колонну. А потом, осмотрев храм, повелел в ознаменование победы над неверными переделать его в мечеть.

Итак, сбываясь мечта султана — Константинополь, превратившись в Стамбул, стал столицей Османской империи. А прекрасная Айя-София превратилась в мечеть. В тот же день, в день победы 1 июня 1453 года, в ее стенах раздались молитвы, обращенные к Аллаху.

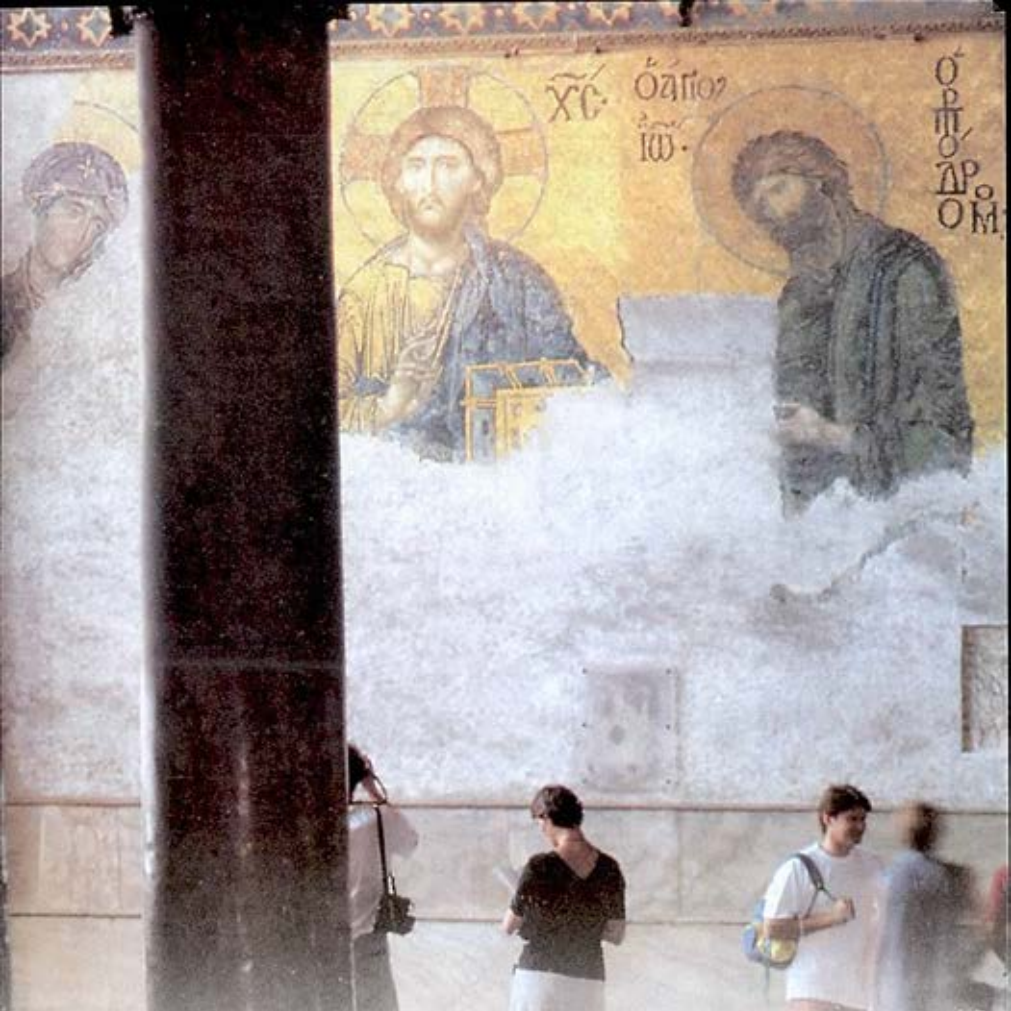
Турки тут же принялись перестраивать храм в соответствии со своими представле-

ниями. Большую роль в этом важном политическом и религиозном деле сыграл выдающийся мусульманский архитектор Синан-паша (1489-1588), создатель многих замечательных зданий Стамбула. Фрески с изображениями христианских святых закрашивали или просто уничтожали — ведь Аллах строго-настроено запрещает человеку создавать образы людей и животных, зато на стенах появились орнаменты и надписи на арабском языке — имена Аллаха, Мухаммеда и халифов. В главном нефе поставили направленный в сторону Мекки михраб и минабар — кафедра, с которой имамы проповедовали учение Пророка. Появилось и специальное место для султана — максура. Вместо креста на куполе засиял месяц, и по четырем углам мечети вознеслись минареты. Баптистерий превратили в гробницу султана Мустафы I — там он погребен вместе со своим племянником Ибрагимом. Рядом с их мавзолеем гробницы трех других султанов, их жен и родственников.

В 1847-1849 годах по поручению султана Абдулмеджида известного швейцарского архитектора Гаспара Фассети допустили в святая святых — ему, конечно, неверно, но зато очень опытному мастеру, поручили провести реставрационные работы в мечети. И вот, работая в храме, Фассети обнаружил спрятанные под слоем гипса прекрасные золотые мозаики. Скрепя сердце, он снова их замазал, спрятав до лучших времен. И эти времена пришли!

В XX веке пала казавшаяся незабываемой Османская империя. В стране начались поистине революционные изменения, в 1923 году возникла Турецкая республика со столицей в Анкаре. Первый президент Турции Кемаль Ататюрк (1881-1938), превративший свою страну в светское государство европейского типа, принял мудрое решение: главная мечеть Стамбула, древняя Айя-София, должна стать музеем византийской и османской культуры. В 1932 году организовали Американский Византийский Институт, ученые и реставраторы которого открыли большую часть древних фресок, и в 1935 году Святая София распахнула двери для первых туристов.

Внешне простая, с гладкими стенами и огромными контрфорсами трехнефная купольная базилика длиной 77 метров с куполом, поднятым на высоту 55 метров и диа-

метром более 31 метра производит колоссальное впечатление. Купол образован сорока радиальными арками и имеет сорок окон. Потрясает великолепный по богатству оформления интерьер. Стены облицованы разноцветным мрамором, боковые аркады украшают колонны из малахита и порфира. Всего в храме более ста колонн. Блестят яркие мозаики с сюжетами на религиозные темы, портреты византийских императоров и членов их семей. От византийских мозаик до наших дней дошли изображения Христа на троне, херувимы в надсводных частях опорных арок, Мария на троне и фрагменты ангелов в аспиде. Лучше сохранились мозаики на галерее, опоясывающей внутреннее по-

мещение, но они созданы позже, в IX-XII веках.

Итак, вы входите в храм. За его стенами идет шумная жизнь большого города, но жара и суэта стамбульских улиц, призывы настырных торговцев купить хоть что-нибудь, рев автомобилей, свистки полицейских — все это остается где-то далеко, и вы оказываетесь наедине с творением великих мастеров, искусство которых нисколько не устарело и не померкло, оно по-прежнему совершенно и непревзойденно, по-прежнему очищает и возвышает души людей разных вер и разных культур. Недаром сюда, в самое сердце Стамбула, едут и едут туристы из всех стран мира...

■ "Мои картины — это образы. Образ невозможно описать адекватно, не указав духу пути к свободе". Всю свою жизнь Магритт указывал душам людей путь к свободе, путь к ничем не сдерживаемому полету фантазии, мысли; художник ничего не навязывает нам, он просто говорит — будьте свободны, ведь только тогда вы сможете прийти к истине...

Рене Магритт родился 21 ноября 1898 года в небольшом бельгийском городке Лесинь. Его мать, мадам Регина, до замужества работала скромной модисткой, и брак с коммерсантом Леопольдом Магриттом ее родственники восприняли как большую удачу. Рене был первым ребенком, потом в семье родились еще двое детей, мальчики Раймон и Поль. Казалось, все складывалось совсем не плохо — дела у месье Магритта шли замечательно, в семье — достаток, и дети — здоровы. Несчастья начались, когда Магритты переехали в Шатле, живописный городок на берегу реки Самбры. Там они приобрели большой, просторный дом, в котором всем хватало места. Но почему-то Регине дом не нравился. Ей казалось, что здесь, в Шатле, счастья у них не будет. Тревога поселилась в ее душе, ей все время чудилось, что вот-вот произойдет что-то страшное. Иногда отчаяние и ощущение близкой смерти охватывали все ее существо, и тогда она решалась на самое страшное — самоубийство. Несколько раз пыталась покончить с собой — однажды даже пробовала утопиться в баке с водой. В доме было напряженно, неспокойно, и дети не могли не чувствовать, что с матерью что-то не так. Месье Магритт, как мог, боролся с темной силой, поселившейся в сознании несчастной женщины — запирали ее, следил за женой, но безумие все больше и больше овладевало мадам Региной. И вот однажды — это случилось в 1912 году, когда Рене исполнилось 14 лет — она исчезла. Проснувшись посреди ночи, Леопольд увидел, что жены нет. Все были подняты на ноги. И вот, наконец, после настойчивых поисков Регину нашли — тело обнаружили в водах Самбры. Когда труп вытащили из воды, голова оказалась закутана в ночную рубашку. Почему так получилось — обернула ли свою голову сама Регина из-за страха перед водной стихией, или виновато течение, круговорот, трудно сказать...

Смерть матери, такая странная, загадочная, потрясла Рене. Потом, спустя много лет, его еще долго преследовал образ обнаженного женского тела с лицом, которое невозможно увидеть. Их дом заполнили родственники, друзья и знакомые, они выражали сочувствие, жалели Рене и его братьев, приносили соболезнования господину Магритту. Строгие черные костюмы у мужчин, траурные туалеты у женщин, черный цвет — везде. Рене переходил из комнаты в комнату, и всюду при виде его затихали приглушенные разговоры, и скорбные взгляды обращались на мальчика.

И еще одна встреча со смертью, случившаяся в юные годы: однажды Рене оказался свидетелем падения аэроплана. Тогда авиация делала свои первые шаги, и отважные летчики, дерзко поднимавшиеся в небо на хрупких летательных аппаратах, казались настоящими героями. И вот Рене увидел, как один такой аэроплан после неудачного пируэта камнем врезался в землю, из-под обломков вытащили искаленное тело летчика; его лицо скрыто — шлемом и очками. Человеческое тело без лица, существо без индивидуальности — годами эти образы терзали Магритта, а потом появлялись на его полотнах.

По-видимому, Леопольду Магритту трудно было оставаться жить в Шатле, в доме, где все связано с его несчастной женой, и он решил пе-

реехать — в Шарлеруа. Здесь горе утраты постепенно ушло в прошлое, в воспоминания. А жизнь продолжалась. Рене, еще в двенадцать лет проявивший интерес и определенные способности к рисованию, в Шарлеруа с огромным жаром продолжил занятия живописью. Однажды на городской ярмарке, в шумной толпе зевак, пришедших поразвлечься, поглазеть на аттракционы, а то и прикупить что-нибудь, он случайно столкнулся с девочкой. Очаровательную незнакомку звали Жоржетта — вот все, что ему удалось тогда про нее узнать. Юный Рене — романтик, он с первого взгляда влюбился в Жоржетту, милую двенадцатилетнюю девочку. Это судьба, думает восторженный юноша. Но до свадьбы еще далеко, а пока его герои — персонажи известных детективных романов Нат Пинкертон и Ник Картер, с легкостью разгадывающие самые запутанные криминальные тайны, и, конечно же, кумир всех мальчишек того времени — загадочный и опасный Фантомас, лицо которого скрыто под страшной маской.

В 1916 году Рене поступил в брюссельскую Академию изящных искусств и закончил ее в 1918-м. Устроившись дизайнером на обойную фабрику, Магритт не оставлял занятий серьезной живописью. В то время все молодые художники Европы были под влиянием идей дадаизма, кубизма и футуризма. Отрицание общепринятых ценностей, буржуазных идеалов, определенная революционность и просто желание бунта, иногда даже не вполне осознанного — вот что переполняло души молодых и дерзких художников, поэтов и теоретиков. И Магритт с увлечением пишет свои полотна — "Всадница", "Женщина" и другие — вполне в стиле новых тенденций. Один из его новых приятелей Марсель Леконт однажды познакомил его с творчеством Джорджо де Кирико. "Метафизические пейзажи" итальянского поэта и художника де Кирико поразили Рене своей загадочностью, соединением несоединимых вместе элементов, античных и современных сюжетов, поэтическим настроением и метафоричностью. Кирико с его любовью к древности и острым ощущением современности сильно повлиял на Магритта, на его становление как творческой личности.

Но жизнь не закидывалась на искусстве — спустя десять лет после той, забываемой встречи на ярмарке с маленькой Жоржеттой он в 1920 году снова встречается с ней — теперь это уже вполне взрослая и довольно милая девушка. На замечательном графическом и очень реалистическом портрете 1924 года Рене изобразил свою любимую — черненькая, с живыми выразительными глазами, прекрасным овалом лица, умная, не лишенная страстей, тонкая женщина. Жоржетта Берже стала его подругой, а потом и женой — они поженились в июне 1922 года, после того, как он отслужил в армии, отдав гражданский долг.

Их связывали удивительно нежные отношения. Она с огромным уважением относилась к его творчеству, создала условия для работы, полностью взяв на себя хозяйственные обязанности. Детей у них нет, и вся нежность направлена друг на друга. Жоржетта предоставила мужу полную свободу — он волен встречать-

ся с друзьями, работать и даже порой посещать бордели — это способствует миру в доме, полагала она. Жоржетта установила четкий распорядок дня, здесь все делается по часам — и это даже радовало Рене: ничего неожиданного в их жизни произойти не могло, и самое главное, она, его единственная женщина, никогда не исчезнет из его жизни — внезапно, среди ночи, как когда-то сделала его мать. И лишь однажды этот незабываемый порядок слегка пошатнулся — Жоржетта увлеклась одним из друзей Рене. Обезумевший от возможности потерять любимую, Магритт упросил знакомого полицейского пойти с ним в дом к приятелю и забрать оттуда Жоржетту! После недолгих переговоров загулявшую Жоржетту в сопровождении полицейского и Рене препроводили домой. Так закончилось ее первое и единственное приключение.

Но все эти переживания не мешали Магритту неустанно работать. Он вырабатывает свой стиль, свою не похожую ни на кого манеру. В 1925 году появляется картина "Заблудившийся жокей", картина, ставшая первым настоящим "Магриттом", и "Розы Пикардии", знаменующая новое мироощущение — поэтический реализм. А в 1927 году в Брюсселе состоялась его первая большая вы-

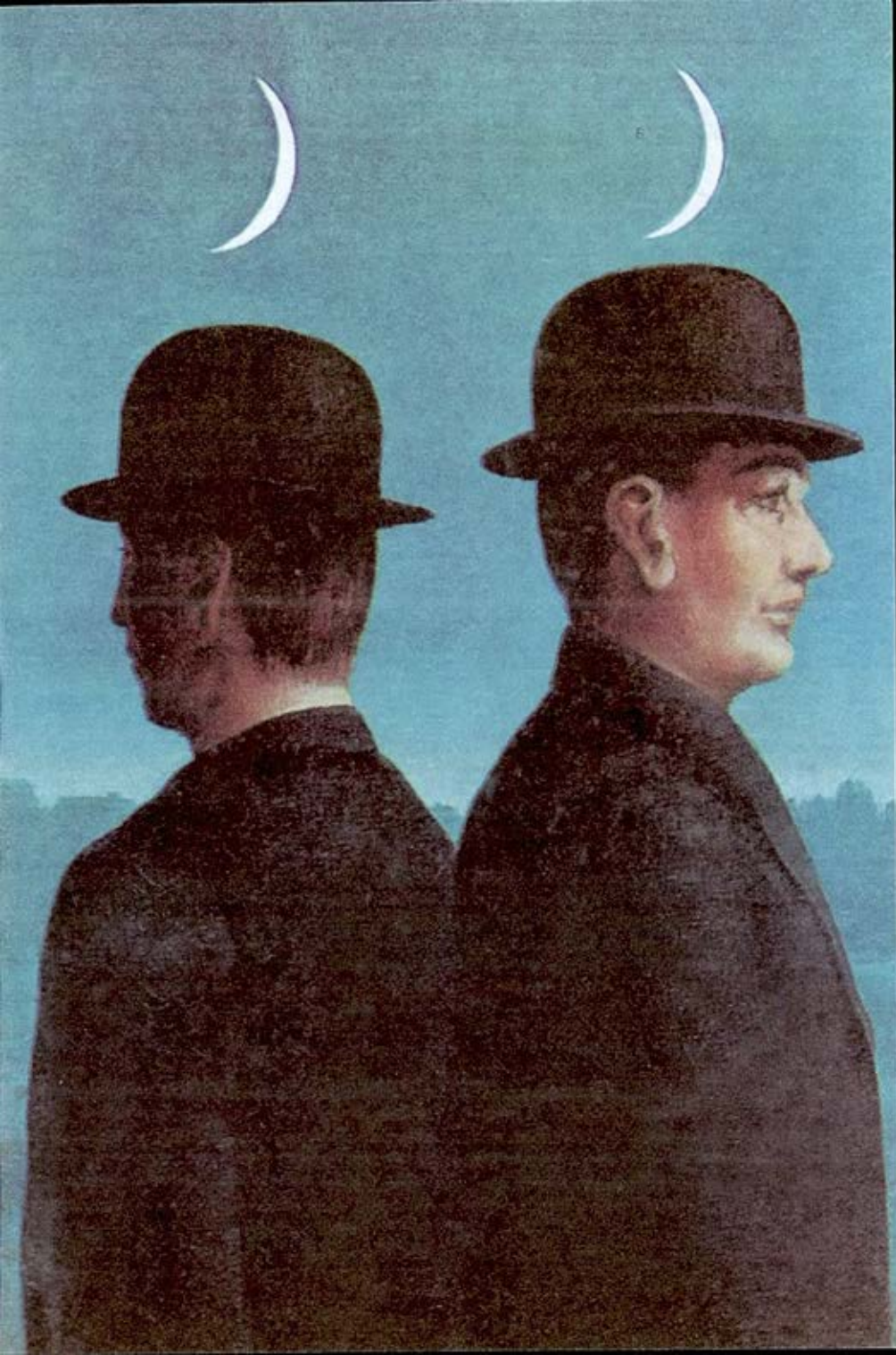
ставка, — в галерее "Кентавр". Выставка, вызвавшая большой интерес как посетителей, так и критиков. Нельзя сказать, что пришедшая публика поняла и приняла художника, но о нем заговорили.

Однако что такое Брюссель? Большое искусство делается в Париже, где живут и работают все самые скандальные художники того времени, и Магритт принимает решение — надо ехать в Париж, там он найдет и единомышленников, и новых друзей. И в том же 1927 году он с Жоржеттой приехал в столицу Франции. Они сняли жилье в небольшом городке под Парижем, в Перро-сюр-Марн, и активно влились в бурную жизнь сюрреалистов — именно это направление оказалось особенно близко Магритту.

Термин "сюрреализм" в свое время предложил Аполлинер, а в 1924 году Андре Бретон, ставший признанным теоретиком и вождем нового направления, написал "Манифест сюрреалистов", в котором сформулировал основные его принципы. Провозгласив своими предшественниками испанского архитектора Антонио Гауди, Марка Шагала и Джорджо де Кирико, опираясь на теории Фрейда и интуитивизм Бергсона, он заявил: в основе сюрреализма лежит сфера подсознательного — инстинкты, галлюцинации, сновидения. Фрейдизм превратился в способ мышления, а по признанию Дали, мир идей знаменитого создателя психоанализа для сюрреалистов означал то же, что для средневековых художников мир Писания или античное искусство — для творцов Возрождения. Проводеву антиклерикализм, высвобождение подсознательных психических процессов, сексуальной энергии, избавление от эротических, садистских и других комплексов, художники объявили, что их главная цель — радикальное изменение индивидуального сознания. Художники сюрреалисты пишут иррациональный мир, но при этом на их полотнах — натуралистические детали, переданные с почти фотографической точностью. "В картинах сюрреалистов, — заметил один критик, — тяжелое провисает, твердое растекается, мягкое костенеет, безжизненное оживает, живое гниет и обращается в прах".

Итак, Магритт оказался в стане сюрреалистов. Новые друзья Рене — Андре Бретон, Поль Элюар, Рене Шар и молодой Дали. Рене покровительствует галерейщик Камиль Геманс, уже не раз выставивший сюрреалистов Ханса Арпа и Ива Танги; Геманс тоже бельгиец, и он с большим теплом отнесся к Рене, которого считал очень талантливым. Поль Элюар, тонкий знаток искусства, да и многие другие с удовольствием покупали его картины. Магритт участвовал во всех выставках сюрреалистов, проходивших в Париже. Постепенно он становился вполне заметной фигурой в этом кружке художников и литераторов. Они частенько собирались в известных всей парижской богеме ресторанчиках "Доме" или "Куполе", и там пылко обсуждали новые пути в искусстве — конечно, не забывая вовремя опрокинуть бокал доброго французского вина. Иногда они пробовали и наркотики, и тогда в их сознании с еще большей силой возникали странные, порой кошмарные видения. "Сюрреализм — не правила для пера или кисти. Это образ жизни", — писал Морис Надо, известный знаток этого движения.

В 1929 году Сальватор Дали, яркий, талантливый и становившийся все более известным каталонец, пригласил большую компанию к себе, в свой родной городок Cadaqués. В числе приглашенных — галерейщик Камиль Геманс, пригравший этого испанца с тонкими черными усиками, его жена, Поль Элюар со своей женой Галой и чета Магриттов. Все — вполне милые люди и очень хорошо относящиеся друг к другу, а, кроме того, жизнь в Испании очень дешевая, и почему бы не провести время на берегу моря, в такой замечательной компании?

Каталония с ее простой жизнью, с примитивными, на первый взгляд, обычаями и устоями, так не похожа на Париж! Яркое солнце, голубое, без единого облачка небо, живописные горы, суровая жизнь каталонских моряков... Магритты с Гемансами устроились в гостинице "Мирамар". Магритт восхищен красотой Каталонии и рассчитывает как следует поработать. Жоржетта — всегда рядом, сопровождает его всюду. На глазах Магриттов начинается романтическая история отношений Галы Элюар и Сальватора Дали. Галя — зрелая и

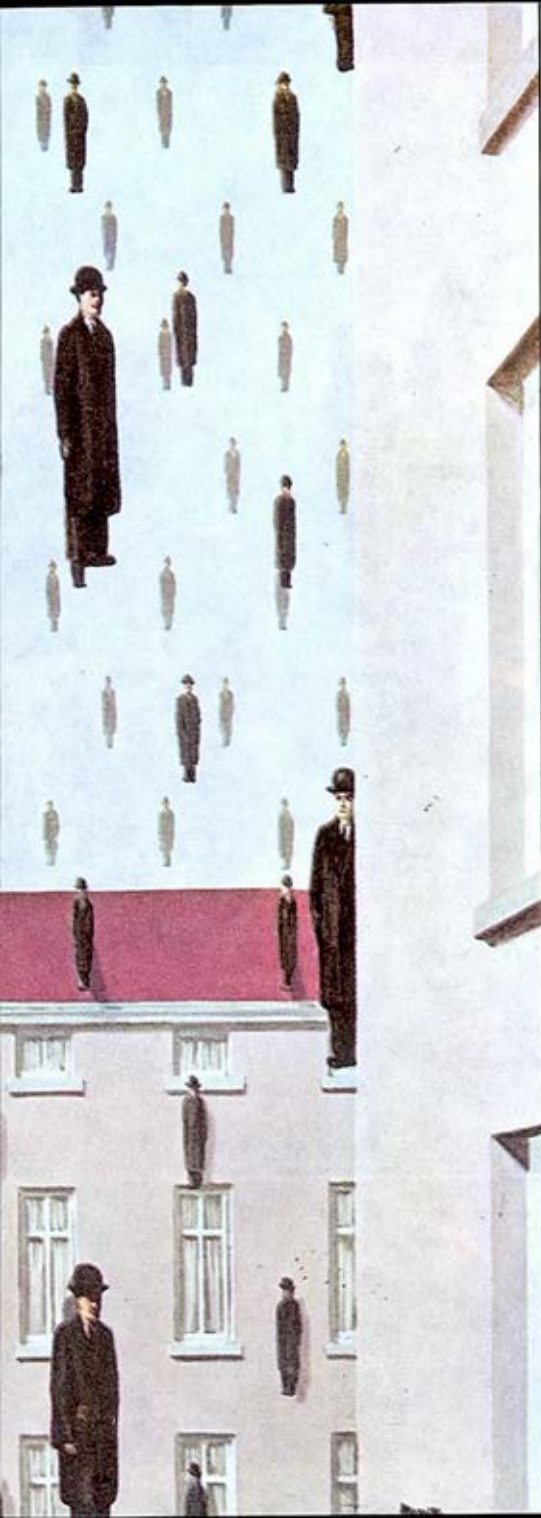

слегка уставшая от жизни женщина, которой уже довольно сильно наскучил муж и которой так хочется чего-то нового. И молодой, похоже, неопытный в любви Дали, безумно влюбившийся в эту кажущуюся ему загадочной и прекрасной женщину. Он готов все забыть, все бросить ради нее. И даже старый верный друг Бюнюэль, присоединившийся к компании парижан и пытающийся заставить Дали трезво посмотреть на ситуацию, не смог ничего изменить... Гемансы, Элюар и Магритты уехали во Францию, а Гала осталась с Дали — навсегда, с тех пор их судьбы нерасторжимы.

После возвращения что-то словно разладилось в отношениях Рене и вождей сюрреализма. И вскоре Магритт окончательно порвал с их кружком — поводом послужила ссора с Элюаром: на одной из вечеринок Поль привязался к крестике, висевшему на груди у Жоржетты. Андре Бретон, известный ниспровергатель всяческих авторитетов и, в частности, ярый антицерковник, потребовал, чтобы Жоржетта тут же сняла крестик. Она, конечно же, воспротивилась — как можно, этот крестик так много для нее значит, он с ней с самого детства! Оскорбленная чета покинула общество. А потом — и Париж. Магритты вернулись на родину, в Брюссель и уже больше никогда надолго не покидали этот город. Лишь иногда им приходилось уезжать, чтобы участвовать в открытии выставок Рене в разных странах.

Магритт много работал, и на его полотнах рождались новые и новые образы. Еще в 1929 году он создал в некотором роде программное произведение — «Фальшивое зеркало». Все пространство картины занимает изображение огромного глаза. Только вместо радужной оболочки — летнее голубое небо с прозрачными облаками. В названии картины он как бы формулирует основную идею: органы чувств человека лгут ему, давая неверную информацию, они послушно отражают видимость вещей, не передавая их скрытой сущности, их тай-

ны. И только несоединимое, чуждое, противоречащее реальности, удаленное друг от друга, может помочь познать мир. Магритт все больше и больше осознает то, что разделяет его и сюрреалистов: метод, идеи Фрейда, лежащие в основе их теоретических построений и картин, направлены прежде всего на выявление болезненных проявлений психики и таким образом толкование произведений художников сводится к терапевтическому фактору. Но разве в этом состоит смысл искусства? Нет, отвечал Магритт. В одном из своих писем (от 12 марта 1937 года) он заметил: "Искусство, как я его понимаю, не подвластно психоанализу, это всегда тайна". Теперь он изо всех сил открещивался от сюрреализма, а в 1946 году случилась его повторная ссора с Андре Бретоном, после чего Рене опубликовал яростный антисюрреалистический манифест "Сюрреализм в свете дня", уже навсегда поставивший Магритта вне этого движения. Он всегда с большой иронией относился к попыткам интерпретировать его картины с помощью психоанализа. "Они решили, что моя "Красная модель" — проявление комплекса кастрации. Выслушав несколько объяснений подобного рода, я решил написать картину по всем правилам психоанализа. Естественно, они проанализировали ее так же хладнокровно. Ужасно видеть, какому глумлению может подвергнуться человек, сделавший один неверный рисунок. Возможно, психоанализ — лучшая тема для психоаналитика". И Магритт упорно отказывался называться сюрреалистом, зато признавал себя "магическим реалистом".

Влюбленные. 1928.

И действительно, в его творчестве так много от другого великого бельгийца, Иеронима Босха (1450-1516). На картинах Босха, как и на картинах Магритта, фантастическое и абсолютно реальное оказываются рядом, все пропитано сложнейшими символами и аллегориями, и далеко не всегда их смысл на поверхности. Магритт восхищался Босхом, его поразительной способностью, тщательно выписывая детали, отдельные предметы и пейзажи, создавать глобальные философские образы, в которых соединялась греховность и высота духа человека.

В 30-е годы Магритт изучает творчество другого своего соотечественника, драматурга и философа Мориса Метерлинка, автора знаменитой "Синей птицы", который еще в 1889 году писал: "Символ — это сила природы, разум же человека не может противостоять ее законам... Если нет символа, нет произведения искусства". Рене размышлял о прошлом и будущем, о том, как эти две части жизни соотносятся в настоящем. В 1934 году он написал картину "Рамки жизни" и сам же ее прокомментировал: "Перед окном, которое мы видим, я поместил картину, изображающую как раз ту часть пейзажа, которую она, эта картина, закрывает. Таким образом, дерево на картине заслоняет дерево, стоящее снаружи, за окном. Для зрителя дерево находится одновременно на картине и снаружи в реальном мире. Именно так мы и видим мир — вне нас и в то же время — его представление внутри нас. Таким же образом мы иногда помещаем в прошлое то, что происходит в настоящем. Тем самым время и пространство освобождаются от того тривиального смысла, которым их наделяет обыденное пространство". И тут Рене Магритт достигает в своем искусстве настоящих философских высот.

В 1936 году открылась первая выставка Магритта в Америке, в Нью-Йорке. Ее организовал Жюльен Леви, большой почитатель Магритта и автор нескольких эссе о художнике. Все вокруг говорили о войне в Испании, о набирающем силу фашизме. И Магритт, видя только в коммунизме силу, способную противоборствовать коричневой чуме, начал сотрудничать в газете коммунистов "Глас народа" (под псевдонимом Флоран Берже — так звали его тестя). В 1937 году он три недели жил в доме богатого коллекционера Эдварда Джеймса, для которого выполнял несколько работ маслом и тушью. В 1938 году Лондонская галерея организовала первую большую выставку художника. В это же

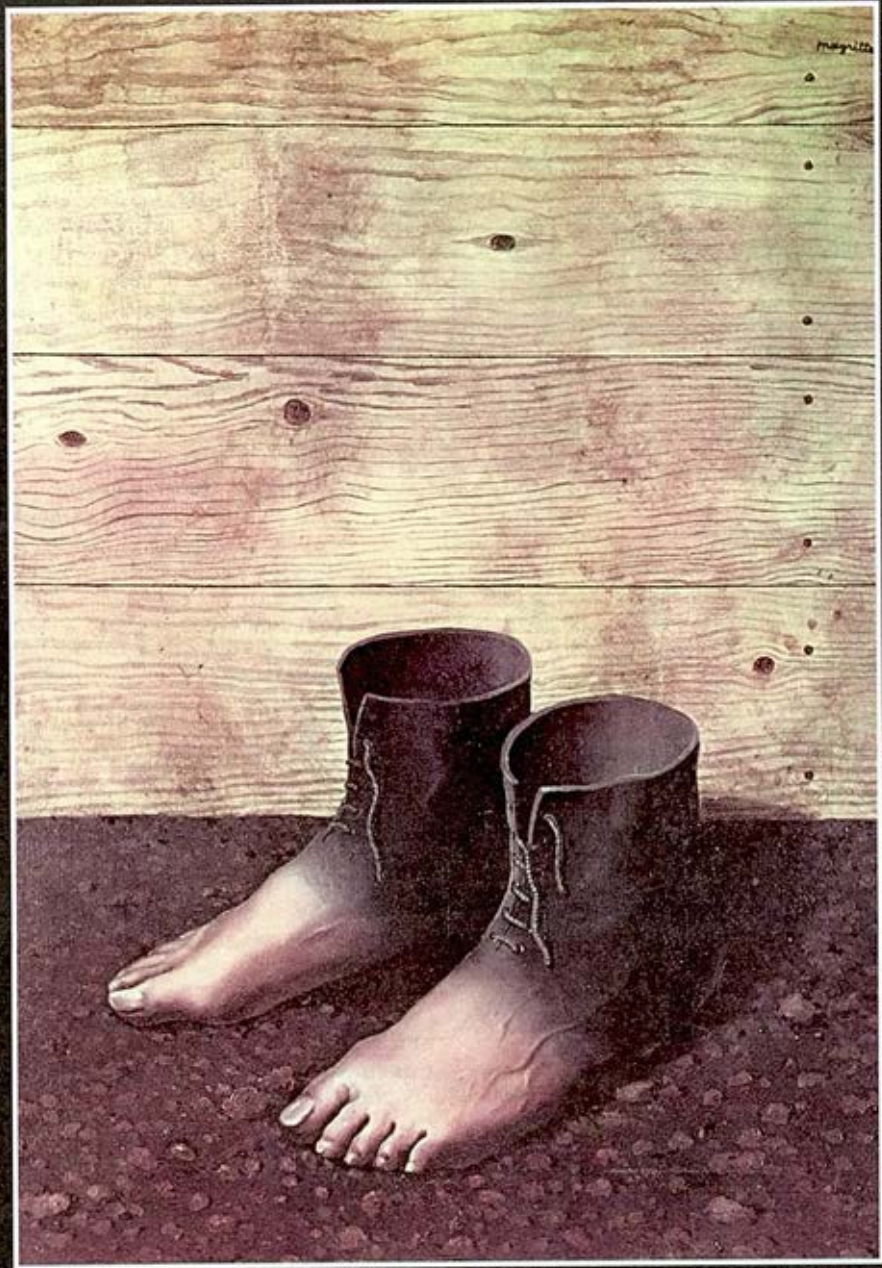
время известный критик и философ Герберт Рид опубликовал серьезный труд под названием "Поэтический принцип", посвященный творческим принципам Магритта. Магритт становится всемирно знаменитым, его картины входят в моду и продаются по высоким ценам, и ему уже отнюдь не угрожают бедность и безвестность.

В 1940 году немцы оккупировали Бельгию. На некоторое время Магритты уехали из Брюсселя, но потом вновь вернулись в родной город — художник хотел быть со своим народом до конца.

Когда же гитлеровцев изгнали из Бельгии, в Брюсселе почитатели художника организовали первую его персональную выставку на родине. Она торжественно открылась 11 июля 1943 года. В этом же году вышла большая монография Марселя Марийена, посвященная его творчеству. Его картины и художественные принципы оказывают огромное влияние на художественное сознание людей, они будоражат фантазию и творческое воображение. В его работах открываются новые свойства вещей и людей, новые свойства сознания, новые философские глубины.

Вот картина "Каникулы Гегеля": зонт, на котором стоит стакан с водой, и капля воды стекает по ручке зонта. Гегеля, логики, диалектики, строгого ученого здесь нет — он отдыхает, он "на каникулах". Да ему и нет места в этом мире алогических символов, которые можно расшифровывать как угодно. Ясно, что назначение зонта — защищать от воды. Вода сосредоточена в стакане, но кап-

Красная модель. 1935.

ля все-таки каким-то образом оказалась на ручке. От жизни никак не спрятаться! Возможно, художник хочет сказать это, а может — что-то другое...

На картине "Безумие величия" ("Мегаломания"), написанной в 1948 году, изображена на фоне огромного пространства синего моря стоящая на парапете догорающая свеча, символ бренности и конечности жизни, а может — мятущейся человеческой души? Рядом — вырастающие друг из друга все более совершенные женские торсы, написанные теплыми, живыми тонами. Эти торсы заставляют вспомнить прекрасную Венеру Милосскую — по-видимому, символ чувственности, земных радостей и наслаждений. А в небе рядом с облаками летают голубые, легкие геометрические формы и воздушный шар, символизирующие абстрактные идеи и теории. Так рождается образ мира, в котором живет человек с его страстями и высокими духовными устремлениями.

Огромную роль для Магритта играют названия его картин. Он часто обсуждал, как назвать ту или иную картину со своими друзьями-литераторами. "Живая эмоция должна присутствовать в названии. Название — это указатель функции картины", — говорил художник, творчество которого просто пронизано поэзией. Вот, например, одна из самых известных картин Магритта "Голконда", где почтенные буржуа, обладающие весом — политическим, материальным, финансовым — повисают в воздухе невесомыми, при этом Голконда — легендарный индийский город, славившийся своими несметными богатствами.

В начале 50-х художник расписывал стены игорного зала брюссельского муниципального казино. В те же годы прошли его большие выставки в Лондоне, Риме, Нью-Йорке и Париже. Искусство Магритта обрело мировое признание. В 1956 году Рене Магритт как выдающийся представитель искусства Бельгии получил престижнейшую премию Гугенхайма.

Он работал много и напряженно, писал карикатуры, гуаши (они были выставлены в парижской галерее "Фобур" и приняты публикой довольно холодно), расписывал Дворец изящных искусств в Шарлеруа, участвовал в организации большой ретроспективной выставки в брюссельском Дворце искусств, а дома его ждала верная Жоржетта — она всегда рядом, эта самая любимая, все понимающая, все прощающая и бесконечно преданная ему и его искусству женщина.

В 1965 году в Нью-Йорке в Музее современного искусства почитатели таланта художника организовали его большую ретроспективную выставку, ставшую настоящим событием в культурной жизни Америки и всего мира.

Его картины, эти изящные и прекрасные полотна, несущие тайны и загадки, не оставляли равнодушными никого. "Без тайны ни мир, ни идея невозможны", — любил повторять художник. И самое замечательное было то, что каждый человек, прикасавшийся к искусству Магритта, словно включался в творческий процесс, осмысливая проблемы, разгадывая ребусы, которые художник формулировал и составлял с помощью красок и своей кисти. И каждый на основе своего опыта и своего культурного уровня находил именно то решение, которое было необходимо в данный момент его жизни.

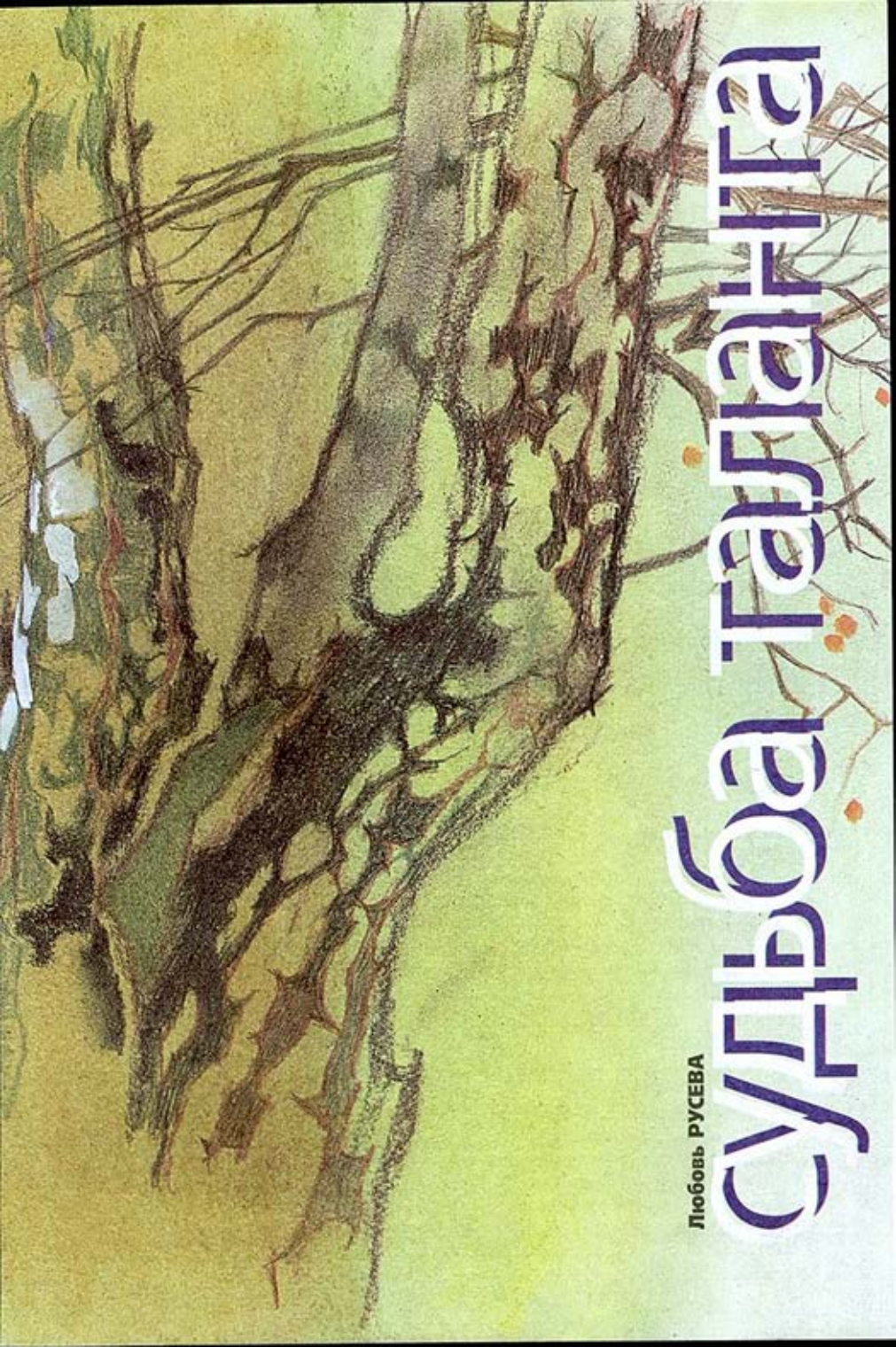
Рене Магритт умер в Брюсселе, в своем доме, 15 августа 1967 года, не дожив до семидесятилетия.

Искусство Магритта часто называли "снами наяву". На что художник с присущей ему афористичностью говорил: "Мои картины — не сны усыпляющие, а сны пробуждающие". И действительно, его полотна пробуждают мысль, действуют на воображение, заставляют задавать вопросы, а ведь в этом и заключается основная задача настоящего, большого искусства. ■

реставрация Геннадия Новожилова

Любовь РУСЕВА

Судьба таланта

“К числу имен, дорогих для каждого образованного русского человека, несомненно принадлежит имя Писемского — одного из самых талантливых русских писателей XIX века... На долю Писемского выпала... самая незаслуженная судьба! Поруганный, измученный при жизни злоязычными нападками всей фаланги писак... заживо похороненный своими литературными врагами, — Писемский после смерти был забыт и друзьями, и почитателями. Но злой судьбе недостаточно было этого забвения... Она решилась и за гробом мстить Писемскому, подыскав ему... в биографы г-на Венгерова, который уж совершенно бесцеремонно поставил Писемского к позорному столбу и вывел его на всеобщее поругание...”
П. Полевой.

Алексей Феофилактович, что с вами? — удивился встревоженным видом хозяина Иван Горбунов, которого тот по-отцовски опекал.

— Как, братец, разве ты не знаешь? Посмотри! — Писемский указал на письмо от князя Оболенского. — Завтра нас ждет великий князь Константин Николаевич на фрегате “Рюрик”.

— Так что же?

— Как — что?! По морю-то плыть — не по Волге!

— Да далеко ли тут!

— У тебя нерв нет! В шхерах-то там налетишь...

О мнительности Писемского ходили анекдоты. Над своими страхами, как, впрочем, и над другими недостатками, Алексей Феофилактович сам подшучивал, но поделаться с собой ничего не мог. К тому же напугавшее его приглашение он получил, когда неприятельский объединенный флот стоял перед Кронштадтом, и со дня на день ожидалась бомбардировка.

На “Рюрике” гостей любезно встретил Константин Николаевич.

— Я с удовольствием читал ваши сочинения, — сказал он Писемскому, — и очень рад, что услышу ваше чтение. Мне говорили, что вы мастерски читаете. А вы еще юноша, — обратился он к Горбунову.

— Только что начинает, — нежным отеческим тоном заметил Писемский.

Чтение происходило на палубе за длинным столом и чаем. Алексей Теофилактович как всегда блистал. Рассказ был уже близок к концу, вдруг глухой пушечный выстрел!.. Писемский вздрогнул и побледнел, другой...? третий... четвертый...

— Начали? — произнес он простодушно, робко окинув всех глазами. Ему представилась бомбардировка.

— Это салют. К неприятелю идет пароход с моря, — успокоили его.

Пальба продолжалась, и Писемский не раньше ее окончания приступил к чтению, но начал читать двумя тонами ниже, так его поразила эта неожиданность.

“Я происхожу от старинного дворянского рода. Один из предков моих, некто дьякон Писемский, был посылаем царем Иоанном Грозным в качестве посла в Лондон для осмотра племянницы королевы Елизаветы, на каковой племяннице царь предполагал жениться. Другой предок мой из рода Писемских пошел в монастырь и удостоился быть причисленным к лику святых, в сонме которых до сих пор именуется Макарием Писемским, и мощи его почивают в Макарьевском на Унге монастыре. Позднейшие Писемские, о которых я слышал, были, по большей части, люди богатые: но та ближайшая ветвь, от которой собственно я происхожу, была совершенно захудалая: дед мой был безграмотен, ходил в лаптях и сам пахал землю. Богатый родственник его, малороссийский помещик, взялся устроить судьбу отца моего Теофилакта Гавриловича Писемского, которому тогда было четырнадцать лет. Устройство судьбы ребенка состояло в том, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамоте и определили солдатом в войска, шедшие завоевывать Крым. Крым завоевали, а войска двинули далее на Кавказ. Большая часть офицеров, у которых хоть что-нибудь было на родине, вышли в отставку; отец же мой, которому решительно не на что было надеяться, последовал за войсками...

Отец мой был в полном смысле слова военный служака того времени, строгий исполнитель долга, умеренный в своих привычках, человек неподкупной честности в смысле денежном и вместе с тем строгий к подчиненным: и наши крепостные люди его трепетали, но только дураки и лентяи, а умных и дельных он даже баловал иногда.

Мать моя была совершенно других свойств: нервная, мечтательная, тонкоумная и, при всей недостаточности воспитания, прекрасно говорившая и весьма любившая общительность.

Собой она, за исключением весьма умных глаз, была нехороша, и по поводу ее наружности покойный отец мой, когда я был уже студентом, имел со мною такого рода беседу:

— Скажи ты мне, Алексей, отчего это мать твоя, чем дольше живет, тем красивее становится?

— Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая с годами все больше и больше выступает.

— Так, — согласился со мною отец, — а я так вот, кажется, все такой же остаюсь, как был.

— Нет, и вы, папенька, делаетесь лучше: вы нынче делаетесь добрее и не так гневливы.

— Гораздо, брат, меньше сержусь! — воскликнул старик уже со слезами на глазах. Я столько нагрешил с этой моей гневливостью, что и не отмолить мне грехов моих¹.

Алексей Феофилактович вобрал в себя лучшие черты своих родителей. К тому же чрезвычайно развитые воображение и фантазия с годами не проходили, а, напротив, усиливались. До конца жизни в нем причудливо сочетались глубокий, цепкий и по-крестьянски практический ум с детской наивностью и юношескими порывами. Добродушие его и совершенное отсутствие зависти подчеркивали все современные, а глубокая жажда справедливости многих раздражала. При всем сознании своих заслуг и дарований Алексей Феофилактович был удивительно скромный. Все это и создало ему славу чудака и циника.

“При виде Писемского в обществе и в семье, — писал Анненков², — при разговорах с ним и даже при чтении его произведений, я думаю, невольно возникала мысль у каждого, что перед ним стоит исторический великорусский мужик, прошедший через университет, усвоивший себе общечеловеческую цивилизацию и сохранивший многое, что отличало его до этого посвящения в европейскую науку...”.

Творческая работа не только в наши дни ценится низко. Тогда тоже на литературном труде разбогатеть было трудно. Алексей Феофилактович, бросив службу ради писательства (он был чиновником особых поручений губернатора Костромы, потом многие преступления, которые он расследовал, легли в основу сюжета, а преступники и их жертвы стали героями романов и повестей), долгое время перебивался с хлеба на воду. “Не стесняясь, он в глаза говорил издателям журналов и сборников, что их благосостояние зиждется на эксплуатации и бедности их сотрудников и вкладчиков, — вспоминал Анненков. — Никто не сердился на него за эти слова, во-первых, потому, что их производил весьма нужный человек, а во-вторых, потому, что, в сущности, это были безобидные слова, не способные изменить обычаев литературного рынка”.

Но вот в 1861 году для Писемского наступил день, когда он себя почувствовал, как бы мы теперь сказали, “белым человеком”. Наконец его тяжкий писательский труд оценили достаточно прилично. Стелловский купил у него право на издание всех появившихся его произведений за немалую для того времени сумму — 8 000 рублей. Получив крупный задаток, Алексей Феофилактович, как сам потом с юмором вспоминал, тотчас же ощутил себя богачом и отправился в ранее не доступное для себя заведение, где толстосумы прожигали свое состояние. Писемский шумно распахнул двери чертог, недоступные прежде, и гордо вошел. Но тут же пулей вылетел оттуда. Подобострастие, готовность служить всем его капризам и “звериная алчность к деньгам” тотчас отрезвили “креза”.

Транжиры из него не получились, зато в любимой им Москве он построил в Борисоглебском переулке собственный дом, состоявший из нескольких деревянных флигелей, и каждый из них назывался по имени романа, на гонорар которого был выстроен.

— Вот это “Тысяча душ”, а вот это “Взбаламученное море”, а вот это “Люди сороковых годов”, — пояснял Писемский. — А “Масонами” я только железную крышу натянул.

“В 1834 году... меня отдали в костромскую гимназию, во второй класс. Учиться там я начал понятливо и довольно прилежно, но гораздо большую стя-

¹ Курсивом цитируются строки из автобиографии Алексея Феофилактовича Писемского.

² Павел Васильевич Анненков, литературный критик, первый издатель Собр. соч. Пушкина.

жал себе славу на актерском поприще... В 1840 году... поступил в университет, будучи большим фразером. Я... благодарю Бога, что избрал математический факультет, который сразу же орезвил меня и стал приучать говорить только то, что ясно понимаешь..."

В университете талант комика развернулся. По Москве пошла молва, что какой-то студент 2-го отделения философского факультета читает своим приятелям Гоголя, и читает так, как никто еще до того времени не читывал. "Вдруг доходит до нас слух, — вспоминает Алмазов, — что на одном так называемом благотворном театре будет даваться "Женитьба" Гоголя и что в ней роль Подколесина будет играть Писемский. С трудом мы пробрались на этот спектакль. Конечно, не мы были судьями над Писемским, но мы были свидетелями того изумления, с каким избранное Московское общество смотрело на игру Писемского. В то время Подколесина играл на императорском театре великий наш комик Щепкин; но кто ни взглянул на Писемского, всякий сказал, что он лучше истолковал этот характер, чем сам Щепкин".

Современники не раз сравнивали игру Писемского с игрой Щепкина и считали, что на театральном небосклоне появилась новая звезда. Алексей Феофилактович не стал профессиональным актером, но он часто выступал с чтением и участвовал в благотворительных спектаклях. Когда в 1859 году основали "Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым", известное нам под названием "Литературного фонда", Писемский по бедности не мог внести деньги и предложил Обществу использовать его талант чтеца, рассчитывая заработать этим за зиму 500 рублей. Но он ошибся. В 1860 году только за два спектакля ("Ревизор" и "Женитьба" Гоголя) в кассу поступило около 6 000 рублей. В первом спектакле, кроме Писемского, участвовали Тургенев, Гончаров, Достоевский, Некрасов, Майков и другие.

Организатор постановок Вейнберг вспоминал по поводу "Ревизора": "На первый план выступил Писемский. Уже на считке он явился идеальным Сквозником-Дмухановским и читал так, что в этом отношении, пожалуй, не уступал и Щепкину, которого я много раз видел в этой — коронной его — роли и запомнил всякую малейшую интонацию в главных фразах". Во втором спектакле из писателей участвовал только Писемский. Представление началось не сразу. Как только поднялся занавес, и зрители увидели Алексея Феофилактовича, зал взорвался от громких криков и бурных аплодисментов, которые не прерывались несколько минут. "Долго, очень долго по окончании, — замечает Петр Исаевич, — раздавались рукоплескания и вызовы, долетали на сцену и крики "Спасибо!"

Писемский не стал актером, но его драматические произведения дополнили сокровищницу русского театра. "Горькая судьбина" получила Уваровскую премию и по праву считается одним из лучших произведений отечественной сцены. Хотя, если бы не цензура, кто знает, какие шедевры обрела бы наша литература. Анатолий Федорович Кони вспоминал об Алексее Феофилактовиче, к которому, будучи студентом, заезживал в гости. "Он был большой хлебосол и любил собирать у себя молодежь, к которой умел относиться без всякой рисовки, просто и сердечно..."

Особенно яркое воспоминание осталось у Кони от чтения Писемским драмы "Былые соколы" в 1865 году. "...Я никогда впоследствии не читал и не слышал ничего, что бы производило такое потрясающее впечатление трагизмом своего сюжета и яркими, до грубости реальными, красками. В этой драме был... скован воедино тяжкий и неизбежный рок античной трагедии с мрачными проявлени-

ями русской жизни, выросшей на почве крепостного права. Жестокость и чувственность, сильные характеры и едва мерцающие, условные понятия о добре и зле, насилие и восторженное самозабвение — были переплетены между собой в грубую ткань, в одно и то же время привлекая и отталкивая зрителя, волнуя его и умилая. Откровенность некоторых сцен, совершенно необычная в то время, напоминала по своей манере иные места в шекспировских хрониках... По тогдашним цензурным условиям такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сцене, но и в печати. И действительно, когда через много лет я прочел в печати "Бывых соколов", я не нашел в них даже отдаленного сходства с тем, что мы слышали от Писемского... То, что нам читал тогда, было словно положено в щелок, который выел все краски и на все наложил один серенький колорит. Самый сюжет был изменен, смягчен и все его острые углы обточены неохотно и потерявшею к своему произведению любовь рукою. Контур типических, властных и суровых лиц оказались очерченными слабее и далеко не производили прежнего впечатления... Едва ли сохранилась первоначальная рукопись "Бывых соколов" при том разгроме семьи Писемского, который произвела судьба. И об этом нельзя не пожалеть: теперь эта вещь могла бы быть напечатана целиком и показать, что модным в наше время резким откровенностям может соответствовать редкая в наше время глубина житейской правды..."

В фонде цензурного комитета находится подробный отзыв цензора. Добросовестный чиновник перечисляет ряд причин, из-за которых считает необходимым пьесу запретить. В подтверждение своего мнения он по каждому пункту приводит обширные цитаты из авторского текста.

Возможно, во времена Кони трагедия и увидела бы свет, но вот в 80-е годы XX века мою статью о пагубной роли цензуры для творчества этого замечательного писателя в печать не пропустили, откровенно пояснив, что она "вызывает аллюзии с сегодняшним днем". По той же причине один из режиссеров московского театра отказался ставить пьесу Писемского.

— Я смертельно устал бороться за свой последний спектакль. Ты же видишь, что после премьеры его запретили. На Писемского у меня сил нет. Да его все равно не пропустят. Уж больно он чиновников не любил.

Как-то после его мастерского чтения комедии "Подкопы" один из слушателей, удивленный силой реального изображения действующих лиц, обратился к автору с вопросом:

— Да когда же вы изучали этих господ? Ведь мир петербургских бюрократов вам совершенно неизвестен?

Писемский посмотрел на всех своими блестящими глазами и ответил с тягучим костромским выговором:

— Да ведь в России плутоватые люди все на один лад.

В жизненные ценности Алексея Феофилактовича официальные награды не входили, и те чиновники, которые выпячивали грудь, нацепив орден, вызывали у него только иронию. Как-то придя в гости к одному такому, Писемский увидев на нем награду, серьезно перекрестился и приложился к этому ордену.

...Общеизвестный факт, Алексей Феофилактович панически боялся собак. Стоило ему по пути встретить хотя бы самого маленького и безобидного песика, и он тут же трусцой возвращался назад, несмотря на то, что ему позарез нужно было куда-то идти. Как-то Писемский с гостем из Петербурга возвращался к себе на дачу в Останкино. Неожиданно он прервал свой благодушный рассказ, закричал, засуетился, остановил кучера и с необычайной быстротой вы-

прыгнул из коляски. "Причиной всей этой тревоги была крошечная собачонка, направлявшаяся к нам наперерез через поле... Он спрятался за коляску и сел снова только тогда, когда мне с кучером удалось общими усилиями отогнать несчастную собачонку".

"Хорошо помню впечатление, произведенное на меня... первыми рассказами Писемского "Тюфяк"(1850) и "Брак по страсти"(1851), — писал Анненков. — Какой веселостью, каким обилием комических мотивов они отличались и притом без претензий на какой-либо скороспелый вывод из уморительных типов и характеров, этими рассказами выводимых..."

Правда, первый роман ("Боярщина"), Алексей Феофилактович написал в 1847 году, но цензура разрешила его напечатать спустя 10 лет.

"Впереди мне предстояли горе и необходимость служить... Все это понимая, я впал, по природе моей, в меланхолию и ипохондрию, от коей спасла меня любовь... Любовь эта мною выражена, во-первых, в романе моем "Боярщина", в отношениях Эльчанинова к Анне Павловне, и потом, во второй раз, в "Людах сороковых годов", в отношениях Вихрова к Фатеевой. Но жизнь и родные не удовлетворились этим моим блаженством, как не удовлетворялась им и моя собственная совесть, тем более, что написанный мною роман "Боярщина", как протест против брака, был прямо прихлопнут цензурой, значит, надежда на авторство могла тогда показаться сумасшествием, и потому я решился, во-первых, посвятить себя службе, а потом — жениться, избрав для этого девушку совершенно уже не кокетку, из семьи хорошей, но небогатой. Свадьба наша совершилась 11-го октября 1848 года. Жена моя отчасти обрисована мною в романе "Взбаламученное море", в лице Евпраксии..."

Алексей Феофилактович женился на Екатерине Павловне Свинойной, дочери основателя "Отечественных записок", и тем самым, по словам Тургенева, выиграл самую большую в жизни лотерею. Екатерина Павловна была настоящей женой писателя и внесла в семейную жизнь Писемского много светлого. Она умела успокаивать его мнительную натуру, радушно встречала гостей по средам, когда у них "собиралась вся литература", воспитывала детей и переписывала его произведения.

Первые опубликованные произведения Писемского сделали его одним из самых популярных писателей в России. Его с нетерпением ждали в Петербурге, но он не спешил туда. "Все симпатии его были на стороне Москвы, — писал Анненков, — где начиналась его литературная карьера и где он имел много друзей; но практический его ум подсказал ему мысль, что в Москве приобретает почетное имя, но только в Петербурге завоевывается твердое общественное положение..." И вот в 1853 году Писемский ступил на берега Невы. Анненков писал: "трудно себе представить более полный, цельный тип чрезвычайно умного и вместе оригинального провинциала, чем тот, который явился в Петербург в образе молодого Писемского, с его крепкой, коренастой фигурой, большой головой, испытывающими, наблюдательными глазами и ленивой походкой... Ясно делалось, что он вышел на улицы Петербурга точно таким, каким сел в экипаж, отправляясь из своего родного гнезда. Он сохранил всего себя, начиная с своего костромского акцента и кончая насмешливыми выходками по поводу столичной утонченной жизни, языка и обращения. Все было в нем откровенно и просто. Он производил на всех впечатление какой-то диковинки посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходят, бросив на нее взгляд, а такой, которая останавливает и заставляет много и долго думать о се-

бе... Все суждения принадлежали ему, природе его практического ума и не обнаруживали никакого родства с учениями и верованиями, наиболее распространенными между тогдашними образованными людьми...".

Это было время очередной борьбы литературных партий, и каждая из них воспринимала талант по меркам: кто не с нами, тот против нас. Молодой, самобытный, оригинальный автор был лакомым кусочком для всех. И что же желает этот провинциал? Позволяет себе иметь свое собственное мнение, идти против общепринятых точек зрения. Вначале на него взирали с любопытством и к оригинальности относились восторженно, затем терпимо, но постепенно возненавидели и стали травить. А идей и непреложных истин тогда было немало, Писемский же оказался врагом большей части этих "непререкаемых догматов цивилизации". Один из них — право женщин и жен на полную свободу. Мы хорошо помним, как реализовалось это право в жизни, когда женщины уходили из семьи, бросая детей, и открывали всевозможные мастерские. Такая участь постигла и родственника Писемского — Майкова, которому пришлось одному растить многочисленных детей, в то время как его бывшая жена создавала коммуны для женщин. И вот в этот период повальной эмансипации Писемский шокирует гуманистов скепсисом.

— Серьезные отношения между мужем и женой наступают только с появлением детей, а совсем не с появлением так называемой любви, о которой так много говорят поэты и романисты.

Другой вопрос, из-за которого он прослыл ретроградом — отмена крепостного права. Писемский, который знал русского мужика как никто из писателей, и создавший целую галерею колоритных образов, скептически относится к реформе, не верит, что "эмансипация" народа прибавит на Руси несколько миллионов полноправных граждан и собственников. "На все подобные заявления Писемский смотрел как на ораторские приемы, — писал Анненков. — ... Писемский пророчил только, что пройдут еще многие и долгие годы, прежде чем "освобождение" даст все те результаты, каких ожидают от него теперь же слишком нетерпеливые публицисты и патриоты..."

"Во всем, что он говорил, — вспоминает Кони, — слышался сильный, непосредственный ум, чудесно воспринимавший и понимавший прозаическую сторону жизни, решительно, хотя и без злобы, отодвигавший и разрушавший все лживые декорации и условные украшения, которыми прикрывалась эта проза. К этому присоединялось глубокое знание народной жизни и безобидный юмор, огоньки которого постоянно вспыхивали в его рассказе". На своем 25-летию литературного творчества Алексей Феофилактович сказал: "Единственную путеводную звезду во всех трудах моих было желание сказать моей стране, по крайнему разумению, хоть, может быть, и несколько суровую, но все-таки правду про нее самое..." Вот за эту самую правду его и запрещали. За нее и отвергали, клеймили, навешивали ярлыки.

"Я устал писать, а еще более того жить, — писал он Тургеневу весной 1878 года, — тем более, что хотя, конечно, старость — не радость для всех, но у меня она особенно уж не хороша и исполнена таких мрачных страданий, каких не желал бы я и злейшему врагу своему". Это тягостное настроение Алексея Феофилактовича было вызвано необъяснимым самоубийством его любимого сына, молодого математика, подававшего большие надежды. Затем новое несчастье — безнадежно заболел другой сын, доцент Московского университета. Все это надломило Писемского, и 21 января 1881 года он скончался. Похоронили его в Новодевичьем монастыре.

— Скажите, Бога ради, вы не на погребение господина Писемского? — обратился к Михееву околоточный.

— Да.

— Скажите, пожалуйста, в каких они чинах? В генеральских, слышно?

— Не знаю, наверное... Может быть... Дослужился, кажется, до советника губернского правления.

— Его Превосходительство! Слышите! — обратился он к полицейским. — В струне у меня... А не изволите знать: его Превосходительство прямо последуют в могилу или их занесут в церковь?

Этого Михеев не знал. Алексей Феофилактович долго болел перед кончиной, но на открытие первого частного театра он приехал. Его встретила Анна Алексеевна Бренко и пошла провожать в директорскую ложу, но по пути ее отвлекли. Писемский отправился сам. В тот день давали "Ревизора". В Пушкинском театре, в отличие от Малого театра, в первом акте декоративное окно располагалось напротив зрительного зала. За окном был коридор, освещенный сильным электрическим светом, что создавало полную иллюзию падающего на сцену света через окно. Алексей Феофилактович не знал о новшестве и пошел по этому коридору, представ перед зрителями во весь рост, ярко освещенный в окне. В это время был поднят занавес, и Осип уже лежал в постели. Вдруг зал взорвался от рукоплесканий и криков:

— Писемский, Писемский! Bravo!

"Публика приняла Писемского фурорно, — вспоминала Бренко. — Крики минут пять оглашали воздух. С другой стороны пристановки актеры его вытаскивали и посадили в ложу. Тут аплодисменты Писемскому усилились еще больше. Это неожиданное происшествие рассмешило весь зал и нас за кулисами. Уж очень комично все это вышло".

— Задумался. Стою, гляжу в окно и стараюсь понять, как это мне видно хорошо весь зал и всю публику? — пояснил, смеясь, писатель Бренко.

"Это был один из последних его выездов из дому — первый и последний раз, что он был в Пушкинском театре. После этого визита он уже совсем свалился и в том же году умер... Мир праху его!" ■

Внимательно прочитав четыре фразы, за минуту до этого нацарапанные мной на розовом бланке для заказов, приемщица отдела рекламных объявлений пожевала кончик карандаша и неуверенно взглянула на меня.

— Вы хотите поместить это в газету?

— Да. И снять абонентский ящик для ответов.

Текст объявления, которое я намеревался опубликовать в "Геральде", гласил:

"Вы безнадежно прикованы к своему партнеру по браку? Существует радикальный способ решения Вашей проблемы. Вся информация — конфиденциально. Пишите в "Геральд", а/я №..."

Девушка с сомнением покачала головой.

— Что-нибудь не так? — осведомился я.

— Вообще-то я здесь недавно. Даже не знаю, как и быть...

Поговорите с мистером Уилсоном.

Пробежав глазами мое объявление, тот нахмурился.

— Вы адвокат?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы имеете в виду развод?

— Нет.

Уилсон откашлялся.

— В таком случае, что вы подразумеваете под "радикальным способом"?

— Я бы предпочел, чтобы объявление говорило само за себя.

После такого ответа Уилсон отфутболил меня к своему шесту, тот — к своему, и в итоге я оказался в кабинете мистера Дж. Г. Бинема — заведующего отделом рекламы.

Мое объявление уже лежало у него на столе, и он сразу взял быка за рога.

— Боюсь, вам придется объяснить, в чем дело, иначе мы не сможем это опубликовать.

Я вздохнул.

— Что ж... Меня зовут Джеймс Паркерсон. Я профессор психологии местного университета.

Бинем ткнул пальцем в розовый бланк.

— Это имеет отношение к вашей работе?

— Да. Я начинаю новое исследование, цель которого — доказать, что огромное количество людей, возможно, в десять раз большее, чем отражено в статистике, готовы убить своего партнера по браку... если бы не один нюанс.

— Они боятся, что их поймают?

— Это, конечно, тоже немаловажный фактор. Однако, согласно моей теории, многие просто не способны решиться перейти к действиям. Но если бы они могли перепоручить убийство кому-то еще, другими словами, нанять киллера, то количество насильственных смертей увеличилось бы в десятки раз.

Бинем понимающе кивнул.

— То есть вы хотите дать рекламное объявление как бы от лица наемного убийцы? Неужели вы всерьез рассчитываете, что на него откликнутся?

— Еще бы! Люди очень чутко реагируют даже на самые необычные вещи. Например, несколько лет назад в одном крупном журнале появилось объявление: "Это ваш последний шанс. Отправьте один доллар по адресу: а/я № 107". И ни слова больше, никаких обещаний. Тем не менее на эту удочку попались тысячи читателей. Я специально написал "радикальный способ", потому что слово "убийство" отпугнуло бы любого, кроме разве что какого-нибудь безумца. Полагаю, ответы можно будет разбить на две категории. Одни решат, что я адвокат, располагающий какими-то новыми сведениями о бракоразводных законах. Для моего исследования они не подходят...

— Да вы присаживайтесь, — сказал Бинем, указывая на стул возле его стола.

— Спасибо. — Я сел и закинул ногу на ногу. — Что же касается других... По содержанию их письма будут примерно такими же, но в них уже заложены зерна убийства, и я уверен, что смогу их распознать. Для этих людей "радикальный способ" означает нечто совсем иное, и они подумают — неужели такое возможно? Неужели это и впрямь означает именно то, о чем они втайне так мечтали? И, будьте уверены, потратят немного времени, чтобы осторожно это выяснить.

Бинем недоверчиво мотнул головой.

— Но когда они узнают, кто вы такой, и ради чего все это было затеяно, разве не пойдут на попятную?

— Я не собираюсь раскрывать им, кто я такой, пока не побеседую с каждым. А для этого я должен предстать перед ними как киллер-профессионал, рекламирующий свои услуги.

Бинем размышлял целую минуту, почесывая в затылке, а потом решительно кивнул.

— Хорошо. Не уверен, что поступаю правильно, но, с другой стороны, мне самому интересно. Мы напечатаем ваше объявление. Сколько раз?

— Всего один. Пока что.

Он подумал еще немного.

— Вам лучше забирать письма с ответами прямо отсюда. Что если у абонентских ящиков вас будут поджидать репортеры?

Тем же вечером объявление появилось в "Геральде", а на следующий день после окончания занятий я навестил Бинема.

Он был не один и, явно смущаясь, представил мне своего посетителя:

— Это сержант Ларсон из полицейского управления. В его обязанности входит просмотр газетных объявлений, особенно частных, чтобы выявлять что-либо подозрительное.

— Здесь нет абсолютно ничего подозрительного, — твердо заявил я. — Может быть, вам стоило объяснить сержанту цель моих исследований?

— Он уже все объяснил, — вмешался Ларсон. — Но мне хотелось убедиться самому. Позвольте ваш бумажник. Только сначала достаньте оттуда все деньги.

Я подчинился, и он внимательно изучил мои документы.

— Что ж, по крайней мере, этот бумажник действительно принадлежит человеку по фамилии Паркерсон. Я заглянул в университет, чтобы убедиться, что вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете.

Тем временем Бинем вручил мне тонкую пачку конвертов.

— Это все, что прислали сегодня утром.

Я был несколько разочарован — их было всего шесть.

— Думаете, среди них есть письма от тех, кто может желать смерти своей половине? — спросил Ларсон, наблюдая, как я засовываю их в карман.

— Я же еще не читал. Но вполне возможно.

Он протянул руку.

— Дайте-ка их сюда.

— И не подумаю, — возразил я. — Они адресованы мне. Это моя личная корреспонденция.

Сержант сердито фыркнул.

— Послушайте, профессор, неужели вам не хочется предотвратить убийство?

— Разумеется! В конечном счете, весь мой эксперимент на это и направлен. Кроме того — разве вы не понимаете, что никто из этих людей не совершит преступления, если только не сумеет нанять кого-то другого? Пока они ведут переговоры со мной, они ничего не предпримут — по крайней мере, пока.

Ларсон неохотно кивнул.

— Но когда вы закончите, нам бы хотелось знать их имена. Чтобы убедить отказать от своих намерений.

Я развел руками.

— Можно было бы с вами поспорить, но я вас хорошо понимаю. Как только закончу, передам вам весь список.

Вернувшись домой, я уже собирался подняться к себе в кабинет, но меня остановила Дорис.

— Дорогой, ты еще не думал, куда мы поедем в отпуск?

— Мы останемся здесь, — спокойно ответил я. — Я собираюсь заняться новым проектом.

— Ты столько работаешь! — вздохнула она. — А вот я недавно прочла о кругосветном круизе на старинном пароходике. Большинство из них берет на борт ограниченное число пассажиров. По-моему, очень оригинально.

Я поморщился — мне не терпелось дорваться до писем.

— Чего ради тебе так захотелось в этот круиз?

— Ну... там можно познакомиться с новыми интересными людьми...

— М-да? А тебе не кажется, что люди в принципе везде одни и те же?

— В общем-то да, но...

— В таком случае имеет ли смысл тратить кучу денег на то, чтобы еще раз убедиться в том, что уже и так знаешь?

Решив таким образом эту проблему, я поднялся к себе и, вскрыв все шесть конвертов, прочел письма. Четыре из них явно относились к первой категории, но два других меня весьма заинтересовали.

"Дорогой сэр!

Ваше объявление в "Геральде" сразу привлекло мое внимание. Весь вопрос в том, насколько далеко, по Вашему мнению, простераются границы упомянутого Вами "радикального способа". Или же Вам это хорошо известно?

Если это так, то поместите в "Геральде" объявление следующего содержания: "Пропала собака, колли, кобель, откликается на кличку Регис".

Подписи не было. Письмо напечатано на машинке. Литеры "о" и "е" западали, а остальные нуждались в чистке, да и ленту стоило давно сменить. Написано вполне грамотно, за исключением ошибки в слове "простераются".

Или ошибки не было? Я оглядел стол в поисках орфографического словаря и, не найдя его, подошел к двери.

— Дорис, как бы ты написала слово "простираются"?

— П-р-о-с-т-е-р-а-ю-т-с-я, — после секундной паузы ответила она.

Тем не менее, у меня еще оставались сомнения.

— Где словарь?

— В гостиной на секретере.

Отыскав его, я вернулся в кабинет. Слово писалось через "и".

Я принялся за второе письмо. Оно тоже было напечатано на машинке — на сей раз не только без подписи, но и без приветствия.

"Бар "У Мака" на углу 21-й и Уэллс. Сегодня в 8 вечера. Закажите шотландское, а потом развяжите и снова завяжите шнурок на правом ботинке."

Что ж, подумал я, все оказалось очень просто. После чего позвонил в "Геральд" и попросил дать в завтрашнем номере объявление о пропавшем колли по кличке Регис.

Положив трубку, я взял первое письмо, заглянул в словарь, а затем вставил в машинку лист бумаги и напечатал:

"Воды Атлантики простираются до самых берегов Африки".

Буквы были темными и чистыми. Литеры "о" и "е" не западали. Я довольно улыбнулся и скомкал листок. Что ни говори, а порой в голову приходят самые невероятные мысли.

После ужина я надел плащ.

— Дорогая, мне нужно ненадолго заглянуть в университет, кое-что доделать. Когда вернусь, точно не знаю.

— Хорошо, милый, — улыбнулась Дорис. — Кстати, ты не заметил, что я почистила шрифт в машинке и сменила ленту?

Я застыл со шляпой в руке.

— Когда это ты успела?

— Сегодня утром.

Я вышел на улицу. Моросил мелкий дождь.

— Миллионы людей неправильно пишут слово "простираются", — сердито ворчал я, поворачивая ключ в замке зажигания. — А ленту в машинке она сменила, потому что...

Тут мотор завелся, и я поехал в бар "У Мака".

Заняв свободный табурет у стойки, я заказал шотландское, нагнулся, развязал и завязал шнурок на правом ботинке и огляделся по сторонам, ожидая, что сейчас ко мне кто-нибудь подойдет.

Как бы не так. Никто из посетителей не двинулся с места.

Я посмотрел на часы. Ровно восемь. Наверное, он или она запаздывает.

Я принялся дожидаться.

Через восемь человек я сдался, не говоря уже о том, что умудрился превратить шнурок на правом ботинке в какой-то Гордиев узел.

Когда я вернулся домой, Дорис спала. Я доел большой пакет картофельных чипсов, который, как смутно помнил, зачем-то купил в баре, и, пошатаваясь, отправился в постель.

Проснулся я с дикой головной болью. "Может быть, это аллергия на чипсы?" — горестно подумал я, распутывая шнурок.

— Ты, случайно, не простыл? — обеспокоенно спросила Дорис, заметив, что я, не притронувшись к еде, пью третью чашку кофе подряд.

— Надеюсь, что нет.

Допив кофе, я проглотил пару таблеток аспирина и поехал на работу. Две утренние лекции тянулись, как бесконечная пытка, и я едва дождался полуденного перерыва.

Мне удалось что-то затолкать в себя в кафетерии, после чего я решил прогуляться по студенческому городку, чтобы освежиться. Когда я остановился, чтобы закурить трубку, ко мне подошел высокий, хорошо одетый мужчина. Взглянув на мои ботинки, он усмехнулся.

— Я вижу, вам удалось справиться со шнурком.

Я изумленно уставился на него.

— Так это вы прислали мне то письмо?

— Да. Вчера вечером я был в баре "У Мака".

— Какого же черта вы не подошли ко мне?! Особенно до того, как я купил эти мерзкие чипсы?!

— Потому что я очень осторожный человек. А дело требует осторожного подхода. — Он внимательно посмотрел на меня. — Что вы подразумевали под "радикальным способом"?

— А вы как думаете? — грубо буркнул я, все еще не в силах успокоиться.

— Убийство?

— Верно, — после некоторого колебания ответил я.

Он внимательно оглядел меня с головы до ног.

— И сколько бы вы попросили за убийство моей жены?

— Десять тысяч, — наобум ответил я.

Похоже, сумма его ничуть не обескуражила.

— Каким образом вы собираетесь это проверить?

— Сначала мы организуем вам алиби, а потом я ее застрелю. Вас никто не заподозрит.

Он одобритительно кивнул.

— Что ж, план и в самом деле очень простой и должен сработать... профессор Паркерсон.

Я опешил.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Вчера вечером я проследил за вами до дома, а утром — до университета. И, честно говоря, профессор, мне не верится, чтобы человек, занимающий ваше положение, был готов пойти на убийство — ни как профессионал, ни как... любитель.

— Сэр, — натянуто проговорил я, — вам предлагают убить вашу жену. Если сумма вас устраивает, то...

— Я не женат. Профессор, что вы задумали?

— Это вас не касается.

Его глаза насмешливо блеснули.

— По-моему, об этом стоит сообщить в полицию. Они могут заинтересоваться.

— Я уже получил "добро" от полиции. Как минимум, на уровне сержанта.

— Тогда, может быть, мне поделиться этой информацией с каким-нибудь газетчиком? Эта история может показаться ему вполне достойной публикации... Ну так как? Идти в газету?

Я вздохнул.

— Нет.

Мы сели на ближайшую скамейку, и я рассказал ему о своем эксперименте. Когда я закончил, он сразу же спросил:

— Вы получили ответы на ваше объявление?

— Пока что шесть.

Несколько секунд он молчал, а потом медленно протянул:

— Профессор, когда вы узнаете имена ваших клиентов — тех, что войдут во вторую группу, — вы передадите их мне?

— Вам? Чего ради?

— Я заплачу вам по пятьсот долларов за каждое имя — разумеется, при условии, что дальше буду иметь дело с клиентом напрямую.

— Зачем вам эти имена?

Он улыбнулся.

— Одна из главных трудностей в моей профессии — войти в контакт с перспективным клиентом. В отличие от вас, я не могу дать рекламное объявление.

— Стало быть, вы... профессиональный киллер?

— Не исключено, что мы с вами могли бы объединиться. Что вы скажете насчет пятнадцати процентов от общей суммы с каждой сделки?

Я вскочил.

— Я иду в полицию!

Он пожал плечами.

— Вы ничего не докажете. Я буду отрицать даже то, что мы с вами разговаривали. Моего имени и отпечатков пальцев нет ни в одной картотеке... И вообще, вы хоть представляете, какими это пахнет деньгами?! Ваши "исследования" можно провести на территории всей страны! И все в рамках закона.

— Никогда! Ни за что!

Он невозмутимо улыбнулся.

— Профессор, я вам дам немного времени на раздумья. И запомните — за такую возможность заработать с радостью ухватятся сотни других психологов. Всего хорошего.

Когда я вернулся домой, Дорис разбирала старую одежду.

— Для благотворительной распродажи, — пояснила она.

— А что здесь делает мой коричневый костюм? Тот, в котором я был на нашей свадьбе!

— Но он же поношенный! Вот уж не знала, что у тебя к нему такое сентиментальное отношение.

— Вовсе даже не сентиментальное! Хороший костюм, еще носить и носить. Повесь его обратно в шкаф.

— Как скажешь... Но, согласишься, в наше время вовсе не обязательно жениться и быть похороненным в одном и том же костюме.

Я подозрительно посмотрел на нее. С чего это вдруг она выбрала такое сравнение?

Поднявшись в кабинет, я положил перед собой лист бумаги и принялся за подсчеты. Итак, население США составляет около 186 миллионов человек. Предположим, сто тысяч из них мечтают избавиться от своих супругов или от дядей, тетей, племянников, племянниц, друзей...

Также предположим, что кому-то удалось установить контакт с пятью тысячами потенциальных "клиентов" и получить с каждого... скажем, по пятьсот долларов. Получится... двадцать пять миллионов! А пятнадцать процентов от двадцати пяти миллионов...

Я быстро скомкал листок, швырнул его в угол и сел за проверку контрольных.

В четверг я заглянул в "Геральд" и в почтовой ячейке № 1183 нашел конверт с ответом на мое объявление о пропавшем колли по кличке Регис.

"Дорогой сэръ!

Ваше послание относительно Региса получено. Думаю, нам пора встретиться. Предлагаю ресторан "Леони" на углу 27-й улицы и Геральд-авеню, в пятницу, в 8 вечера.

На мне будет розовый шифоновый шарф, а у Вас должна быть гвоздика в петлице. Я скажу Вам "Регис", Вы ответите: "Черный ошейник".

Я перечитал письмо — написанное, точнее, напечатанное явно женщиной. На сей раз буквы были четкими и темными.

Ресторан "Леони"? Да, я помнил это место. Мы с Дорис как-то там ужинали в прошлом году. Или в позапрошлом?

Вернувшись домой, я с порога заявил:

— Дорис, мы с тобой давно никуда вместе не выбирались. Что, если в пятницу вечером мы ходим поужинать в "Леони"?

Она оторвалась от журнала.

— Извини, дорогой, но у меня в этот день собрание в клубе.

Я надел шляпу.

— Пойду-ка пройдуся.

На улице было темно и ветрено. А не может ли так быть, напряженно размышляя я, что Дорис ведет со мной какую-то хитрую игру? Но тогда как она могла узнать о моем проекте? Обычно я никогда не распространяюсь о своей работе, пока ее не закончу.

А что если... что если Дорис и в самом деле задумала от меня избавиться? Спору нет, жили мы спокойно и даже, пожалуй, скучновато, но мне казалось, что за десять лет она должна была постепенно привыкнуть к тому, что я "женат" на своей работе. В конце концов, ее родители тоже были учеными: отец — профессор филологии, мать — зоологом, причем известным... Может быть, имеет смысл потребовать у нее объяснений?

Я покачал головой. Нет. Сначала следовало выяснить, насколько далеко она готова зайти. В таком случае, прежде чем отправиться на встречу с ней в "Леони", надо будет заглянуть к профессору Тиббери с театрального факультета и одолжить у него грим, накладную бороду и парик.

В этот момент у бордюра остановилась длинная машина с поднимающимся верхом, и из нее вышел давешний незнакомец.

— Ну что, профессор, не надумали?

"Почему люди убивают? — пронеслось у меня в голове. — Из-за денег. Из-за мести. Из ревности. В порядке самообороны..."

Я зажмурился, стараясь отбросить переполнявшие меня эмоции и рассуждать логически.

Если бы я точно знал, что Дорис собирается отправить меня на тот свет, было бы ее убийство оправданным с точки зрения морали? И если да, то каким образом его можно было бы осуществить? Расправиться с ней самому? Или нанять для этого кого-нибудь другого? Вроде человека, стоящего сейчас передо мной?

Нет, я совсем не желал Дорис смерти. Да и женился на ней по любви, хотя все оказалось гораздо хуже, чем я рассчитывал.

— Итак, профессор, — повторил незнакомец, — вы готовы заняться делом?

Я открыл глаза и отчеканил:

— У нас с вами не может быть никаких дел!

Он склонил голову набок и секунд десять стоял, о чем-то размышляя, а затем достал из внутреннего кармана пальто визитную карточку и протянул ее мне.

— Я пробуду еще один день в отеле "Уэстленд". И позвольте вам напомнить, что другие психологи с радостью ухватятся за такую возможность заработать.

Когда его машина скрылась за углом, я посмотрел на карточку при свете ближайшего фонаря. На ней стояло только имя — "Чарльз А. Хаскер". Неужели настоящее? Что ж, очень даже может быть, если на него и впрямь нет досье в полиции. Впрочем, какая разница? Все равно надо будет сообщить о нем сержанту Ларсону.

Даже если полиция не сможет ему ничего сделать сейчас, она будет знать о его существовании и установит за ним слежку. И тогда он наверняка рано или поздно попадется.

Дома меня дожидался сосед — профессор Коннер. Не представляю, за каким чертом он к нам повадился! Он зоолог, и у нас мало общего, поэтому вместо того, чтобы с умным видом выслушивать его лекции о строении беспозвоночных, я предпочитаю играть с ним в шахматы. Слава Богу, в одиннадцать он слопал свои традиционные два сэндвича с тунцом и отправился восвояси.

В пятницу после ужина Дорис спустилась в гостиную, переодетая для клуба, и чмокнула меня в щеку.

— Дорогой, когда вернусь, точно не знаю. Сегодня мы обсуждаем политику Кастро, и насколько это затянется...

Я мрачно кивнул.

— Ничего не забыла? Например, шарфик из розового шифона?

— Он у меня в сумочке. Не возражаешь, если я возьму машину?

— По-моему, тебя обычно подвозит жена профессора Бронсона.

— Но не сегодня. Иначе придется уходить с заседания вместе с ней.

Едва за ней закрылась дверь, я достал актерские причиндалы, одолженные у профессора Тиббери, и, напялив на себя парик и бороду, подошел к зеркалу. Господи, ну с какой стати Дорис меня убивать? Из-за денег? Вряд ли. У нас всегда были скромные запросы. Чтобы получить страховку? Тоже маловероятно — я застрахован отнюдь не на такую сумму, чтобы нельзя было устоять перед соблазном. Может быть, тут замешан мужчина? Я усмехнулся. Чтобы Дорис хоть раз взглянула...

А с другой стороны... как знать? С чего бы это вдруг профессор Коннер так зачастил к нам домой? И действительно ли он такой заядлый шахматист? И почему Дорис всегда подает к столу эти сэндвичи с тунцом? Уж она-то знает, что я их терпеть не могу.

Вдобавок Коннер холостяк! И хотя он специализируется на физиологии низших беспозвоночных, это вовсе не означает, что его не могла заинтересовать физиология одной из особей куда более развитого вида.

Я с отвращением посмотрел в зеркало на свою бороду, нацепил на нос зеленые очки и, вставив в петлицу гвоздику, заранее припрятанную в холодильнике под упаковкой йогурта, поехал на встречу с таинственной незнакомкой.

Ровно в восемь я вошел в ресторан "Леони" и, то и дело поправляя свою гвоздику, оглядел зал. Ресторан представлял собой довольно скромное заведение с десятком столиков и примерно таким же количеством кабинок. Ни на одной из сидевших за столиками женщин розового шифонového шарфа не было.

Проторчав у двери минут пять, я уже собирался начать обследовать кабинки, но тут ко мне подошла красивая женщина лет двадцати пяти и нерешительно спросила:

— Регис?

Я удивленно заморгал. Пароль был тот, но ее я видел впервые в жизни.

— Почему на вас нет розового шифонового шарфа?

— Как нет? А это что?

Вспомнив, что на мне очки с зелеными стеклами, я торопливо сорвал их и, убедившись, что ее шарфик действительно розового цвета, слабым голосом произнес отзвук:

— Черный ошейник.

Мы сели за ее столик, и она, нервно попыхивая сигаретой, изложила мне суть своей проблемы. Ей требовалось как можно скорее избавиться от мужа, хотя мотивов она раскрывать не пожелала. Наверное, деньги, подумал я, хотя какая мне, собственно, разница?

Довольно быстро мы сторговались на сумме в десять тысяч долларов и договорились встретиться снова, чтобы в деталях обсудить план устранения ее благоверного. Разумеется, у меня не было ни малейшего намерения видиться с ней еще раз. Мало того, я собирался передать ее имя и адрес сержанту Ларсону — пусть теперь сам проводит с ней профилактическую работу.

Тем не менее, было ясно, что на проекте можно смело ставить крест. А раз так, то имело смысл взять академический отпуск и спокойно заняться составлением психологического портрета среднестатистического старшего бухгалтера. В конце концов, именно эту тему я поначалу и планировал взять для исследования.

Распрощавшись с "клиенткой", я направился в ближайший бар и с чувством облегчения, вполне естественным для человека, только что обнаружившего, что его жена не замышляет против него никаких козней, заказал двойное виски с содовой. А потом еще одно. И еще...

Около половины одиннадцатого я, спотыкаясь, вышел из бара. Настроение было приподнятое, на небе сияла луна, и мне захотелось пройтись.

На улице не было ни души, и когда в четырех кварталах от моего дома меня обогнала машина, я поневоле обратил на нее внимание. Это был мой собственный седан, который, проехав еще ярдов сто, резко сбросил скорость и остановился у бордюра.

Ну конечно! Возвращаясь из клуба, Дорис заметила меня и решила...

Минуточку! Я ведь по-прежнему был в парике и с накладной бородой! Как же она меня узнала? Да еще ночью, в темноте?

Поравнявшись с машиной, я заглянул в окно и... застыл. За рулем сидела Дорис, а рядом с ней, по-хозяйски обнимая ее за плечи, пристроился профессор Коннер!

— Чего уставился? — злобно сверкнув глазами, прошипела моя жена. — Заняться больше нечем? А ну проваливай!

Втянув голову в плечи, я поплелся по улице, однако, завернув за угол дома, тут же присел на корточки и осторожно выглянул. Так и есть — они снова обнимались! Да еще в моей машине!

Я засек время по часам. Десять минут... пятнадцать... Через полчаса мое терпение лопнуло, и я, кипя от ярости, решительно зашагал к телефонной будке.

Сколько же, черт возьми, запросит Хаскер, чтобы "радикальным способом" избавить меня от этой потаскушки? Тысяч десять, не меньше. И, наверное, столько же слупит за профессора Коннера. А откуда у бедного ученого такие деньги?

Впрочем, подумал я, он за просто может сделать это и бесплатно. Если, конечно, мы станем партнерами. ■

Перевод с английского **Дмитрия ПАВЛЕНКО.**

МАТУШЕВА 191/1

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Александр Андриюхин

фея марта

по имени

Часть первая. Инна плюс Вадим

Первым этот кошмар увидел инвалид Федор Петрович Гребенкин. Как с его слов потом напишут в газетах: "такого ужаса он не испытывал даже в Чехословакии". В то раннее утро жилец дома номер девятнадцать дробь два по улице Обручева вышел прогулять собаку, а заодно порыться в мусорном контейнере. За десять метров до свалки пес начал упираться и жалобно скулить. Федор Петрович хлестнул его поводком, но четвероногого это не вразумило. Пришлось отстегнуть ошейник, хотя обычно собачник делал это после того, как переходил шоссе. За ним как раз и располагался парк для выгула собак. Но едва хозяин отпустил поводок, собака сразу бросилась наутек в обратном направлении.

— Вот я тебе! — потряс поводком Федор Петрович и подошел к контейнеру. В то утро он был набит полнее обычного. Более того, пространство вокруг него в радиусе трех метров было сплошь усыпано мусором. Петрович сначала поковырял ботинком под ногами и, не обнаружив ничего интересного, подошел к баку. Когда он протянул руку, чтобы сдернуть мокрый кусок картона, Шарик снова с визгом гавкнул.

— Сейчас ты у меня дотякнешься, — беззлобно пробормотал Гребенкин и откинул картонку. Тут же бросилась в глаза кожаная куртка на молниях. Федор Петрович потянулся к кожанке и почти ухватился за ворот, но внезапно налетевший ветер подхватил картонку и скинул ее на землю. От неожиданности пенсионер вскрикнул. Первые несколько секунд он не верил собственным глазам, затем начал интенсивно пятиться назад, не отрывая взгляда от этого ужаса. В довершение Петрович споткнулся о ржавый утюг и повалился в мусор. Тут же вскочил и, не оглядываясь, помчался к дому, где у дверей его нетерпеливо поджидал четвероногий друг. Шарик оживился и завил хвостом. Петрович, не останавливаясь, подбежал к подъезду и только после того, как дверь за ними захлопнулась, позволил себе отдышаться. Словом, прогулка в то утро не состоялась.

У Петровича от всего этого разболелась голова. Он включил на полную мощность радио и рухнул на диван. Шарик, понимая состояние хозяина, тоже аккуратно прилег на коврик в прихожей и положил морду на лапы. Минут через десять загудел лифт. Если бы Петрович был менее трусливым и более сообразительным, то мог бы увидеть развязку, поскольку на лифте с мусорным ведром спускалась Галина Филипповна, старшая по дому, слышавшая среди жильцов весьма бесстрашной женщиной.

Бесстрашная Галина Филипповна вышла в шлепанцах из подъезда и, широко зевнув, неспешно пошаркала к контейнеру. Подойдя к свалке, она неодобрительно посмотрела по сторонам, покачала головой и подумала, что "мусорная служба" оборзела вконец. Раньше забирали мусор каждые два дня, а сейчас, после поднятия платы, всего раз в неделю, а то и в две. И главное, это безобразие творится в ста метрах от Ленинского проспекта. Вот наглецы!

Старшая по дому перешагнула через бумажные и тряпичные завалы, подошла к контейнеру вплотную и вывалила в него ведро. Потом взглянула в контейнер и похолодела. С минуту Галина бесстрашная пребывала в оцепенении, после чего начала осторожно пятиться назад. И вдруг наткнулась на тот же утюг, о который споткнулся Петрович. Галина Филипповна осторожно перешагнула через него и, резко развернувшись, галопом понеслась к дороге.

Редкие в столь ранний час машины со свистом пролетали мимо испуганной женщины, но среди них не было ни одной милицейской. Минут десять простояла Галина Филипповна, поминутно оглядываясь на контейнер, прежде чем заметила на шоссе до боли родную "Белоснежку" с мигалкой на крыше. Она радостно бросилась на-

встречу с поднятой рукой и дурацкой улыбкой. Голосующая на дороге баба с пустым ведром не понравилась патрульной службе. Тем не менее белый "Москвич" с синей полосой хоть и неохотно, но остановился, и высунувшийся из окошечка лейтенант хмуро поинтересовался:

— В чем дело, гражданка?

— Там, в мусорном контейнере человек, — скороговоркой проговорила Галина Филипповна, указывая рукой на свалку у дороги. — Точнее, не совсем человек.

— Что значит, не совсем? — удивился лейтенант. — Труп, что ли?

— И не совсем труп, — пояснила Галина Филипповна.

Сидящие в машине переглянулись.

— Что значит, не совсем труп? Живой, что ли?

— Нет, что вы! — замахала руками Филипповна, переходя на шепот. — Он давно не живой. Это что-то вроде мумии. Но в кожаной куртке.

Милицейеры снова изумленно переглянулись, после чего без всякой команды оперативно выскочили из машины и направились за женщиной к мусорной свалке. Когда они окружили контейнер и уставились на то, что лежало в нем в кожаной куртке, наступила зловещая тишина.

— Я с таким еще не встречался, — пробормотал лейтенант после некоторого замешательства.

— Чего только ни увидишь, Боже мой, — покачал головой подчиненный.

Начальник извлек из кармана рацию и сухо доложил:

— На улице Обручева в мусорном контейнере найден засушенный труп мужчины. Нет, мне не до шуток. Высушен, как банан.

1

Больше всего на свете Инна боялась фантазий своей трехлетней дочери. В большинстве случаев они сбывались один к одному. Когда же не сбывались, для мамы это было истинным праздником. "Слава Богу, — вздыхала она. — Моя девочка такая же, как все".

Однако, как ни обманывала себя Инна, как ни пыталась выдать желаемое за действительное, ее дочь резко отличалась от других детей. Такую странность замечали и родные, и чужие. При виде этой светловолосой очаровашки каждый своим долгом считал сказать: "Какая необычная девочка", полагая, что подобным комплиментом делает приятное мамочке. Но никто не знал, что мамочку это не только раздражало, но и откровенно пугало. Как бы она хотела, чтобы ее кудрявая дочка была такая же, как другие дети.

В тот вечер Марта лежала на коврике, тихо напевала и возила по полу кубики. Инна сидела за швейной машинкой и думала о муже. По телевизору без конца передавали какие-то криминальные ужасы в столице, и от этого под ложечкой холодело. "Нужно встать, переключить канал или вообще выключить телевизор", — в сотый раз подумала хозяйка, но никак не могла оторваться от шитья. Неожиданно Марта произнесла своим детским голоском, продолжая выстраивать из кубиков что-то невообразимое:

— А я тебя видела, мама, когда ты была девочкой.

— Где? — механически отозвалась Инна, думая о своем.

— В степи, когда ты жила в белом домике на берегу озера. Вечером ты выходила в степь ловить полосатого кота.

Нитка на машинке оборвалась. Инна вздрогнула и обернулась. Марта, как ни в чем не бывало, продолжала напевать что-то бесконечно нежное и мило болтать

ножками. Она конструировала из кубиков водонапорную башню и тоже не могла оторваться от столь важного занятия.

— Иди сюда! — прошептала Инна.

Девочка мигом вскочила на ноги и послушно подбежала к матери.

— Расскажи, как ты меня видела? — попросила Инна, заглушая внутри тревогу.

— Я тебя видела сверху, — хлопнула ресницами дочка. — Ты была тоненькой девочкой с двумя косичками. Шла в домик с полосатым котом в руках, и на тебе было синее платье.

— А кем была ты? Птичкой?

— Нет. Я была девочкой, — серьезно ответила Марта. — Я тебя сама выбрала моей мамой.

Марта счастливо улыbnулась и прильнула щекой к маминой груди. Инна крепко прижала дочь к себе, и ее сердце застонало от какой-то непонятной тоски.

Говорить Марта начала в год, а в полтора с ней уже можно было беседовать, как со взрослой. В год и семь месяцев она выдала свое первое пророчество относительно бабушки и дедушки. Конечно, Марта выдавала что-то и до этого, но к ней особо не прислушивались. А тут она, убаюкивая в игрушечной коляске куклу, внезапно серьезным голосом произнесла:

— Дедушка не послушал бабушку, и теперь она улетает на небо.

Оба родителя одновременно вытаращили глаза и переглянулись. В тот вечер они, конечно, еще не знали, что именно в эту минуту бабушка с дедушкой врезались на своем "Москвиче" в КамАЗ. Бабушка умерла на месте, а дед загремел в больницу с десятью переломами. Потом он клял себя за то, что не послушал супругу, которая перед выездом из гаража трижды попросила его проверить тормоза. Тормоза дед не проверил из-за упрямства. А они были отсыревшими.

Инна тяжело вздохнула, вспомнив про свою мать, про отца, ставшего инвалидом, и погладила кудрявую головку дочери. Как ни тяжела была потеря матери, но горе сгладило существование Марты. И конечно, Вадима.

— Как там наш папочка в Москве? — произнесла на выдохе Инна, прижимая к груди малышку.

— Не волнуйся, мама. Он еще жив, — серьезно ответила девочка.

2

Однако состояние, в котором в эту минуту пребывал измученный отец Марты, правильнее было бы назвать "ни жив, ни мертв". Он стоял перед раскрытым шифоньером в чужой квартире в одном из домов на улице Обручева и от страха не мог пошевелиться. "Бежать! — была первая мысль. — Тикать со всех ног! — взвизгнула вторая, а третья мысль дополняла обе первые: — И как можно быстрее!"

Нужно было сделать четыре шага назад, осторожно зацепить чемодан, сгрести со стола все банки, которые он вытащил из чемодана, и на цыпочках прокрасться в прихожую. И только после того, как дверь за ним захлопнется, можно рвануть со всех ног на все четыре стороны, или лучше куда глаза глядят. В данный момент глаза с ужасом смотрели в шифоньер, а их обладатель пребывал в классическом ступоре.

Тридцатилетний Вадим Крафт приехал в Москву из города Мелекесса семь дней назад в поисках работы, поскольку телевизионная мастерская, в которой он работал, "приказала долго жить". Найти в Мелекессе работу с его дипломом Политехнического по специальности "Радиотехника" также невозможно, как найти африканский бриллиант в отечественном сортире. В мастерской Вадим работал простым телемастером, получал сущие гроши, но месяц назад лишился и их. Супруга работала воспи-

тателем детского сада, несмотря на то, что закончила Самарский политехнический по специальности "Трикотажное производство". Но о каком трикотажном производстве в Мелекесе может идти речи, если дешевой турецкой синтетикой завалены все сельмаги их захолустья.

Глава семьи вспомнил, что окончил Политехнический в Москве с красным дипломом и о своем изобретении, с которым после окончания ВУЗа тыркался во все конторы и научно-исследовательские институты, но так ничего и не добился.

Это было восемь лет назад. Тогда все стремились хапнуть, а не разворачивать производство. Сегодня ситуация кардинально изменилась, хапнуть стало нечего. Все уже прибрано к рукам. Так что появилась реальная надежда, что какое-нибудь здравоохранительное предприятие заинтересуется его изобретением. Его ноу-хау еще не потеряло актуальность. И никогда не потеряет. Ведь это электронный "усыпитель". Точнее, генератор, воздействующий на нервную систему. Он за пять минут снимает возбуждение и усыпляет сладким сном. Вадим испытал аппарат на пятидесяти добровольцах, страдающих бессонницей, и не было ни одного, кто бы после испытания не умолял автора продать "усыпитель" за любые деньги. Все как один уверяли, что эта фиговина, издающая звуки засыпающего моря, в тысячу раз эффективней, чем все снотворные препараты вместе взятые. Вадим в ответ улыбался и скромно добавлял, что, кроме всего прочего, его аппарат, в отличие от химических препаратов, не дает побочных эффектов, а значит, совершенно безвреден, поскольку всего лишь ускоряет процесс успокоения нервной системы.

— Когда же он появится в продаже? — вопрошали бессонные страдальцы.

— Скоро! — с уверенностью отвечал Вадим, и сам верил, что найдет серьезных людей, готовых профинансировать его изобретение. Однако ни один институт Самары, ни один банк Поволжья, ни одна подпольная частная фирма не заинтересовались изобретением Крафта. Что касается областного здравоохранения, то оно к местному автору отнеслось не только с провинциальным подозрением, но и с откровенной враждой.

"Все это было в начале девяностых, — бодро думал Вадим. — Родину лихорадило, и никто не понимал, чего же ей, матери, надо от ее непутевых сыновей? Сейчас люди поумнели и, наконец, узнали, что наибольшую прибыль на мировом рынке приносят мозги". Вот с такими надеждами и поехал Вадим в Москву, тем более что выхода больше не было.

Супруги Крафты выгребли из кубышки все свои сбережения. Их оказалось чуть более двух тысяч рублей. Кроме того, Инна на перроне сунула в карман супруга сто пятьдесят долларов, которые тесть отложил на похороны.

— Это на черный день, — прошептала она и, перекрестив, жарко обняла мужа.

Вадим влез в вагон с щемящим сердцем. Он знал, что своей поездкой полностью опустошает бюджет семьи. "Как заключу договор с каким-нибудь инвестором, так сразу попрошу аванс", — подумал Вадим. А в какой банк обращаться, изобретатель уже знал. Он заранее выписал адреса банков, в которые были перечислены средства из международного европейского фонда на развитие частного предпринимательства в России.

Вадим не сомневался, что своим изобретением заинтересует любую инвестиционную компанию. Его волновало другое: где остановиться? В гостинице? Не по средствам. Снять комнату? Тоже дороговатое, но в принципе вариант. В основном Крафт надеялся на своего друга Сергея Багрицкого, который в данный момент учился в аспирантуре Химико-технологического института. Был еще второй вариант. Его сосед Олег Петрович, турист по призванию, дал телефон некой Натальи Владимировны, тоже заядлой туристки, с которой он мотался по Курилам пятнадцать лет назад.

— Если совсем уж будет некуда, звони ей, — наказал Олег Петрович. — Скажи, что от меня. Она не отказывает. Хотя кто ее знает? Два года назад она отказала моему другу. Я слышал, что у нее пропал какой-то родственник, и ей, якобы, было не до гостей...

Словом, на Наталью Владимировну изобретатель надежд не возлагал, надеялся только на своего друга. Но самым скверным было то, что Вадим даже не знал его телефона. Вернее, когда-то знал, но за ненадобностью затерял. Четыре года назад Серега приезжал в командировку к ним в Мелекесс на химкомбинат. Тогда-то он и продиктовал ему свой телефон и предупредил, что, если Крафт задумает в Москву, то он сможет на пару дней пристроить его в студенческом общежитии. Тогда Вадим не собирался в столицу и не думал, что когда-нибудь вообще соберется. Он бы этот телефон записал в самую сокровенную записную книжку и адрес бы вызубрил наизусть. Но адрес — пустяки. Его он отыщет в справочном. "Лишь бы Серега по-прежнему работал на кафедре в своем химико-технологическом", — подумал Вадим, выходя из поезда на Казанском вокзале.

День был на редкость хмурым. Накапывал мелкий дождь, и на душе было неспокойно. Когда Вадим со своим неподъемным чемоданом и сумкой через плечо выходил из вагона, то неожиданно оступился и растянулся на перроне, громко шараянуч чемодан о платформу.

"Ну, все, банкам хана, — первое, что мелькнуло в голове незадачливого приезжего. — Какого черта жена наложила столько банок?"

Это уже потом пришла мысль, что его падение лицом на московскую землю было символичным.

3

Хотя поначалу никакого знака свыше Вадим не ощутил, если не считать досаду и сочувственных взглядов пассажиров. Он поднялся с асфальта, вытащил из кармана белоснежный платок и начал брезгливо очищаться от грязи. Пассажиры спотыкались о его громадный чемодан, который продолжал валяться под ногами, поражая своей нелепостью, и бросали укоризненные взгляды на владельца.

В метро гость вскоре забыл о досадном казусе, так как все его мысли были заняты бывшим земляком Сергеем Багрицким. Если он по-прежнему обитает на кафедре химико-технологического института, то это спасение, если уже слинял — положение безвыходное.

Благополучно миновав институтского вахтера и поднявшись на четвертый этаж, где находилась кафедра вычислительной техники, Вадим толкнул дверь деканата, и первый, кто предстал перед его взором, был Серега Багрицкий. Он сидел за компьютером и сосредоточенно молотил пальцами по клавиатуре. А когда повернул голову, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он явно был чем-то озабочен и куда-то спешил.

— Привет, Вадик! — бросил Сергей будничным голосом, как будто они расстались только два дня назад. — Какими судьбами?

— Да вот... приехал, — неопределенно произнес Крафт, ставя чемодан на пол, слегка обескураженный столь холодным приемом.

Серега кинул быстрый взгляд на чемодан и сразу все понял.

— Тебя поселить в общагу? — спросил он деловито.

— Если можно! — обрадовался Крафт.

— Подожди минут десять, я сейчас закончу, — пробормотал Серега, не отрываясь от экрана. — Присаживайся пока за стол. Если хочешь, поставь чайник.

Вадим огляделся. Обстановка на кафедре была крайне деловой. Огромная квадратная комната, в ней восемь столов с компьютерами. За тремя из них, не считая Сергея, сидели работники кафедры: два парня и девушка. Посередине кабинета стоял длинный стол с самоваром. За него и уселся нежданный гость.

Минут через пятнадцать Сергей оторвался от компьютера. Он сразу повеселел, вскочил с места, подошел к Вадиму и, наконец, протянул ему руку.

— Почему без звонка?

— Так получилось.

Сергея озабоченно поглядел на часы:

— Тебе повезло, что ты разыскал меня именно сегодня. Завтра бы уже не застал. Я сегодня вечером улетаю в командировку на два месяца. Пойдем, по дороге все расскажешь...

Они вышли из института и направились в сторону метро. Вадим сразу начал излагать цель своего приезда. По поводу продвижения в Москве гениального изобретения Сергея неопределенно покачал головой.

— Не знаю. Все это довольно сложно.

О себе он рассказал довольно скупо. Полгода назад защитился. Теперь кандидат наук и в недалеком будущем будет искать работу с хорошей зарплатой, поскольку ему необходима квартира в Москве. В данный момент он вынужден жить у родителей жены в Подмоскovie. Но ему, пока он учился в аспирантуре, выделили комнату в общежитии. На днях обещали отобрать, но, к счастью Вадима, она еще числится за ним.

— Я постараюсь договориться с комендантшей, чтобы тебя не трогали неделю, — хмуро добавил Сергей. — За неделю, думаю, ты утрясешь свои дела?

— Вполне! — радостно рассмеялся Вадим. — Главное, договорись.

Сергея договорился. Причем с удивительной легкостью. Единственное, чего потребовала комендантша, чтобы он срочно зарегистрировался, так как ей не нужны неприятности с милицией.

Когда Сергей попрощался и ушел, Вадим повалился на кровать и застыл с блаженной улыбкой. Вот это удача! Приехал вовремя. Устроился удачно. С ночевкой никаких проблем.

В первый день он побывал в двух банках и в шести частных медицинских центрах. Везде внимательно слушали и везде требовали произвести подробный расчет на бумаге. Вадим был готов и к такому повороту событий. Пятьдесят копий бизнес-плана лежали в его сумке. Он везде оставлял свои проекты, записывал телефоны и шел дальше. На второй день изобретатель прошел четыре банка и одиннадцать медицинских центров. Хорошо, что они все были заранее выписаны в записную книжку. В третий день Вадим побил рекорд — посетил шесть банков и четырнадцать медицинских учреждений. Два управляющих заинтересовались его проектом довольно серьезно. Во всяком случае, Вадиму так показалось. Единственное, что огорчало, большие сроки рассмотрения проекта, в течение месяца, а то и более. Месяц — это очень много. Его еще нужно где-то прокуковать. И только в одном медицинском центре, внимательно выслушав Вадима и подробно расспросив о его практических опытах, попросили прийти на следующий день к десяти.

Было около двенадцати ночи, когда Вадим в приподнятом настроении возвратился в общежитие, в которое его пропускали без задержки при предъявлении паспорта. Все три дня, проведенные в Москве, были, как полагал Вадим, весьма удачными. Но в тот вечер, когда он валился с ног от усталости и голода, его ждал первый московский сюрприз.

“Завтра утром заключу договор и вечером домой”, — строил радужные планы Вадим. Он почему-то был уверен, что завтра в медицинском центре “Альтаир” пойдет речь исключительно о процентных ставках. Глава учреждения, узнав, что этим проектом заинтересовалось несколько солидных банков и около сорока таких же медицинских шараг, задумался и спросил, сколько требуется времени, чтобы наладить поточный выпуск таких электронных “усыпителей”.

— Через месяц уже можно выйти на объем сто тысяч! — уверенно заявил Вадим, глядя ему в глаза.

Когда он вернулся в общежитие, вахтер неожиданно вышел из будки и преградил ему дорогу.

— Ваш документ, молодой человек.

— Ах, да, — рассеянно пробормотал Вадим и достал из кармана паспорт.

Вахтер дважды пролистал паспорт и нахмурился.

— Вас пускать не велено! — произнес он сурово и вернул документ.

— Как не велено? — оторопел Вадим.

— У вас нет регистрации.

— Елки! — хлопнул себя по лбу постоялец. — Я совсем забыл про регистрацию. Завтра обязательно зарегистрируюсь.

— Вот завтра и приходите, — невозмутимо ответил вахтер. — Только сначала к коменданту. Если он разрешит, то ради Бога.

— Но куда я сейчас пойду? На улице ночь, — искренне удивился Вадим.

— Это не мое дело. Комендант приказал без регистрации не пускать. Мне из-за вас неприятности не нужны.

Дальнейшие просьбы и уговоры ни к чему не привели, и расстроенный Вадим вышел на улицу. Ноги гудели от усталости, желудок свело от голода. Бедняга догелся до скамейки и тяжело плюхнулся на нее. “Что делать? Куда теперь идти? Рисковать поехать на вокзал? Нет-нет! Ни в коем случае. Сегодня истекает третий день. Регистрации нет. Менты только и ждут момента, чтобы бросить его в камеру. А что если отправиться в гостиницу? Это мысль! Может, успею зарегистрироваться?”

Вадим спрыгнул со скамейки и помчался в сторону метро. Самая ближайшая гостиница, которую он знал, находилась на “Спортивной”. Через двадцать минут молодой человек уже бодро входил в нее, подозрительно скосив глаза на швейцара. Он проследовал через шикарный холл, подошел к сидящей за стеклом регистраторше и вполголоса произнес:

— Девушка, мне нужно зарегистрироваться.

— Мы регистрируем только постояльцев, — презрительно ответила регистраторша.

— Это почему? — нахмурился Вадим. — А сколько стоит самый дешевый номер?

— Две с половиной тысячи рублей за одни сутки.

Две с половиной тысячи! Боже мой! Это три его зарплаты. В своей мастерской он получал ровно восемьсот сорок рублей.

Вадим вышел из отеля и вздохнул. Тратить такие деньжищи за ночь он, разумеется, не собирался. Итак, за три дня потратил двести пятьдесят рублей. А ведь только на пирожки и на метро. Что делать? Москве, как Парижу, нужны деньги, но, в отличие от Парижа, ей не нужны рыцари.

К Вадиму неожиданно подошел таксист в кожаной куртке.

— Какие-то проблемы? Могу отвезти вас в более дешевую гостиницу.

— Спасибо, не надо, — ответил Вадим, затем спросил: — А вы знаете гостиницу, где регистрируют иногородних?

— Знаю! — бодро ответил таксист. — Отвезти?

— За сколько?

— За пятьдесят.

— Пятьдесят рублей? — уточнил Вадим.

— Так точно.

Вадим сел в машину, мысленно подсчитывая, на сколько еще придется разориться. Пятьдесят рублей такси, плюс шестьдесят регистрация...

— Кстати, — произнес таксист, — пятьдесят рублей за километр!

— Что! — в ужасе вскрикнул Вадим. — Тормозите немедленно.

— Раздумали? — усмехнулся шофер. — Мы проехали шесть. С вас триста рублей.

Ничего не оставалось, как залезть в карман и вытащить три сторублевые купюры. Получив свое, водитель тут же развернулся и укатил, а Вадим остался один на какой-то безлюдной улице.

Хотелось есть, спать, и ногам требовался отдых. Только бы дожить до утра. Утром он подпишет контракт и в этот же день отправится домой, в родной Мелекесс.

Однако утром мечтателя ждал второй московский сюрприз.

5

Это случилось на выходе из метро в половине десятого утра, буквально в десяти минутах ходьбы от медицинского центра.

Вадим всю ночь проходил под дождем из переулка в переулок. Из того района, где его высадил таксист, он выбрался на светлый Zubовский бульвар, но пришлось нырнуть обратно в проулок, поскольку по бульвару ездили патрульные машины. Проулки были пустынные, с наглухо запертыми подъездами. Забредя на какую-то детскую площадку, Вадим влез в фанерный домик и просидел в нем около часа. Сначала было неплохо, но потом он так ооченел, что пришлось снова вылезти под дождь и, съжившись, потопать в неизвестном направлении. Так и бродил всю ночь по незнакомым улицам и мостам.

К шести утра Вадим доплелся до "Студенческой", сел напротив общежития на перекладину скамейки и начал ждать неизвестно чего. Около восьми утра в общежитие вошла комендантша. Вадим не поверил своим глазам. Обычно она приходила ближе к полудню, а тут в восемь утра. Он быстро спрыгнул со скамейки и, прихрамывая, направился под козырек общаги. Дорогу перегородил тот же вахтер.

— Извините, — как можно вежливее произнес Вадим онемевшими губами. — Это прошла комендант?

— Да, комендант!

— А нельзя ли мне с ней поговорить?

Вахтер нахмурился, однако, немного подумав, сказал, что сейчас у нее спросит, и исчез. Через минуту он вернулся и кивнул в сторону коридора.

— Четвертая дверь направо.

— Вы зарегистрировались? — спросила комендантша вместо приветствия, взгляд ее был тяжелым и недружелюбным.

— Нет еще. Но сегодня обязательно регистрируюсь, — быстро затараторил Вадим. — Понимаете, не успел. Тут такое дело...

— Срочно уходите, — перебила она. — Нас каждый день проверяет милиция. Я не хочу из-за вас лишиться работы.

— Но я сегодня регистрируюсь. Можно мне хоть побриться и переодеться? У меня через два часа очень важная встреча.

— Николай Петрович! — крикнула комендантша, и тут же из-за спины вынырнул вахтер. — Отдайте молодому человеку его вещи. И побыстрее. Сейчас нагрянет патруль.

Вадим молча отправился вслед за вахтером. Тот открыл его комнату и дал мину-ту на сборы.

— Но мне надо умыться, побриться и надеть чистую рубашку, возмущенно произнес Вадим.

— Быстро выметайся! — рявкнул вахтер, уже начавший терять терпение.

Ничего не оставалось, как запихнуть вещи в чемодан, щелкнуть замками и уныло поплестись к выходу.

Оказавшись на улице с чемоданом и сумкой через плечо, Вадим взглянул на часы. До встречи оставалось более полутора часов, но настроение заметно улучшилось. Если переговоры пройдут удачно, то можно сегодня же отвалить домой...

Однако на выходе из метро дорогу бедняге перегородили три милиционера.

— Ваш документик, — произнес один из них с вежливой улыбкой.

Пришлось для вида порыться в карманах и разыграть великое изумление. После чего театрально развести руками.

— Извините, паспорта нет. Я его оставил дома.

Менты переглянулись.

— А какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность, есть?

— Никакого нет.

— В таком случае, прошу пройти с нами, — строго произнес один из них, чинно ввяз под козырек.

— Извините, но у меня сейчас важная встреча, — воспротивился Вадим. — Я не могу!

— Но у вас нет с собой паспорта.

— Я не обязан носить с собой паспорт. Это не входит в мои конституционные обязанности.

— Что?! — хором воскликнули блюстители порядка.

И без дальнейших вопросов, схватив героя за локти, потащили обратно в метро в комнату с надписью "Милиция".

6

Все смешалось в голове Вадима, когда его, словно преступника, вели в сопровождении трех конвоиров мимо шеренги турникетов. Через полчаска переговоры. Черт! Надо же так по-глупому попасться.

Не дойдя десяти шагов до каталажки, от процессии отлепились два милиционера, засекая группу кавказцев. Вот тут-то Вадим и рванул со всех ног в противоположную сторону. Он услышал за собой топот сапог и удивленные возгласы пассажиров. От него испуганно шарахались, деликатно уступая дорогу. Менты не отставали. Вадим уже почти выбежал на улицу, когда ему навстречу ринулось еще четверо милиционеров. Бежать назад было бессмысленно, проскользнуть мимо никаких шансов. Беглеца сбили с ног и больно заломили руки. Тут же подлетела и троица, бежавшая следом.

— Ах, даже так, — произнес один из них. — Ну-ну...

"Вот теперь точно все", — тоскливо мелькнуло в голове.

Беглеца привели в комнату милиции, врезали кулаком в челюсть и для верности пнули ногой в живот.

— Ты что же, друг, шутить с нами вздумал?

Вадиму вывернули карманы, высыпали содержимое сумки на стол, а самого толкнули в закуток с топчаном и решеткой вместо двери. Из содержимого сумки ментов первым делом заинтересовал кошелек. Высыпав деньги на стол, стражи порядком принялись изучать паспорт.

— Документ чей? — насмешливо спросил лейтенант.

— Мой! — угрюмо ответил Вадим.

— Твой? — удивился лейтенант. — А говорил, дома оставил.

— Я забыл.

— Живем, значит, в Мелекесе. Регистрации нет. И давно мы в Москве?

— Четвертый день.

Обследовав вещи, лейтенант учинил беглый допрос. Вадим рассказал все, как на духу: и то, что в Мелекесе закрыли телемастерскую, и что в столицу он подался в поисках работы, и что его выгнали из общежития, потому что он забыл зарегистрироваться, и что зарегистрироваться рад, да не знает где...

— А зачем побегал?

— У меня в десять встреча с работодателем.

— А зачем наврал, что паспорта нет?

Вадим развел руками. Милиционеры немного посоветовались, после чего лейтенант спросил:

— Ну что, в "обезьянник" тебя отправить, или штраф заплатишь?

— А сколько штраф? — упавшим голосом уточнил Вадим.

— Триста баксов, — не моргнув, ответил лейтенант.

— Но у меня нет таких денег, — растерялся Вадим, и вдруг внезапная злость охватила его. — А за что, собственно, штраф? За то, что не зарегистрировался? Но с какой стати я должен регистрироваться? Такого нет в федеральном законе! А на ваши московские законы я плевать хотел. Я такой же гражданин России, как и вы.

Милиционеры переглянулись и нахмурились. Один из них молча подошел к решетке и запер ее на ключ.

— Будем оформлять! — решительно произнес лейтенант и достал из стола лист бумаги.

Вадима продержали в отделении больше трех часов. Потом за ним пришла машина. Его отвезли не в спецприемник, а сразу в тюрьму, где он провел три ночи.

Камера, в которую его впахнули, была переполнена. Это походило на кошмарный сон. Было очень холодно. Помещение не отапливалось, а окошко с решеткой наверху не имело стекол, оттуда постоянно сквозило. К тому же, с Вадима сразу станции шерстяной джемпер и на его глазах распустились на нити. В камере нигде было присест. На нарах спали в четыре смены. Приходилось все время стоять на ногах.

Только к концу четвертого дня охранник выкликнул его фамилию и повел к следователю.

— В течение двенадцати часов вы должны покинуть столицу, — произнес строгим голосом милиционер с погонами прапорщика. — Распишитесь, что все ваши вещи возвращены.

Вадим сначала расписался, а уж потом заглянул в собственную сумку. Электронный "усыпитель", слава Богу, был на месте. Все остальное его не интересовало. Кошелек тоже покоился на дне.

— Распишитесь, что все ваши деньги в количестве двухсот пятидесяти рублей тридцати двух копеек вам возвращены.

— Как это двухсот пятидесяти? — удивился Вадим. — У меня было около полутора тысяч.

Прапорщик нахмурился.

— Ничего не знаю. Такая сумма указана в описи. Вы желаете опротестовать? Тогда пишете заявление и возвращаетесь в камеру. В течение трех дней ваше заявление будет рассмотрено.

— Нет-нет! Я не желаю писать никаких заявлений, — замахал руками Вадим. — Давайте распишусь, что претензий не имею, и больше вы меня не увидите...

Наступала ночь, и вопрос с ночевкой по-прежнему был актуальным. Вот же! Как будто сама судьба подталкивала его в поезд. Разумеется, при таком раскладе самым разумным было купить до дома билет, влезть в вагон и рухнуть на вторую полку плацкарты. Но теперь даже это осуществить невозможно. Денег на билет уже не хватало.

7

Когда объявили посадку на его родной поезд, Вадим как сумасшедший помчался к таксофону. "Если сейчас не удастся с ночлегом, то уеду! — мелькнула малодушная мысль. — Продам пятьдесят долларов и куплю билет".

Вадим подбежал к телефону и набрал номер Натальи Владимировны. Трубку сняла какая-то женщина. С хриплым и грубым голосом. Видно, заядлая курильщица.

— Извините, вы Наталья Владимировна Образцова?

— Да.

— Я от Олега Петровича, который живет в Мелекесе. Вы с ним вместе были на Курилах.

Женщина надолго замолчала, а потом произнесла деловым тоном:

— Мне сейчас очень некогда. Вы не могли бы позвонить через полчаса?

Вадим хотел ответить, что перезвонить не сможет, поскольку через пятнадцать минут уйдет его поезд, но в ту же секунду раздались короткие гудки. Ничего не осталось, как отправиться в справочное бюро и подробно расспросить про другие поезда в Самарском направлении.

— Есть еще ташкентский поезд, который идет через Инзу, — ответили в справочном. — Он отправляется в два часа ночи.

"Ну, Инза — это уже почти дом, — с облегчением подумал Вадим. — Оттуда до Мелекеса рукой подать. Всего четыре с половиной часа по бездорожью".

Ровно через полчаса он снова позвонил Наталье Владимировне. На этот раз трубку долго не брали. Когда, наконец, Вадим услышал ее голос, ему показалось, что он был невероятно сердитым.

— Извините, это опять я. От Олега Петровича, с которым вы вместе были на Курилах.

— Как он поживает? — неожиданно спросила мадам.

— Хорошо поживает, — воскликнул Вадим, обрадовавшись, что она его вспомнила. — Ждет вас в гости!

— Да? Честно говоря, я хотела бы съездить туда. Говорят, там леса замечательные.

— Таких нигде нет! — с жаром подхватил Вадим. — Летом грибов хоть косой коси.

— Вам, насколько я понимаю, негде ночевать, — деловито продолжала женщина.

— Негде, — честно признался Вадим, удивившись ее проницательности.

— Дело в том, что у меня сейчас гостит племянница. Поэтому, извините, я не могу вас устроить.

— Понимаю, — упавшим голосом ответил Вадим. — Извините за беспокойство.

Но женщина почему-то не спешила положить трубку. После некоторых раздумий она сочувственно переспросила:

— Вам совсем негде ночевать?

— Совсем, — вздохнул Вадим.

— В принципе у меня есть одно место, но туда вы сами не пойдете.

— Почему не пойдете? — встрепенулся Вадим.

— Там нет условий.

— Не топят, что ли?

— Да нет. Топить топят, — усмехнулась женщина.

— Воды, может, нет?

— Да нет, все там есть. Даже телефон есть. Там просто нет условий для жилья. Понимаете? Мне даже неловко вас туда вести.

— Мне не надо никаких условий! — горячо воскликнул Вадим. — Я готов переночевать где угодно, на чем угодно. На полу, на стульях. Мне все равно. Я три ночи не спал.

— Да? — удивилась женщина и задумалась. — Ну, как хотите. Я вас предупредила. Можете там остановиться. Мне, собственно, все равно.

— А на сколько можно остановиться? — спросил Вадим.

— На сколько хотите. Хоть на неделю, хоть на две. Только вы сами оттуда завтра сбежите. Так что, если вас не смущают ужасные условия, точнее, отсутствие таковых, можем встретиться через час в метро на станции "Калужская". Я выйду из последнего вагона, идущего от центра. Буду одета в черное пальто, длинный красный шарф и красный берет. Ну, как звать меня, вы знаете. А вас как зовут?

— Вадим.

— Прекрасно! Итак, ровно в девять встречаемся в метро.

8

Вадим со всех ног помчался в камеру хранения, где с него взяли кругленькую сумму за просрочку багажа. После этого он, не обращая ни малейшего внимания на милиционеров, направился в метро, через полчаса уже был на станции "Калужская." До девяти оставалось еще более двадцати минут, Вадим присел на лавочку, блаженно вытянув ноги.

Ровно в девять из последнего вагона вышла крупная, румяная женщина лет шестидесяти в черном пальто и ярко красном шарфе. Она сразу направилась к сидящему на лавочке молодому человеку.

— Вы Вадим? — спросила она с грубоватой улыбкой.

— Да! — улыбнулся он. — Наталья Владимировна?

Женщина протянула руку и покосилась на чемодан. После этого они не спеша вышли из метро и направилась к автобусной остановке. До места нужно было ехать еще три остановки. В автобусе Наталья Владимировна подробно расспросила про Олега. Как поживает, чем занимается, по-прежнему ли ходит в походы? После чего объяснила насчет квартиры. Когда-то она принадлежала ее сестре. Позже сестра получила другую квартиру в новом районе, где в скором времени умерла, а эту приватизировал муж. Так вот, не успел вдовец вступить в законные права, как с ним случился сердечный приступ. Его подобрали на улице, привезли в больницу, и на следующий день он умер.

— Мы искали его полгода, — качала головой Наталья Владимировна. — Исчез человек, как в воду канул. На звонки не отвечал, родственников у него не осталось, дела до него никому нет. Соседи говорили, что не видели его уже больше года. Ну, думаю, умер и лежит сейчас в своей квартире. Мы с племянницей и старшей по дому взломали замок и открыли дверь. Сразу пахнуло такой вонью, что я побоялась войти. А вдруг он там лежит? Старшая по дому тоже побоялась войти. Пошла одна племянница. "Ну, что? — кричу я ей из коридора. — Труп есть?" "Нет! Только на полу четыре дохлые кошки". Ну, с кошками понятно. Моя сестра была большой любительницей кошек. У нее иногда их жило по десять штук. Кошек мы, конечно, убрали и похоронили во дворе, а запах так и остался. Уже три года никак не выветрится.

— Он исчез три года назад? — спросил Вадим.

— Да, где-то так, — ответила Наталья Владимировна. — Но мы только через полгода узнали, что он умер от сердечного приступа.

Они вышли из автобуса и направились к девятиэтажному дому.

— Вот он, наш дом! — указала на "хрущевку" Наталья Владимировна, и Вадим прочел на углу "Улица Обручева, дом 19/1".

Когда Наталья Владимировна отперла квартиру под номером 64, и они переступили порог, в нос ударил резкий запах. Так пахло в морге, когда они с Инной ходили на опознание трупа тещи.

— Фу! — произнесла Наталья Владимировна. — Никак не могу привыкнуть к этой вони. Мне сюда приходиться все равно что на пытку.

Она включила свет, и Вадим вздрогнул. То, что Наталья Владимировна называла квартирой, напоминало свалку мусора. Эта свалка была прямо посреди комнаты. Кажется, в основании лежали чемоданы, придавленные книгами, папками, коробками и всевозможным тряпьем, а сверху почему-то лежало несколько мотоциклетных покрышек. Все это вместе взятое было покрыто невероятным слоем пыли. Рядом с этой громадой стоял довольно крепкий стол, заставленный чашками, вазами, коробками, статуэтками и кучей лекарственных пузырьков.

Обои в квартире были ободраны, потолки желтые, и на них огромные пузыри. У одной стены стояли два серванта, у другой — книжный шкаф с секретером, а в углу приютился диван с разодранной в клочья обшивкой.

— Ну, как вам здесь? — скептически спросила Наталья Владимировна.

— Мне очень нравится! — искренне ответил Вадим, не сводя глаз с дивана.

— Что ж, в таком случае оставайтесь! — произнесла с улыбкой хозяйка. — Если завтра надумаете съехать, ключ отдайте в шестьдесят пятую квартиру. А я побегу. Думаю, вы тут без меня разберетесь. Если что, звоните!

Молодой человек горячо поблагодарил, и она ушла. Гость как был в ботинках, куртке и кепке, так и рухнул во всем этом на диван, пробравшись к нему через завалы, и ощутил невероятное блаженство. Наконец-то он в горизонтальном положении! Вот настоящее счастье!

Пролежав с закрытыми глазами минут двадцать, Вадим подумал, что неплохо бы отыскать постельное белье, и взгляд его упал на громадный шифоньер, стоящий у окна. Вадим встал, с трудом добрался до шифоньера, взялся за ключ и рванул на себя дверь. В ту же секунду горячий трупный запах резко ударил в ноздри, и он в ужасе застыл на месте. Неизвестно, сколько времени длилось ошеломление, однако, придя в себя, бедняга на цыпочках начал пятиться назад, не отрывая взгляда от шифоньера. Когда он уперся в стол, то от страха чуть не лишился чувств. Вадим автоматически нащупал руками чемодан, схватил его и направился в прихожую. Он принялся осторожно нащупывать на вешалке куртку с кепкой, не

сразу сообразив, что и то, и другое было на нем. И вдруг внезапно почувствовал, как сзади чья-то рука тихонько потянула его за ворот. Вадим вскрикнул и отскочил в сторону.

— Тыфу, черт! — выдохнул он с досадой.

Это всего лишь свалилась с вешалки шуба. Вадим открыл дверь и бесшумно выскользнул в коридор. Как только дверь за ним захлопнулась, он со всех ног рванул к лифту, грохоча чемоданом об углы лестничной площадки.

Бежать! Бежать из этой чертовой столицы! Бежать, и как можно быстрее. Он еще успевает на ночной поезд. Домой! К родной жене! В милый и тихий городок Мелекес!

9

Уже через час измученный Вадим протягивал в кассу Казанского вокзала паспорт и мятые рубли.

— Один плацкарт до Инзы, — пробубнил он усталым голосом.

Кассирша пощелкала по клавиатуре и пересчитала деньги.

— Еще двадцать три рубля, — произнесла она сухо.

— А что, билеты подорожали? — нахмурился Вадим.

— Обязательный страховый сбор, — ответила кассирша.

Пришлось позорно выйти из очереди и отправиться на поиски обменного пункта. "Все-таки придется разменять пятьдесят долларов, — подумал Вадим. — Ведь нужно как-то добираться от Инзы".

На привокзальной площади Вадим увидел "обменник", незаметно достал из носка пятьдесят долларов и уже собрался протянуть их в окошечко, как откуда-то вынырнула пожилая женщина.

— Сдаю койку на ночь, — произнесла она громко, обращаясь к молодому человеку.

— Сколько? — равнодушно поинтересовался Вадим.

— Двести рублей.

— А если за сто?

— Двести за ночь, — произнесла она с нажимом. — Это в десять раз дешевле, чем в гостинице.

— Хорошо. Сто пятьдесят. Завтра в семь сматываюсь.

— Двести, — рявкнула женщина, и глаза ее налились кровью.

Вадим отвернулся от нее и вдруг подумал — если сегодня уедет из Москвы, то уже никогда не вернется обратно, а значит, никогда не воплотит в жизнь свою мечту с проектом.

Не отдавая себе отчета, он направился в сторону метро, доехал до Калужской, пешком поплелся к дому номер девятнадцать дробь один и вошел в подъезд. И только у двери с номером шестьдесят четыре, из которой он час назад так позорно дал деру, затоптался на месте.

— А, пропади оно все пропадом, — произнес он вслух и вставил в скважину ключ.

Несколько минут Вадим стоял на пороге, не решаясь пройти вперед, наконец шагнул в прихожую и захлопнул за собой дверь. Бросив чемодан, он направился в комнату. В ней все было без изменений: открытый шифоньер, и он, сидящий внутри в той же позе, насмешливо скалящийся над гостем.

Пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы подойти к нему вплотную. Вадим вцепился в дверцу шифоньера, чтобы закрыть ее, но не смог шевельнуть рукой.

— Извини, парнишка, но я должен тебя закрыть, — произнес неожиданно он и ужаснулся собственному голосу.

Однако именно после этого обращения сидящий в шифоньере стал казаться не таким ужасным. "Мумия, как мумия, — пожал плечами Вадим, — только одета в кожаную куртку и вельветовые джинсы".

Он спокойно закрыл шифоньер и открыл балконную дверь. Сразу в комнату вошел пряный воздух с характерным шумом улицы. Первоначальный страх уже выветрился, но внутри оставалось подсознательное чувство страха. Вадим прошел к дивану и лег головой к стене, чтобы не выпускать из поля зрения дверь шифоньера. Уставшее тело нуждалось в отдыхе. Кости тут же начали тяжелесть, глаза слипаться. Хорошо бы сейчас заснуть. Но Вадим знал, что не сможет заснуть, пока в шифоньере сидит покойник.

Сообщить о нем хозяйке было нельзя. Она сразу позвонит в милицию. Самому звонить в милицию — снова упечь себя в каталажку. Остается одно — делать вид, что никакого трупа в квартире нет, а если есть, квартирант знать ничего не знает...

10

Сон все-таки сморил Вадима, но неожиданно его разбудил какой-то зловещий скрип.

Вадим открыл глаза и с ужасом вскочил с дивана, с бьющимся сердцем уставившись на шифоньер. Это скрипела деревянная дверца. Она открывалась до того медленно и нехотя, что, казалось, прошла вечность, прежде чем расхожий шкаф распахнулся до конца. Вадим без сил опустился на какой-то мешок. Нет, это невозможно. "Его нужно вышвырнуть с балкона, подумал он сердито. Ну, допустим, не с балкона, поскольку балкон тут же вычислят, а хотя бы вынести из квартиры".

Не долго думая, Вадим вышел на площадку и внимательно осмотрелся. Кругом ни малейших признаков жизни. Он спустился по лестнице на первый этаж. Подъезд спал. На всякий случай Вадим вышел на улицу и посмотрел на окна. Горело три окна на трех этажах: на шестом, пятом и третьем. "Какого черта им не спится?" — выругался он про себя и осмотрелся. Куда тащить труп? Конечно, на стройку! Бросить в какой-нибудь подвал или в котлован, а потом засыпать песком. На улице ни души, на дороге ни одной машины. Нужно поторапливаться.

Вадим быстро поднялся в квартиру, решительно прошел в комнату, но у открытого шкафа неуверенно остановился. Предстояла нелегкая задача — извлечь труп из шифоньера. А извлечь — это значит дотронуться. Вадим протянул руку к шкафу и почти коснулся кожаной куртки, но в этот момент зазвонил телефон. Вадим с криком отскочил в сторону и схватился за сердце. Телефонный звонок повторился. Он механически поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

— Будьте так любезны, позовите, пожалуйста, Юрия Яковлевича, — произнес беззащитный старушечий голос.

— Какого Яковлевича? Здесь нет никакого Яковлевича, — раздраженно ответил Вадим.

— А вы кто? — нагло спросила бабка.

— А вам кого надо?

— Юрия Яковлевича.

— Нет здесь никакого Юрия Яковлевича. Вы, очевидно, ошиблись номером, — произнес Вадим и положил трубку.

Как ни странно, звонок успокоил его, и он уже без страха подошел к шифоньеру и тронул труп за плечо. Тот сразу откинулся от стенки и начал валиться на бок. Вадим

подивился его легкости. Но страх уже был преодолен. Точнее, на него уже не было сил. Он поднял труп двумя руками за плечи и выволок на свет.

— Извини, родной, но тебе нужно проветриться.

Выйдя на улицу и вдохнув свежий ночной воздух, бедняга немного успокоился. Он повернул направо в сторону стройки, но, пройдя несколько шагов, увидел горящие фары. Навстречу ехала машина.

Вадим тут же развернулся и быстро направился к ярко освещенному шоссе. Он с ужасом заметил, что легковая машина медленно, но верно догоняет его. Еще немного — и водитель увидит, кого тащит в руках единственный прохожий. Вадим резко свернул к мусорному контейнеру, и в эту минуту машина не спеша проехала за его спиной.

“Видел или нет?” — пронеслось в голове. Ничего не оставалось, как подойти к железному ящику, бросить труп в него, а затем вернуться назад. У дверей подъезда Вадим оглянулся. На шоссе уже не было никакой машины.

— Фу! — облегченно выдохнул он и юркнул в подъезд. Если бы Вадим не был так напуган, то, вероятно, заметил бы, что в доме загорелось еще одно окно на седьмом этаже, как раз под его квартирой.

11

Когда Вадим проснулся, стрелки часов показывали половину одиннадцатого. Балконная дверь всю ночь была открытой, поэтому трупного запаха уже не чувствовалось.

Он включил телефон и набрал номер “Альтаира”. Трубку не брали. Может, часы спешат, и там еще никто не пришел? От раздумий его оторвал телефонный звонок. Вадим инстинктивно поднял трубку, а потом подумал, что брат не стоило. Вдруг это милиция, или из ЖЭУ проверяют, не поселился ли в этой квартире бомж. Но звонившей оказалась Наталья Владимировна.

— Ну, как вы там, не угорели от запаха кошек? — спросила она.

— Нет. Все отлично. Я спал с открытым балконом.

— Съезжать еще не собираетесь?

— Пока не знаю. Еще не дозвонился до фирмы.

— Так сегодня суббота.

— Ах, вот оно что! — сморщился Вадим. — Тогда понятно, почему никто не берет трубку. Кстати, какой здесь номер телефона? А то сегодня ночью звонила какая-то бабушка. Спрашивала Юрия Яковлевича. Видимо, ошиблась.

— Кого она спрашивала? — удивилась Наталья Владимировна.

— Юрия Яковлевича.

— А что за бабушка?

— Понятия не имею.

И Вадим подробно рассказал о звонке в половине четвертого утра.

— Дело в том, — растерянно проговорила Наталья Владимировна, — что Юрий Яковлевич Озерцев и был хозяином этой квартиры. Я вам о нем рассказывала. Он муж моей сестры. Какая бабушка могла ему звонить? Странно. Ведь все знают, что он умер. Да еще в половине четвертого утра. Боже ты мой! Хотя, наверное, ошиблись телефоном. Вы запишите этот номер.

Наталья Владимировна продиктовала его и попросила:

— Если у вас будет время, Вадим, отнесите мотоциклетную раму к мусорному контейнеру.

— О чем речь, Наталья Владимировна! Времени у меня навалом.

— Тогда, если вам не трудно, и покрышки тоже. А то я просто не справлюсь. Мне неудобно вас напрягать, — засмеялась Наталья Владимировна, но Вадим уверил ее, что все сделает.

Он сделал ходок десять или двенадцать, и когда мусорная куча исчезла из комнаты, квартира, наконец, приобрела жилой вид. Правда, еще были мешки и коробки, но их Вадим решил затолкать в шифоньер.

Когда грандиозная уборка была завершена, Вадим заметил, что за окном давно стемнело. Боже мой, уже восемь часов. А ведь у него за целый день во рту не было ни крошки. "Сейчас чуть-чуть передохну и смотаюсь в магазин", — подумал Вадим и рухнул на диван. Однако передохнуть не удалось. В прихожей раздался звонок.

12

Вадим на цыпочках прокрался в прихожую и заглянул в глазок. Перед дверью стоял милиционер с папкой в руках. Немного подождав, милиционер снова потянулся к звонку, но кнопки не нажал, а развернулся и позвонил в соседнюю квартиру. На звонок вышла хозяйка, пожилая женщина в цветастом халате.

— По-моему, в шестьдесят четвертой никого нет, — пожаловался милиционер.

— Но днем были, — заверила соседка. — Я слышала, как хлопала дверь и видела какого-то молодого человека. Он таскал мусор. Может, пошел в магазин?

Блюститель порядка попрощался с хозяйкой шестидесяти пятой квартиры, еще раз подозрительно покосился на глазок и удалился. Не успел Вадим вернуться в комнату, как снова раздался звонок. "Вот, блин! Да, здесь проходной двор!" — воскликнул он про себя, на цыпочках прокрался в прихожую, приложился к глазку и увидел какую-то бабку. Пожав плечами, Вадим открыл дверь.

Старушенция, не поздоровавшись, резво шагнула в квартиру, оттеснив недоуменного жильца в сторону.

— Я живу внизу, под вами! — пояснила она. — Слышу, наверху швыряются, значит, думаю, кто-то есть.

Бабка бесцеремонно прошла в комнату и с любопытством осмотрелась по сторонам.

— Как хорошо вы здесь прибрались, — одобритительно произнесла она. — А то был Содом. Людмила, которая здесь жила, страшная неряха. Как ее только Юра терпел? Я зашла узнать, греет ли у вас труба в ванной? У меня не греет. Если и у вас не греет, значит, засорился стояк. — Соседка тут же резко направилась в ванную, потрогала батарею и воскликнула: — У вас греет! А у меня нет. Значит, у меня засорилась труба. Придется в понедельник вызывать сантехника. — Сделав круг по комнате, она заглянула в кухню. — Кстати, у вас здесь что-то кипит.

— Я собрался варить пельмени.

— А вы родственник Наташи? — неожиданно спросила бабка.

— Родственник, — кивнул Вадим.

— Откуда приехали?

— Из Ме... из Самары.

Бабка скользнула по нему быстрым взглядом и улыбнулась:

— Вы производите приятное впечатление. Кстати, к вам участковый приходил?

— Нет, — насторожился Вадим. — А зачем он должен прийти?

Бабка снизила голос до шепота.

— Сейчас обходят все дома. Сегодня утром в нашем мусорном контейнере нашли труп мужчины.

— Что вы говорите?

— Да-да! — подняла изогнутый палец бабка. — И не просто труп, а можно сказать, мумию. Убитый пролежал в какой-то деревянной сушилке три года и стал, как сухофрукт.

— Убитый?

— Какой же еще? — засмеялась бабка. — Не раненый же. Так вот... Это оказался известный бандит, чуть ли не самый главный начальник какой-то криминальной группировки. Он исчез три года назад, а сегодня утром отыскался. Сейчас его друзья-товарищи рыщут по Москве и разыскивают убийцу...

13

В воскресенье Вадим отсыпался и отъедался. А в понедельник ровно в десять позвонил в "Альтаир". Бойко представившись, он попросил соединить с каким-нибудь замом. К его удивлению, менее чем через полминуты в телефоне раздался голос самого директора.

— Мы вас ждали в среду. Вы не пришли, — укоризненно произнес глава "Альтаира".

— Так сложились обстоятельства. Извините! — ответил Вадим. — Могу подъехать через час.

— Вы никому больше не предлагали свое изобретение?

— Нет! — соврал Вадим, почувствовав крайнюю заинтересованность шефа.

— Тогда подъезжайте. Мы вас будем ждать. И привезите свой аппарат.

— Через час буду! — воскликнул Вадим и кинулся одеваться.

Когда он вышел из дому, ему сразу бросился в глаза бежевый "форд" с тонированными стеклами. Машина стояла неподалеку от подъезда, а около нее околачивались два стриженных молодца с "мобильниками" в руках. Они очень внимательно вглядывались в проходящих людей. Свои пристальные взгляды молодые люди задержали и на Вадиме.

На противоположной стороне остановился автобус, и Вадим успел запрыгнуть в переднюю дверь. Из окна автобуса он увидел, как один из парней сел в машину, а второй поднес к уху телефон.

Через полчаса Вадим уже сидел в кабинете главы медицинского центра "Альтаир". Кроме директора, там присутствовали еще четверо сотрудников.

— Мы рассмотрели ваш теоретический проект. Он показался нам интересным, — произнес глава, просверлив изобретателя деловым взглядом. — Но нам хотелось бы испытать аппарат на практике. Он у вас с собой?

— Естественно, — просиял Вадим и тут же достал коробку от радиоприемника с длинным шнуром.

— Оставьте свое изобретение и продиктуйте ваши данные.

Вадим протянул аппарат директору, но тут рука его неожиданно дрогнула.

— Нет, — произнес он. — Аппарат я вам не оставляю. Он у меня в единственном экземпляре.

Лицо директора вытянулось.

— Тогда как же мы проверим его в действии?

— Нет ничего проще. Зовите ваших сотрудников. Сейчас на них и попробуем.

Трое из сидящих в кабинете неодобрительно переглянулись, а четвертый заискивающе проговорил:

— В данный момент у нас двое лежат в солярии. Можем попробовать на них.

— Пойдемте! — коротко бросил директор и поднялся с кресла.

Компания быстро прошла через огромный коридор, спустилась на первый этаж и без стука вошла в какую-то лабораторию. За столом сидела медсестра в белом халате. Под голубым светом в стеклянных саркофагах лежали две обнаженные женщины с удивительно стройными фигурами. Они лениво повернули головы на вошедших и нисколько не смутились своей наготы.

— Тамара Петровна, — обратился начальник к медсестре, — нам нужно кое-что подключить. Это дело одной минуты. Мы сейчас уйдем.

Директор вопросительно посмотрел на Вадима, и тот воткнул свой электронный "усыпитель" в первую попавшуюся розетку. Сразу же раздался успокаивающий шум моря. Мужчины вышли, оставив аппарат на столе медсестры, а Вадим заметно занервничал. Вдруг ничего не выйдет? Позора не оберешься.

— Сколько это займет времени? — спросил директор.

— Через десять минут аппарат автоматически отключается. Клиент должен заснуть в течение пяти минут. Правда, это безотказно действует на тех, у кого расстройство психики. Я, честно говоря, не знаю, как насчет здоровых людей.

Когда через десять минут мужчины снова вошли в процедурную, в ней спали все, включая медсестру.

Директор посмотрел на изобретателя более внимательно и даже с едва заметным испугом. Затем его долгий взгляд остановился на аппарате.

— Вы должны гарантировать, что никому, кроме нас, не будете предлагать свое изобретение. Поймите нас правильно. Мы тоже рискуем, вкладывая деньги в продукцию, которой никогда не было на рынке.

Вадим горячо заверил, что они будут первые, с кем он подпишет контракт на совместное производство аппарата. Директор ответил, что им еще следует хорошо подумать, взвесить все "за" и "против". После чего они позвонят сами. Секретарша списала адреса Вадима, как московский, так и мелекесский, и с милой улыбкой попрощалась.

Оказавшись на улице, Вадим растерялся. Такая нерешительность со стороны руководства "Альтаира" не очень понравилась изобретателю. Чего тут взвешивать и обдумывать, когда выгода настолько очевидна, что только дурак может сомневаться. И сколько, интересно, они будут думать? Хорошо, если три дня. На три дня у Вадима еще хватит финансов. А на большее — увы! Нет, уже и на три дня не хватит. От силы на два.

Когда он подъехал к дому на улице Обручева, то увидел, что бежевый "форд" по-прежнему стоит неподалеку от его дома, и один из стриженных парней с телефоном околачивается рядом. При виде Вадима стриженный что-то произнес в опущенное стекло, и из машины тут же вылез второй. Когда Вадим приблизился к ним, они неожиданно преградили ему дорогу.

Часть вторая. Командуй, бугор!

Быстрицкий, глава Внешэкономбанка, был вторым, который увидел эту жуть в субботу в половине восьмого утра. За полчаса до него один местный бомж, живущий в фанерном домике на теплотрассе, шел той же тропинкой, что и банкир, в направлении поселка. Бездомный ходил к строившимся домам каждое утро, в основном на те участки, где строительство только начиналось. Рядом с ними можно было найти кучу пивных бутылок. Пиво в основном потребляли строители, а хозяева "дворцов" поглощали нечто такое, что не принималось в посудоприемных пунктах.

Еще едва начинало светать, когда бродяжка уткнулся в забор только что выстроенного трехэтажного особняка, у ворот которого стояла темная статуя сфинкса. Если бы горемыка не был так занят мыслями о бутылках, то, вероятно, обратил бы внимание на то, что вчера утром этой статуи не было. Впрочем, его давно уже ничего не удивляло и давно уже ничего не интересовало, кроме бутылок. Поравнявшись с воротами, он неожиданно услышал чей-то умоляющий голос:

— Браток, не проходи мимо! Браток...

Сначала божму показалось, что ему мерещится, настолько глухим и неестественным был голос. На всякий случай он посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было, да и быть не должно в такое-то время суток! Бродяга специально выбирал для своих вылазок раннее утро, чтобы никому не попадаться на глаза.

— Браток! — раздалось более отчетливо. — Подожди!

Голос явно доносился со стороны ворот. Может, кто-то за воротами стонет?

Божм внимательно взгляделся в дубовую дверь на высоких воротах и только после этого скользнул взглядом по статуе. То, что неожиданно предстало перед глазами, повергло его в животный ужас. В следующую секунду он уже с воплем несся обратно к теплотрассе. Залетев в свое фанерное сооружение, бедняга зарылся с головой во все барахло, что имелось в конуре, и простучал зубами до полудня.

Именно его вопль и разбудил известного московского банкира. Была суббота. По субботам Быстрицкий заставлял себя спать до обеда, чтобы отоспаться за всю бессонную неделю. Только в эту субботу ему не повезло. "Что за идиоты орут с утра пораньше, — простонал он с тоской и понял, что уже не заснет. — Это ужасно, когда бессоница! Всегда разбитый, всегда сердитый, всегда усталый".

Валерий Дмитриевич влез в мохнатые тапочки и прошаркал в ванную. Умывшись, он взгляделся в свою обрюзгшую физиономию и подумал, что ждать от жизни ему больше нечего. На земле не осталось уголка, где бы он мог побыть в одиночестве.

За окном уже светало. Пока жена спала, банкир решил прогуляться по лесу. Раньше лес начинался сразу за домом, сейчас нужно было проходить мимо трех громадных особняков. Особенно банкир не любил ходить мимо только что построенного дворца Мехтиева. Все знали, что Мехтиев не предприниматель, а бандит, заработавший свои миллионы на прибирании к рукам квартир одиноких стариков. Именно на этом месте Быстрицкий заметил у ворот какое-то странное изваяние. По виду оно напоминало человека, сидящего на пятках, но более оплывшего к нижней части. И наверху что-то странное. Корона, что ли? Что еще придумал этот идиот Джангир? У него никогда не было вкуса.

Светало. Было еще довольно сумрачно, и поэтому не совсем четко различались очертания статуи. Когда Валерий Дмитриевич поравнялся с ней, то увидел, что у изваяния нет ни рук, ни ног, а только примитивные очертания. Зато очень четко вылеплено лицо. Причем, если само изваяние было наскоро сляпано из цемента, лицо, судя по всему, вылеплено из гипса. "Может, какое-то новое авангардное течение в искусстве?" — подумал Быстрицкий и подошел поближе. Внезапно веки статуи дрогнули, и живые глаза Джангира уставились на любопытного прохожего. Быстрицкий вздрогнул и отшатнулся.

— Валера, спаси! — жалобно пролепетало изваяние. — Меня замуровали...

1

Инна не спала всю ночь и утром встала совершенно разбитой. Тревога за мужа не проходила. Была суббота, и от этого было тройне тяжелее. По будням проще, от тяжелых мыслей отвлекает работа. В выходные все обостряется.

Дочке передалось тревожное настроение матери, и она начала капризничать. Пришлось вывести ее во двор. Но во дворе одолели соседки. Одна подошла с круглыми от любопытства глазами и спросила:

— Ну, как у Вадима дела в Москве? Звонит?

— Нет. Еще ни разу не звонил, — вздохнула Инна.

— Чай, бабу нашел. Мужики, они такие.

Подошла вторая, с глазами, как у ненасытной куницы.

— Вадим еще не вернулся?

— Нет.

— У моей знакомой муж тоже поехал на заработки в Москву, а вернулся в цинковом гробу. Три месяца на стройке вкалывал. А как получил расчет, его подстерegli, отняли деньги и убили.

— Спасибо, успокоили, — ответила Инна и отвернулась.

Подошла еще одна тетка из соседнего двора и тоже поддержала разговор.

— Вчера в газете прочитала: какой-то приезжий повесился на вокзале прямо на глазах у всего народа. И никто ему не помешал. Пишут, что повесился от отчаяния. Чего-то у него там не получилось, взял и — петлю на шею. Кстати, его фотография есть. Похож как две капли воды на твоего Вадима.

Инна раздраженно поднялась со скамейки и кликнула дочь:

— Марта, пойдем домой!

— Я хочу еще погулять.

Пришлось остаться во дворе. Но каждая мамаша, вышедшая погулять со своим чадом, подходила к Инне и рассказывала историю, связанную с особенностями столичной жизни.

— Я слышала, что в Москве приезжих разбирают на органы. Ну, людей там много, квартир не хватает. Куда девать? А органы нужны Америке. Она за них валютой платит.

— А кстати! Сегодня утром передали по НТВ, что на помойке найден засушенный азербайджанец. Вот так! Сначала засушили, а потом выкинули.

— Зачем? — вытаращили глаза мамыши.

— Как зачем? Ты на зиму яблоки сушишь? Вот сейчас в Москве так же людей сушат...

Инна больше не могла выносить эту чушь. Она подошла к Марте, молча взяла ее за руку и потащила домой. Дочка, почувствовав, что с матерью творится неладное, не стала сопротивляться.

Дома Инна села за шитье и включила телевизор. Неожиданно стали передавать криминальные новости столицы, и тут действительно сообщили, что в одном из мусорных контейнеров города Москвы была найдена мумия гражданина Азербайджанской республики Мехтиева, бесследно исчезнувшего три года назад. Он был мумифицирован каким-то особым способом без применения бальзамических средств. Иными словами, помещен в такую среду, где тело человека не подвергается разложению. Но перед этим Мехтиев был убит выстрелом в сердце из пистолета Макарова.

Когда его показали, страшного, как смерть, в черной кожаной куртке и белоснежных кроссовках, Инну передернуло. А Марта, оторвавшись от кубиков и внимательно посмотрев на засушенного гражданина из Баку, неодобрительно произнесла:

— Не нравится мне этот дяденька. Какой-то он не новый.

Инна вскочила и выключила телевизор. Боже, какие ужасы показывают! Она уложила Марту, побежала к соседке за газетой. "Какой-то неизвестный повесился на перилах лестницы Казанского вокзала", — прочла она в "Московском Комсомольце".

В газете была помещена фотография жертвы. Лица не разглядеть, а куртка (Инна обомлела) в точности как у Вадима. "У жертвы не было документов. Его личность уточняется".

В страшной тревоге миновала еще одна неделя, а от Вадима по-прежнему не было ни звонка, ни письма. Уехал, и с концами. Как он там устроился? Где? Не голодает ли? Хоть бы черкнул пару строк или позвонил.

Как назло, уехал куда-то сосед-турист, который дал телефон своей московской знакомой. Может, он сейчас живет у нее? Позвонить бы ей, да Инна не знает номера. А возможно, его однокурсник устроил в общежитие. Но телефона Багрицкого не знал даже сам Вадим. Марта тоже ничего не выдавала про отца. Иногда Инна специально вздыхала, чтобы выудить что-то из дочери:

— Где сейчас наш папочка?

Но Марта только хмурилась и молча возилась с игрушками.

Инна вечерами разглядывала фото самоубийцы в газете, и чем пристальней вглядывалась в размытое лицо, тем больше ей казалось, что это ее муж.

Через неделю кончились деньги, а от мужа по-прежнему ни слуха, ни духа. В такой ужасной неопределенности прошла еще одна неделя. Ровно через месяц со дня отъезда мужа в квартире Крафтов раздался телефонный звонок. Было шесть часов вечера. Инна только что вернулась из садика и снимала сапоги. Она проскакала на одной ноге к журнальному столику и подняла трубку.

— Инна Александровна Крафт? — спросил строгий официальный голос.

— Да! — пролепетала женщина, холодея от дурных предчувствий.

— Вас беспокоят из областной прокуратуры города Москвы. Крафт Вадим Петрович — ваш муж?

— Муж. Что с ним?

— Вы должны приехать в Москву для опознания тела.

2

Бедняжка без сил опустилась в кресло и закрыла глаза. Она не помнила, как записала адрес прокуратуры и положила трубку на место. Сознание вернулось к ней только после того, когда она почувствовала, что кто-то жарко обнимает ее за шею. Это была дочка, почувствовавшая, что маме плохо. Инна крепко прижала ее к груди и беззвучно зарыдала.

Так в обнимку они просидели около двух часов, не проронив ни звука. Завтра дневным поездом нужно ехать в Москву, а в доме ни копейки. И еще проблема, с кем-то оставить Марту? Инна осторожно отодвинула от себя дочку и посмотрела ей в глаза.

— Мне нужно сейчас сходить к бабушке в больницу. Ты посидишь одна?

Марта послушно кивнула и слезла с коленей. Инна быстро оделась, улыбнулась дочери и выскользнула из квартиры.

Когда она с потерянным лицом вошла в палату к отцу, то он сразу сник и съехался, словно в ожидании удара. Отец понял все без слов. Он притянул дочь к себе и крепко прижал ее голову к груди. Только здесь, в больничной палате, Инна позволила себе разрыдаться.

— Что с ним случилось? — спросил отец.

— Не знаю. Позвонили из прокуратуры, ничего не объяснили, только велели приехать для опознания тела.

— Поедешь завтра?

— А куда деваться? У меня нет денег. Я пришла попросить у тебя в долг.

— Можешь взять пятьдесят долларов из тех, что я отложил на похороны, — произнес отец.

— Но их уже нет! — воскликнула Инна. — Я их отдала Вадиму.

— Все отдала? — нахмурился отец.

— Все.

Он некоторое время молчал, играя желваками, и что-то соображал. Наконец произнес:

— Завтра утром сниму с книжки. Денег немного, но на билет тебе хватит. А на похороны придется занимать. Марту с кем оставишь?

— С соседкой, — ответила Инна, хотя намеревалась оставить ее с дедом. Но куда ему? Он и так еле дышит.

Однако дочка ни в какую не захотела оставаться с соседкой. Марта почему-то не любила тетю Люду. Инна и уговаривала ее, и шлепала, но все напрасно. Девочка не желала расставаться с матерью. Они так и приехали на вокзал: мама с дочкой на руках, а соседка рядом. За пять минут до поезда Инна оторвала от себя Марту, торопливо чмокнула в щеку и передала ее Люде. Но девочка тут же вырвалась и с визгом бросилась за Инной. У входа в вагон она мертвой хваткой вцепилась ей в ногу и со слезами на глазах проканючила:

— Мама, я хочу с тобой.

Никакие дальнейшие уговоры, конфеты, шоколадки, мороженое не воздействовали на маленькую Марту. Она продолжала упрямо хвататься за мамину ногу. Инна тяжело вздохнула и устало развела руками.

— Ладно, Люда. Делать нечего. Возьму ее с собой.

Через минуту поезд тронулся. Марта тут же успокоилась, проследовала с мамой на ее место и села за столик у окна, послушно сложив ручки.

— Ой, какая умница! Какая кудряшка, — заворковали попутчики. — Просто маленькая фея. И куда это мы собрались?

— К папе в Москву, — улыбнулась Марта.

Вопреки ожиданиям, доехали без особой мороки. Им сразу уступили нижнюю полку, поскольку место у Инны было верхнее, да еще боковое. Они вдвоем вполне уместились на одной полке, и дочка умудрилась даже выспаться. Инна спала, конечно, плохо, без конца захлебываясь слезами. Но все когда-то кончается. Закончилась и эта длинная ночь в плацкартном. Ровно в девять сорок пять поезд прибыл на Казанский вокзал.

Со скорбным выражением лица Инна вошла в прокуратуру, и следователь, бросив быстрый взгляд на Марту, неодобрительно покачал головой.

— Не с кем было оставить девочку?

— Не с кем, — судорожно вздохнула Инна.

— Вот это зря. Зрелище не для детей.

Следователь ласково погладил кудрявую головку Марты и отвел ее в секретариат к женщинам. А Инну пригласил в кабинет. Там Виктор Александрович открыл сейф и достал из него новенький паспорт Вадима.

— Его?

— Его, — заплакала Инна. — Что с ним случилось?

— Убит тремя пулями в живот на железнодорожной станции "Синие ели". Это в шестидесяти километрах от Москвы в западном направлении.

— Когда?

— Три дня назад.

— За что его убили?

— Это мы и пытаемся выяснить.

Следователь сочувственно вздохнул и мягко произнес:

— Сейчас мы с вами поедem на опознание. Соберите все свое мужество.

Через полчаса вдова, поддерживаемая следователем и патологоанатомом, вошла в морг и сразу же с порога среди укрытых простынями мертвецов увидела Вадима. Он тоже был покрыт белой простыней, но из-под нее торчал рукав его куртки. Куртка была заштопана на локте. Инна сама штопала этот локоть.

Когда они подошли к трупу и следователь сдернул покрывало, первую минуту Инна видела мужа очень смутно из-за слез. Смерть меняет человека. Делает его спокойным и умиротворенным. Инна всхлипнула, вытерла щеки платком и вдруг застыла, округлив глаза.

— Что-то не так? — насторожился следователь, придержав ее за талию.

— Это не он... — прошептала она.

— Что! — не понял следователь.

— Куртка Вадима! Но это не Вадим.

3

Старший следователь прокуратуры более двух часов разговаривал со свидетельницей. Инна подробно рассказала ему и про электронный "усыпитель", который избрал муж, и про коммерческие банки, в которые он намеревался обратиться, и про его однокурсника Сережу Багрицкого, обещавшего поселить Вадима в студенческом общежитии Химико-технологического института.

Следователь слушал очень внимательно, понимающе кивал, кое-что записывал в блокнот и удивлял самыми неожиданными вопросами:

— Имеет ли ваш муж какую-нибудь строительную специальность?

— Откуда? Он закончил Московский политехнический по специальности "Радиотехника".

— А есть ли у него какие-нибудь родственники под Москвой?

— Нет, и никогда не было!

— Странно, — постукивал ручкой следователь. — Убитый явно был строителем. Как же куртка с паспортом вашего мужа попала к нему? Ну, с паспортом понятно! Он лежал в куртке. Может, вашего мужа ограбили?

Инна нахмурилась.

— Вадим не из тех, кто позволит себя ограбить.

— Ладно, будем надеяться, что с ним все в порядке. Я прозондирую места, которые вы назвали. Если это не даст результатов, будем подавать в федеральный розыск. Словом, звоните! Вы еще побудете в Москве?

— Нет, сегодня же уеду. Мне негде остановиться.

— Хорошо. Понадобитесь, я вас вызову.

Инна забрала дочку и поплелась в сторону метро. По дороге женщина с ребенком перекусили в каком-то кафе, забрели в пару магазинов, после чего наткнулись на зоопарк.

Торопиться, собственно, было некуда. Поезд уходил только вечером. Конечно, было глупо уезжать, но больше ничего не оставалось. Может, Вадим лежит в больнице и нуждается в помощи? Может, его действительно раздели и переломали все ребра?

— Ну, что, теперь домой? — спросила у дочки Инна, когда они вышли из зоопарка.

— Нет! Мы останемся искать папу, — серьезно ответила Марта и указала пальчиком на овальную арку между домами.

Инна крепко жала руку дочки и понеслась к арке. Вбежав в нее, они оказались в безлюдном дворе. Вдруг взгляд Инны случайно упал на окно, к стеклу которого было приклеено объявление: "Фирме требуется дворник. Зарплата 3,5 тыс. руб. Предоставляется жилье".

— Не остаться ли нам в Москве? — задумчиво протянула Инна.

— Остаться! — с готовностью отозвалась дочка.

И они остались.

4

Завхоз, представившись Евгением Евсеевичем, был маленьким, лысеньким с приличным животиком и красным лицом. Глаза у него были, как пивавки, а нижняя губа висела ниже подбородка.

— То есть вы хотите сказать, что будете работать дворником? — в пятый раз с недоверием спрашивал Евгений Евсеевич.

— Если вам, конечно, нужен дворник, — ответила Инна, уже начинающая терять терпение.

— Дворник-то нужен, но... он требуется нам на постоянную работу. Для этого мы и даем комнату, чтобы в любую минуту застать его на месте.

— На постоянную — это в смысле, чтобы трудовая книжка лежала у вас, и чтобы обязательно московская прописка?

— Нет, это не обязательно, — отмахнулся работодатель. — Прописка не имеет значения. У нас частная фирма. Главное, чтобы на человека можно было положить-ся.

— Это в каком смысле? — нахмурилась Инна.

— В смысле, чтобы человек не запил и всегда был под рукой.

— Разве я похожа на пьяницу?

— Что вы? — засмеялся завхоз. — Вы меня не так поняли. Нам желательно оди-ного человека, но порядочного.

— Я и есть одинокий человек. Со мной только дочка.

— Вот поэтому мы вас и не можем взять. Комнатушка у нас маленькая. Кровать всего одна.

— А нам с дочкой больше не надо.

После некоторого раздумья завхоз, наконец, поднялся и произнес:

— Ну, идите! Покажу вам объем работы. Может, вас не устроит!

Он вывел женщину во двор и указал пальцем на арку.

— Все это должно быть вылизано до блеска. Наша хозяйка помешана на чистоте. Уборку нужно производить ежедневно в шесть утра. Во время снегопада чистить дважды в день.

Объем работы был настолько смехотворным, что Инна рассмеялась.

— И это все?

— Нет, — нахмурился завхоз. — Вы еще должны будете каждый вечер запирать ворота.

Рассказав об обязанностях, завхоз повел Инну показывать комнату. Это была обыкновенная бытовка со шкафами во всю стену, с тремя приборами сигнализации и деревянным топчаном в углу. Окно с решеткой выходило во двор, у окна стоял стол. На столе плитка.

— На ней вы можете готовить пищу, — вздохнул завхоз.

Инна все поняла. Фирма нуждалась не столько в услугах дворника, сколько в услугах сторожа, причем дежурящего круглые сутки. И всего за три с половиной тыся-

чи. Для фирмы это очень экономно — платить одну ставку вместо трех. Но у Инны не было выбора. Ей все равно нужно было где-то перекантоваться. К тому же на столе она увидела телефон, и это сняло последние сомнения.

— Что ж, я согласна!

— Тогда пишите заявление. С какого дня можете начать работать?

— С сегодняшнего...

И с этого же вечера Инна приступила к своим обязанностям. Они оказались совсем не обременительными. В семь вечера включить прибор сигнализации и сдать помещение на пульт. После этого запереть ворота, и весь этот громадный двор оставался в ее распоряжении до утра. С утра мести было совершенно нечего. Никто не сорил. После того, как отпирались ворота, Инна была свободной до вечера. Более сачковой и более высокооплачиваемой работы гостя из Мелекесса не знала за всю жизнь. Она даже предположить не могла, что таковая существует в природе. Единственный, кто портил настроение, это завхоз. Он начал нагло домогаться новой дворничихи со второго же дня.

Евсеевич без стука входил в ее комнатушку и вел двусмысленные разговоры. На третий день он попытался распушить руки, но тут же получил тапочкой по лысине.

— Ты чего? — удивился завхоз. — Я же и уволить могу.

Пока он раздумывал, какой повод придумать для увольнения только что принятой дворничихи, следователь в это время энергично двигался по следу исчезнувшего Вадима. Инна ежедневно звонила ему, и он рассказывал:

— Разыскал Багрицкого. Он действительно поселил его в студенческом общежитии. Но ваш муж съехал оттуда через три дня.

— Сам? — удивилась Инна.

— Вряд ли. Скорее, выгнал комендант. Правда, он это отрицает, уверяя, что такого не помнит. Но думаю, что врет.

На второй день следователь сообщил, что в четырех коммерческих банках лежат проспекты бизнес-плана Вадима Крафта. Он их принес месяц назад и с тех пор не звонил.

— Ну, а как бизнес-план? Заинтересовал банкиров? — заволновалась Инна.

— Нет! — ответил следователь. — Ни черта он их не заинтересовал. Я думаю, они его даже не смотрели. В общем, делать нечего, Инна Николаевна, след его затерялся. Придется объявлять в федеральный розыск.

5

Все это время, пока Инна работала дворником, а пошел уже шестой день, Марта была рядом. Когда она просыпалась, Инна запирала бытовку, и они шли гулять по Москве. Приползали к вечеру уставшие, но довольные. Наскоро перекусывали какими-то бутербродами и валились на топчан. Обычно в это время заходил завхоз и говорил одно и то же:

— Чего ты мучаешь девчонку? Определи ее в садик. Детсад вот здесь, за углом. Сунь заведующей сто баксов, и пацанка, считай, пристроена.

— Откуда у меня сто баксов? — усмехалась Инна.

— Ну, хочешь, я суну?

Действительно ли он "подслюнявил" заведующую, или просто заведующей понравилась девочка, но Марту взяли в младшую группу без всяких справок. В этот же день Инна поняла, что определение дочери в садик было ее роковой ошибкой.

Сразу же после того, как Инна отвела Марту в садик и вернулась в свою комнатушку, дверь стремительно распахнулась, и в бытовку влетел Евсеевич. По лицу его

было видно, что сегодня он настроен решительно. Завхоз запер за собой дверь и, не проронив ни слова, бросился на подчиненную. Инна гибко извернулась и пнула острой коленкой между ног. Завхоз скорчился. Воспользовавшись замешательством, она молниеносно выскользнула из-под Евсеевича, схватила со стола плитку и шарахнула его по лысине.

Он охнул и затих. Не шевелился около пяти минут, потом, зажимая ладонями макушку, процедил сквозь зубы:

— Чтобы через пять минут тебя здесь не было.

— Да пошел ты! — ответила Инна, быстро собрала свою сумку и выскочила из бытовки с твердым намерением больше сюда не возвращаться.

Однако возвратиться пришлось. И тут надо пояснить, что фирма, в которой работала Инна, называлась: "Салон Алисы Цигаль". Как рассказал дворничихе завхоз, это была самая крутая московская модельерша, чьи авангардные модели на мировом рынке оценивались до полумиллиона долларов. Инна из любопытства посмотрела ее модели, и они вызвали у нее искреннее недоумение. Некоторые платья напоминали лохмотья, в которых в старину просили милостыню нищие. Сверкающие блузы были такими, словно их драли кошки в ожидании "Вискаса". Что касается юбок, то их словно кроили серпом: задняя пола подметала подиум, передняя была выше предельной точки. Нет, конечно, были там и обычные платья, но такие модели, видимо, не представляли ценности для мирового рынка.

Модельершу Алису Цигаль Инна впервые увидела из окна своей каптерки. По двору шествовала кудрявая белокурая девчонка лет восемнадцати в собольей шубе нараспашку. Она шла и жутко материлась. За ней смиренно вышагивали два угрюмых бугая, видимо, телохранители. Хозяйку боялись все, даже завхоз. Каждый день хозяйка проходила мимо окна бытовки, и каждый день ее приход сопровождался зверским сквернословием. Марте это не нравилось.

— Нехорошая тетьа, — грозила пальчиком дочка.

Вот к этой "нехорошей тете" и решила обратиться Инна за расчетом. Она поднялась к модельерше на второй этаж, и охранник пропустил ее без лишних вопросов. Инна прошла к хозяйке в приемную. Дверь кабинета была открыта нараспашку. Цигаль разговаривала по телефону и сегодня была еще более раздраженной, чем всегда.

— У меня Светка ногу подвернула. А завтра показ. Из-под земли найдите с пятьдесят восьмым торсом. Иначе я вас всех... — Модельерша бросила трубку, схватила себя за волосы и застонала. Инна решила, что это самая удобная минута заявить о себе. Она постучала в дверь и вежливо спросила:

— Можно?

Цигаль метнула искрометный взгляд на Инну, потом перевела взгляд на Марту, и лицо ее просветлело.

— Ой, какая девочка! — произнесла она сюсюкающим голосом. — Ой, какие кудряшки.

Марта подняла на нее глаза и сердито произнесла:

— Уйди отсюда!

Инна вздрогнула, а у модельерши от удивления отпала челюсть. С минуту держалась недоуменная тишина, и вдруг Цигаль звонко расхохоталась. Она смеялась так весело и заразительно, что Инна не выдержала и тоже засмеялась. Марта всего лишь расплылась в очаровательной улыбке. А Цигаль, отсмеявшись, расцеловала девочку и после этого не сводила с нее влюбленных глаз.

— Она просто прелесть! Я тоже была такой. Как тебя зовут?

Инна испугалась, что дочь ляпнет еще что-нибудь, но малышка вполне воспитанным голосом произнесла:

— Марта.

— Прелестное дитя. Вы ко мне с каким-то вопросом?

— Да! — ответила Инна. — Я хотела бы получить расчет.

— Расчет? — удивилась Цигаль. — За что?

— Я работала у вас дворником. Правда, недолго. Но тем не менее.

— Дворником? — удивилась Цигаль и осмотрела Инну с ног до головы. — Вы, дворником? А когда? — Неожиданно взгляд задержался на Иннинных бедрах и ногах, и она сразу перешла на "ты". — Сколько у тебя талия?

— Была пятьдесят восемь.

— Прикальываешься? На глаз вижу, что все шестьдесят. — Цигаль тут же метнулась к столу, схватила сантиметр, затем, бесцеремонно задрав Инне блузку, обхватила сантиметром талию.

— Точно пятьдесят восемь. Какой у тебя рост?

— Метр шестьдесят восемь.

— Маловато. А сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Старовата. На подиум когда-нибудь выходила?

— Нет.

— Фигово, но поправимо. Пошли!

Они быстро проследовали на склад, где Инну раздели в четыре руки, после чего облачили в какое-то серебристое платье с очень узким торсом, но разлетающимися во все стороны полами. Когда ей застегнули молнию на талии, Цигаль темпераментно взвизгнула:

— Класс! — После чего деловито добавила: — Я тебя беру. Пока буду платить триста баксов за выход.

6

Честно говоря, Инна до последней минуты не верила, что эта девчонка заплатит ей за час работы такие немислимые деньги. Утром она отвела Марту в садик, а сама без некоторого волнения отправилась на работу. В фирме царил ужасная суматоха. Персонал носился с выпученными глазами, а Цигаль костерил всех, кто попался под руку. При виде Инны она деловито сообщила:

— Сегодня на тебе три модели. Не вздумай улыбнуться публике!

В ту же минуту Инной занялись шестеро рук. Ее раздели, наложили на лицо макияж, взбили волосы, затем натянули какие-то сверкающие лохмотья и велели пройти.

— Можно поразвязней, — разрешила танцмейстерша.

Ее первый выход прошел, как во сне. Нельзя сказать, что Инна очень волновалась. В желудке бурлило, а в голове было только одно — заплатит хозяйка обещанные триста долларов? Только когда ей скомандовали: "Инна пошла!", в груди что-то ёкнуло, однако она быстро овладела собой и раскованной, как ей показалось, походкой направилась в зал. Сразу же раздались аплодисменты и защелкали фотоаппараты. Она улыбнулась и, развернувшись на каблуках, двинулась обратно.

Второе платье Инна продемонстрировала, как ей показалось, безукоризненно. А когда ее облачили в третью модель, Инна смутилась. Платье было слишком открытым — длинные, черные, сверкающие лохмотья с сотней разрезов, начинающихся от

тали. По существу, это было что-то типа корсета с развевающимися лентами вместо юбки. При ходьбе просматривалось абсолютно все. Инна нахмурилась.

— А нельзя ли, чтобы этот костюм продемонстрировал кто-нибудь другой?

— Глупая! Это лучшая модель, — прошептала костюмерша. — И, кстати, тебе очень идет.

Костюм вызвал в зале более восторженные аплодисменты, чем предыдущие. А за сценой ее встретила сама Цигаль.

— Для начала неплохо, — деловито произнесла она. — Но эта модель требует большей вальяжности.

7

С Инной расплатились в примерке. Когда она сидела перед зеркалом и снимала ватой макияж, к ней подошла девушка, положила на столик конверт и попросила зайти к директрисе подписать контракт. Инна заглянул в конверт: три стодолларовые купюры, как обещано. Она поднялась в кабинет к Цигаль, и та с порога заявила:

— Пока не научишься ходить, на штат не рассчитывай. Буду платить только за выход. На шагистуку ходить ежедневно. На работе бывать с десяти до шести. Если устраивает, давай подпишем договор.

Инну это устроило. В этот же день она сняла комнату за пятьдесят долларов и с головой погрузилась в работу.

Впрочем, сказать, что погрузилось с головой, это в корне не верно. На первом месте, конечно, был муж. Инна по два раза в день звонила следователю, но он ничем успокоить не мог.

— Вашего мужа объявили в федеральный розыск. Если нащупаем следы, сразу вас известим.

Собственно, работу в доме моделей Инна считала несерьезной, но старалась исполнять все, что от нее требовали. Ее главная задача — подольше продержаться в фирме. Где она еще найдет дураков, которые за такую ерунду отваливают большие деньги?

Инна ежедневно приходила к десяти. До четырех с манекенщицами занималась танцмейстер, после четырех визажист. С ходьбой у Инны было все хорошо, с шармом немного похуже.

— Давай обреем тебя наголо или выколем на плече дракона, — предлагал педагог. — Слишком уж ты обыкновенная.

— Только на моем трупе, — отвечала Инна.

Цигаль по-прежнему материлась, наводя шорох в собственной конторе, не стесняя никого. Однажды модельерша напаялила на Инну какую-то очередную тряпку, сшитую из клочков льна и трикотажа. В области талии и бедер трикотаж облегал довольно плотно, юбка же своими лохмотьями разлеталась настолько широко, что Инна опасалась за посторонние предметы. Цигаль критично осмотрела свой новый шедевр и произнесла:

— Грудь придется открывать. Живая ткань утепляет тона. Вырежьте ей впереди квадрат.

Но едва костюмерша усадила Инну на стул, как Цигаль пришла в бешенство.

— Сколько раз тебе говорила, не сажай манекенщиц на задницу, если они в трикотаже, — бушевала хозяйка. — Он же растягивается, как кишка!

— Извините, Алиса Степановна! — виновато лепетала костюмерша, хлопая глазами.

— А почему бы тебе не попробовать резиновую ткань? — вмешалась Инна, чтобы отвести грозу от бедной костюмерши.

— Резина холодная. А мне нужны теплые тона.

— А ты преврати трикотаж в резину при помощи кислоты спорыньи и настойки одуванчика.

— Какой еще спорыньи? — дернула плечами Цигаль.

— Обыкновенной. Которая есть в любой аптеке. Правда, в смесь еще нужно добавить соляную кислоту, спирта и кое-что по мелочам. Если хочешь, я приготовлю такой раствор.

Цигаль заинтересовалась, однако покачала головой весьма скептически. Но буквально на следующий день Инна принесла на работу вымоченный в растворе старый джемпер, который валялся на складе. Хозяйка тут же натянула его на себя, хотя он был еще влажный. Через три дня Цигаль пригласила Инну в кабинет. Крутая модельерша сидела в джемпере, который вымочила Инна, и лицо ее было чрезвычайно серьезным.

— Слушай, я думала, что это прикол насчет раствора. Вчера вечером я вытянула джемпер утюгом до пятьдесят четвертого размера. Сегодня все опять встало на место.

На лице Цигаль было искреннее удивление, а губы Инны расплзлись в таинственной улыбке.

— Если сойдемся в цене, я открою тайну этой технологии, — шуточно произнесла она.

Однако хозяйке было не до шуток.

— А где ты про это узнала?

— Сама изобрела. Эта была моя дипломная работа.

Алиса с уважением оглядела манекенщицу и глупо хлопнула ресницами.

— Назови цену.

— Двадцать тысяч, — не моргнув, ответила Инна.

Разумеется, она пошутила. Какой же дурак отвалит за рецепт раствора из шести компонентов двадцать тысяч рублей? Такая цифра ей пришла в голову потому, что их мелекесский сосед за такую сумму продавал свой подержанный "жигуленок". Вадим давно положил глаз на соседскую машину, но денег, увы, не было и, увы, не намечалось в перспективе. Инна собралась рассмеяться и сказать: "Да пошутила я! Сейчас напишу этот рецепт бесплатно", но Цигаль темпераментно воскликнула:

— Идет!

Она вскочила с кресла, подбежала к сейфу и, распахнув его настежь, вытащила из него груды запакowanych пачек. Отсчитала двадцать штук, остатки заперла обратно и эту немислимую грудку денег двинула Инне.

— В каждой пачке тысяча долларов. Можешь не пересчитывать.

— Долларов? — прошептала Инна.

— Ну, да! Долларов. А ты что хочешь?

— Ой! — простонала Инна. — Я, кажется, хочу в туалет...

8

В субботу Инна направилась в бюро по недвижимости.

— Вы хотите снять или купить? — вежливо поинтересовались там.

— Пожалуй, купить, — неуверенно ответила Инна.

— В каком районе?

— Поближе к центру.

- Есть. От тридцати тысяч.
- Мне нужно не более двадцати.
- Поищем. Оставьте ваш телефон.

Инна с Мартой вышли из офиса, подозревая, что за такие деньги ничего хорошего не обломится, и сразу наткнулись на подозрительного мужчину. Как потом напишут в протоколе: "на вид ему около шестидесяти лет, роста среднего, вида интеллигентного, волосы черные, с редкой сединой, на лице большие роговые очки. Особых примет нет". Мужик как мужик: одет в серую китайскую куртку, старенькие джинсы и черную шапочку. На ногах суконки.

— Хотите купить квартиру? — любезно осклабился он.

Инне мужчина не понравился, и она прошла мимо, ничего не произнесла в ответ. Однако Марта остановилась и очень внимательно посмотрела на незнакомца.

— Какая красивая девочка, — улыбнулся мужчина вставными зубами, затем поднял глаза на Инну. — В этом агентстве очень большие накрутки. Чуть ли не пятьдесят процентов. Советую обратиться в другое. А если вы ищете однокомнатную квартиру, то я продаю без всяких накруток по рыночной цене. Место престижное. Недалеко от Ленинского проспекта.

— За сколько? — скептически поинтересовалась Инна.

— Прошу восемнадцать. Торг после осмотра.

— Когда можно посмотреть?

— Хоть сейчас, если у вас есть время.

У Инны не только было время, но и деньги в черной авоське в руках, которые она не рискнула оставить на квартире.

— Поехали! — произнесла она решительно.

Они спустились в метро, доехали до станции "Калужская", после чего проехали еще три остановки на автобусе в сторону Ленинского проспекта и вышли у каких-то киосков.

— Вон дом! — весело указал мужчина на девятиэтажку, вокруг которой громоздились двадцатитажные дома.

Они подошли к неказистой коробке, и покупательница прочла на стене дома: "Обручева 19/1". Компания вошла в подъезд, и незнакомец сделал то, чему Инна не придавала значения, но потом вспомнила в милиции: снял очки и надвинул на глаза шапочку. Они втроем поднялись на лифте на восьмой этаж, и хозяин дрожащими руками открыл ключом квартиру номер шестьдесят четыре.

Когда они вошли в квартиру, сразу повеяло сквозняком. Мужчина быстро прошел в комнату и закрыл балконную дверь, которая была распахнута настежь. Форточка в кухне тоже была открыта. Мужчина закрыл и ее. А Инна, между тем, внимательно осмотрела квартиру. Квартира как квартира. Обыкновенная стандартная хрущевка. Нуждается в ремонте. Обстановка старая: два серванта, книжный шкаф, диван, шифоньер, посередине квадратный стол. У них в Мелекесе точно такая же.

— Ну как? — спросил мужчина, внимательно наблюдавший за гостьей.

— Жить можно, — ответила Инна. — Но цену вы загнули. Тринадцать, от силы.

— Ну, что вы! Здесь же почти центр.

Спорили недолго. Через пару минут сошлись на пятнадцать вместе с оформлением и ударили по рукам. В этот же день они оформили купчую, зарегистрировали сделку в бюро по недвижимости, и Инне выдали ордер. Оставались какие-то формальности, связанные с пропиской и получением расчетных квитанций из ЖЭУ. Инна была поражена молниеносности произведенной сделки. "Что значит столица!" — с уважением подумала она и отсчитала бывшему хозяину пятнадцать тысяч. Он тоже был поражен. Но другим.

— Вы носите в авоське такие деньги, а ездите в метро?

— У богатых свои причуды, — горько усмехнулась Инна и чуть не расплакалась.

Теперь у нее была квартира в Москве, и были деньги на автомобиль и скромную мебелишку. Была перспективная работа и умница дочь, которая за это время не только ни разу не заболела, но и не доставила никаких хлопот. Не было только того, ради которого она приехала сюда.

Кто действительно искренне радовался квартире, так это дочка. Она прыгала, смеялась и без конца спрашивала у мамы:

— Теперь у нас в Москве есть свой дом?

— Есть, — ответила Инна и разрыдалась.

Марта подошла и погладила Инну по плечу и произнесла:

— Не плачь, мамочка. Мы найдем папу.

Марта заснула сразу, спокойно и сладко. А Инна долго бродила по комнате и давалась слезами. Три часа ночи, а сна ни в одном глазу. Наконец она отключилась и даже видела какой-то сон. А когда неожиданно проснулась, ей показалось очень важным вспомнить, что же ей снилось. Какая-то грубая кирпичная стена и на ней что-то выцарапано. Только что?

Инна почесала лоб и вспомнила. На стене были выцарапаны цифры. Первая, кажется, семерка. И вторая семерка. А третья... Дьявольщина! Внезапно Инна очень четко увидела и эту грубую стену, и выцарапанные на ней семерки. Сколько же их было? Три? Нет, больше! Кажется, пять. Точно, пять. Означает ли это что-нибудь, или ничего не означает? Может, это номер телефона? Но в Москве нет пятизначных номеров. Не хватает еще двух цифр. Что же это значит: пять семерок? Кстати, пятью семь — тридцать пять. Если к семеркам добавить эти тридцать пять, то получится семизначное число. Неужели это число действительно номер телефона Вадима? Вряд ли! Слишком притянута за уши. И хотя Инна прекрасно это понимала, все же вылезла из-под одеяла и набрала получившийся номер. По нему долго никто не отвечал, затем гудки оборвались, и сонный мужской голос произнес:

— Да. Я слушаю.

— Извините, пожалуйста, — дрожащим голосом пролепетала Инна. — Вы не можете позвать Вадима?

— Какого еще Вадима? — раздраженно ответил мужчина. — Вы куда звоните? Здесь нет никакого Вадима, и никогда не было.

— Извините, — пролепетала Инна и торопливо положила трубку.

9

“Что за идиотка! Кому неймется в такой час? — с раздражением подумал разбуженный мужчина и посмотрел на часы. — С таким трудом заснул, и на тебе!”

На часах было пятнадцать минут пятого. Он повернулся на другой бок и вдруг понял, что уже не заснет. “Черт! Вадим ей какой-то понадобился среди ночи. Шизофреничка!” Впрочем, он сам виноват. Надо было отключить на ночь мобильный. Мужчина тяжело вздохнул и открыл глаза. Прислушался. Кажется, соседи уgomонились наконец. Он поднялся и отправился на кухню. Для кого-то сон — отдых. С тех пор, как похоронил дочь, его каждую ночь мучает бессонница. Но если бы только бессонница. Жизнь вообще потеряла смысл. Жить стало незачем. Жить стало в тягость.

Полуночник достал из холодильника бутылку нарзана, сделал пару глотков и открыл форточку. Пойти, что ли, прогуляться? Все равно уже не заснуть.

Ночь была безлунной и теплой. Веющая от ельника свежесть взбудрила разбуженного мужчину. Он прошел мимо громадного, только что построенного коттеджа

соседа и вошел в ельник. Здесь воздух был настолько живительным, что мужчине захотелось сделать зарядку. Но какая, к черту, зарядка в пять утра? Еще бы часа четыре покемарить. Он побрел по дороге, мучимый тяжкими воспоминаниями.

К тринадцатилетию дочери он купил ей гоночный мотоцикл. Через три года она разбилась, получив серьезные травмы, и отец был уверен, что дочь не выкарабкается. Но она выжила и поправилась, чем очень его удивила. А потом случилось непонятное...

Неожиданно мужчина споткнулся обо что-то мягкое. Точнее, об кого-то. Боже мой! Прямо на дороге, свернувшись калачиком, лежал человек. Мужчина схватил лежащего за отвороты куртки и сильно встряхнул. Незнакомец пошевелился. "Ну, слава Богу, жив", — облегченно вздохнул прохожий и похлопал его по щекам. Молодой человек тихо простонал и на кого-то невнятно пожаловался. Мужчина приподнял его и посадил на обочину. От него не пахло вином, и он не был похож на бомжа.

— Ну что, очухался?

— Вы кто? — буркнул парень, не совсем понимая, где находится.

— Я живу здесь недалеко, а вот ты как сюда попал?

— А где я? — поинтересовался парень, с трудом осмотревшись по сторонам.

— Можно сказать, в двух шагах от села "Синие ели".

— Вспомнил, — потрянул головой незнакомец и с хрипом вздохнул. — Это он так расплатился за работу.

— Тебе куда идти? — участливо поинтересовался мужчина после долгого молчания.

— Куда, куда... Откуда я знаю, куда? Идти мне, собственно, некуда. Но вы не беспокойтесь. Дальше я сам. Спасибо, что меня подняли.

— Точно говоришь, что больше не нужна помощь? — нахмурился мужчина.

— Нет, — коротко ответил парень.

— Тогда пока!

Случайный спаситель улыбнулся и отправился в обратный путь. А когда через пару минут оглянулся, то увидел, что парень по-прежнему сидит на обочине, обхватив ладонями взъерошенную голову. Он остановился, подумал и вернулся.

— Пойдем ко мне. Я здесь недалеко.

— А это будет удобно? — насторожился парень.

10

Они вышли из ельника, и парень не очень дружелюбно покосился на дворец Мехтиева. Во всяком случае, так показалось мужчине. Также от внимания не ушло, что парнишка ориентируется на этой дороге довольно уверенно. Значит, она ему знакома. Полуночники вошли в дом, и хозяин разглядел лицо гостя более детально. Нос опухший, под обоими глазами синяки, волосы и лицо в крови.

— Кто тебя так? — сочувственно спросил он.

— Понятия не имею, — ответил парень и со свистом вздохнул.

Пока он мылся в ванной, из спальни выползла сонная жена и с ужасом уставилась на грязные ботинки в углу и чужую куртку на вешалке.

— Ты кого привел? — прошептала она.

— Тут парнишку одного замочили. На дороге валялся...

— С ума сошел! — вытаращила глаза супруга. — А вдруг он заразный? Или жулик. Совсем спятил на старости лет...

— Иди спать! — устало оборвал ее мужчина.

— Я тебе советую немедленно выпроводить бомжа, — назидательно прошипела жена.

— Я не собираюсь слушать советы женщины, которая ни дня не работала, — раздраженно перебил ее супруг.

— Если ты сейчас его не выводишь, я немедленно уеду в Москву.

— Вали! — грубо усмехнулся хозяин.

В это время парень вышел из ванной. Он вежливо поздоровался с женщиной, но та в ответ яростно развернулась и громко хлопнула дверь.

— Я, пожалуй, пойду, — растерянно пробормотал гость.

— Да успокойся, все нормально! — махнул рукой мужчина. — Пойдем на кухню.

На кухне они выпили коньяку и закусили. Особенно налегал на бутерброды пострадавший. Хозяин дома все допытывался, кто он, да откуда и за что его так разукрасили? Парень о себе сказал только, что он радиоинженер, а по поводу избиения все больше пожимал плечами. Возможно, он действительно не знал, а, может, не хотел говорить. Также молодой человек не помнил, как попал в лес. По его словам, на него напали на железнодорожной станции. Это были ребяташки, выскочившие из какой-то иномарки. Они подъехали сбоку, шарахнули по голове арматурой и втащили в машину. Еще бедняга помнил, как ему сделали укол, после которого он сразу отключился.

После салатов и коньяка гостя потянуло в сон.

— Что за пакость они мне вкололи? До сих пор никак не проснусь, — пожаловался незнакомец, с трудом открывая слипающиеся глаза.

— Ложись на диван в гостиной и спи спокойно, — по-отечески похлопал его по плечу хозяин.

— А это удобно?

— Удобно все, что естественно. Мне бы такой сон, как у тебя, я бы нужды не знал. Но у меня, к сожалению, уже четвертый год бессонница.

— Бессонница, это поправимо, — расплылся в улыбке гость.

— Увы, мой друг! Все снотворные против моей бессонницы бессильны.

Они прошли в гостиную. Парень прилег на диван, а хозяин взял газету и сел в кресло.

— Спи-спи! Не обращай на меня внимания! — кивнул он. — Я бы рад поспать, да не засну.

— Сейчас заснете! — подмигнул парнишка и отправился в прихожую. Он вытащил из куртки какую-то коробочку с длинным проводом, похожую на радиоприемник, и воткнул в сеть. Сразу же послышались приятные звуки волн.

— Это что? — удивился хозяин.

— Электронный "усыпитель", — ответил гость. — Через пять минут вы будете спать сном младенца.

"Хорошо бы", — подумал мужчина и уткнулся в газету...

Когда он проснулся, было уже десять утра. Случилось невероятное. Он действительно заснул, и действительно спал сном младенца. Дачник чувствовал себя бодрым и помолодевшим на десять лет. Ночной гость тоже, кажется, просыпался. Он немного повозился, потянулся, зевнул и вдруг, будто что-то вспомнив, резко вскочил с дивана. Встретившись с хозяином взглядом, лукаво подмигнул подбитым глазом:

— Ну что? Усыпил вас мой аппарат?

— Ты хочешь сказать, что я отрубился благодаря твоей штуковине? — недоверчиво спросил мужчина, кивнув на радиоприемник.

— Разумеется! Он еще никогда не подводил, — с гордостью ответил молодой человек. — Это мое изобретение. Пока эта конструкция в единственном экземпляре

ре, поэтому, извините, подарить не могу. Но надеюсь скоро запустить ее в серийное производство. Мне бы только найти умного банкира, который бы понял выгоду и профинансировал мой проект на взаимовыгодных условиях.

— Этот аппарат действительно усыпляет? — недоверчиво сдвинул брови хозяин. — Вообще-то, перед тобой банкир. Но мне не верится... Куда ты теперь направишься?

— В Москву! — ответил парень. — Кстати, можно от вас позвонить?

Хозяин подал ему телефон. Парень долго рылся в карманах, затем со вздохом возвратил трубку.

— Увы. Записную книжку потерял.

На прощание хозяин протянул руку и деловито произнес:

— Ну что ж, желаю тебе больше не попадать в такие ситуации. А по поводу твоей штуковины: если она действительно усыпляет, то милости прошу с проектом ко мне... — Неожиданно глаза банкира расширились. Не договорив, он бросился в комнату и прибавил громкость телевизора: "...один из самых любопытных художников России, — говорил диктор новостей. — Его выставки проходили в Берлине, в Париже и в Риме. Национальный Британский музей купил восемь его полотен. В Центральном доме художника на Крымском мосту Александр Ветлицкий выставляется впервые".

Это сообщение, к удивлению супруги и к недоумению гостя, чрезвычайно взволновало хозяина дома. Не дослушав новости культуры, он кинулся одеваться.

— Подожди, сейчас вместе поедem в Москву.

Через пять минут они уже сидели в машине, и мужчина взволнованно объяснял молодому человеку, что на третий день после своей смерти дочь явилась ему во сне и сказала, что, перед тем как родиться снова, она некоторое время будет обитать у художника Ветлицкого.

— Это как? — удивился парень.

— Сам не знаю, — ответил банкир.

После такого откровения некоторое время ехали молча. Оба задумались. Банкир давил на педаль, а пассажир хмурился. Неожиданно на повороте у железнодорожной станции он громко воскликнул:

— Притормозите! Я раздумал в Москву!

— Почему? — удивился банкир.

— Мне здесь нужно закончить одно дело.

11

Это произошло спустя полтора месяца после того, как наш герой в несколько опечаленном настроении возвращался из "Альтаира". Для уныния повод был весьма веский — полное отсутствие денег. Надежда на то, что все закончится благополучно, была весьма призрачной, а ноги сами привели Вадима к метро: собственно, Вадим не планировал никуда ехать. Зашел в метро, чтобы погреться, но вдруг дежурная вышла из будки и направилась к дальнему турникету. Как не воспользоваться моментом? Три секунды — и Вадим уже спускался вниз по эскалатору.

В переходах он очень внимательно приглядывался к попрошайкам. Среди них были как старухи, так и люди далеко не пенсионного возраста. Встречалось много молодых мамаш с младенцами на руках, которые постоянно спали на ходу. Желудок судорожно сводило от голода, но, насмотревшись на попрошаек, Вадим подумал: "Нет, это не для меня. Уж лучше воровать, чем попрошайничать". Он мгновенно пе-

решил на ветку, ведущую к Черкизовскому рынку, решив украсть там хоть что-нибудь съестное.

На рынке Вадим угрюмо ходил от одного прилавка к другому и отводил глаза от разносолов. Слюнки текли струей, и в животе сумасшедше урчало. Продавцы-азиаты наперебой предлагали купить фрукты и овощи, колбасы и копченую рыбу, шаурму, пончики, чебуреки, пирожки...

Вадим вышел из продовольственного павильона и понял, что украсть не сможет, потому что хозяйка очень внимательно стерегла свой товар. Сил уже больше не было. В желудке ощущалась резь, ноги подкашивались. Он устало опустил на какие-то грязные ступени перед павильоном и в ту же минуту в четырех шагах от себя увидел пустую колбасную лавку.

Сердце Вадима забило. Вокруг тьма народу, но никто не обращал внимания на невзрачного человека с голодными глазами. Он поднялся и приблизился к лавке. Она была вся завешана колбасами различных сортов: копченых, полукопченых, с жиром, обезжиренных, молочных, розовых, толстых, как пожарные шланги, тонких, как самарские макароны. Палки колбас различной величины свободно лежали на прилавке. Бери и ешь! Но никто не брал и не ел. Видимо, все были сыты. И сыты настолько, что даже не задерживали взгляда на этих немислимых продуктах. Еще не дойдя до прилавка, Вадим почувствовал такой дурманящий колбасный запах, что его закачало. Сглотнув слюну, он приблизился к прилавку и тут увидел продавца. Тот просто сидел на низенькой скамеечке и распаковывал какие-то новые сорта колбас. Колбасник был настолько увлечен своим занятием, что даже не заметил подошедшего к нему покупателя. Вадим впился глазами в самую ближайшую колбасную палку и с бьющимся сердцем потянулся к ней. Неожиданно продавец поднял голову.

— Почему? — спросил Вадим, поднося колбасу к носу.

— Палка тридцать пять рублей, дорогой! В ней почти полкило. Очень вкусная колбаса.

Ничего не оставалось, как поморщиться и положить колбасу на место. Но оторваться от нее было сверх сил. В ту же секунду Вадим снова поднял колбасу и резко сорвался с места.

— Эй, а деньги, деньги! — услышал он вслед.

Вадим мчался с колбасой в руках, натываясь на людей, на прилавки, на какие-то тележки. Перед ним расступались, на него оглядывались. Он ловил любопытные и испуганные взгляды, но никто не пытался задержать его, и никто, кажется, не преследовал. Колбасный вор петлял среди рядов и все больше погружался в глубину рынка, полагая, что выбирается на улицу. Он осмотрелся по сторонам. Никто не обращал больше на него внимания, а держать колбасу в руках было уже просто изувестом. Вадим зашел за киоск и вгрызся в нее зубами. Через пять минут с колбасой было покончено. Настроение тут же улучшилось. Вадим вышел из-за киоска и остолбенел. Перед ним стояло четверо здоровенных азиатов. Пятым был тот самый усатый колбасник в цветной тубетейке.

— Вот он! — указал он на Вадима, и его тут же схватили за грудки.

12

— Мужики, только без рук, — прохрипел попавшийся, тщетно трепыхаясь в огромных ручищах.

Он попытался высвободить свой ворот, но попытка не увенчалась успехом. Его держали железной хваткой.

— Зачем побежал? Взял колбасу и побежал, не заплатив, — покачал головой колбасник.

— Мужики, извините! Ну, нет у меня денег, — откровенно признался Вадим. — Ничего вы с меня не возьмете. Хотите, отработаю?

Последнее предложение заинтересовало одного из бугаев.

— Паспорт есть? — оживился он.

— Есть, — ответил Вадим.

— Пойдем!

Вадима опять привели на продовольственную половину рынка, завели на какой-то склад и посадили на стул перед жирным узбеком с хитрыми глазами. Узбеку шепнули что-то не по-русски, и его толстые губы расплылись в слащавой улыбке.

— Меня зовут Ахмед, — произнес он. — Значит, хочешь поработать у нас?

— Ну, если сойдемся в цене, — угрюмо проговорил Вадим, покосившись на бугая справа.

Ахмед засмеялся и протянул руку.

— Давай паспорт!

Он долго и тщательно листал документ, слюнявя страницы своими жирными пальцами, чего-то выглядывал, вынюхивал, морщил лоб и цокал языком. Особое внимание узбек уделил прописке и семейному положению. Наконец произнес:

— Немцы у нас еще не работали.

— А я не немец. Я русский. Просто фамилия у меня немецкая. Осталась от предков.

— Русские у нас работали. Но они плохие работники. Посмотрим, на что ты способен. Работать будешь в китайском районе. Если попытаешься сбежать с товаром, первым делом тебя будем искать по месту жительства. Так что, прежде чем надумаешь кинуть, подумай сначала о жене и дочке.

Сразу же после этих слов нахмурившегося Вадима вытолкнули на улицу и повели на другой конец рынка в китайский район, подвели к группе каких-то чумазых таджиков, стоящих с тележками наготове, и сказали, что он будет работать с ними.

Вот с этой минуты у Вадима началась совсем другая жизнь, о которой он раньше даже не подозревал. Грузчиком подрабатывать приходилось в студенчестве, причем не раз, но Крафт никогда не думал, что после института этим придется заниматься профессионально.

Впрочем, нельзя сказать, что работа была слишком тяжелой или очень унижала человеческое достоинство. Ничего унижительного в работе "на подхвате" не было. Главное, быстрота и оперативность. Скажет, к примеру, китаец: "Черная джинса тридцать три", и несешься на склад за черными штанами соответствующего размера. Иногда приходилось возить тележки с груженными товарами до двух метров в высоту. Это было не тяжело, но очень муторно. Надо отметить, что Вадима кормили. Не особенно какими разносолами, на пару чебуреков за день ему перепало от господ китайцев, точнее, от одной китаянки. Молодая девушка, стоящая за прилавком, в свободное от покупателей время поглядывала на Вадима оливковыми глазами и, казалось, видела его насквозь. Когда ему жутко хотелось есть, она исчезала и вскоре появлялась с пакетом чебуреков.

Вечером, после закрытия рынка, работающих на подхвате грузчиков строем вели в подвал, который находился в одном из домов через дорогу от рынка. Когда Вадим вошел в него в первый раз, то остолбенел. Во всю длину подвала шла шеренга двухъярусных железных коек. Около ста, не меньше. Вадим даже как-то попытался их посчитать, но это ему не удалось. В глубине подвала было очень темно.

Вадиму сразу указали на койку недалеко от входа. Основная масса таджиков, входя в ночлежку, сразу валилась на койки и засыпала. Но некоторые начинали что-то варить и жарить на электроплитках. Когда Вадима приглашали откусать жаркое, он не отказывался. А чего стесняться, если предлагают от чистого сердца?

Все грузчики Черкизовского рынка были жителями Таджикистана. Из них мало кто говорил по-русски. Но с одним Вадим подружился. Его звали Рашидом. Ему тоже, как Вадиму, было тридцать, и он тоже закончил какой-то московский университет.

— Непонятно, за каким чертом ты пошел в грузчики? — заметил однажды Рашид. — Ты же не таджик. Пошел бы лучше в строители. Они, по крайней мере, прилично зарабатывают.

— Но у меня нет строительной специальности.

Рашид улыбнулся.

— В строительном агентстве дипломов не спрашивают. А наврать можно, что угодно.

— Но я не знаю, где строительное агентство.

— Могу дать адрес.

13

На следующее утро, взяв у Рашида адрес строительного агентства, Вадим заявился на склад к Ахмеду. Узбек лопал шаурму, и неожиданное появление "немца" было более чем неуместным.

— В чем дело? — спросил он сердито. — Почему ты не на рабочем месте?

— Я бы хотел получить расчет, — произнес Вадим.

Глаза Ахмеда вылезли из орбит.

— Какой расчет? Воры у нас работают бесплатно.

— То есть как? — сверкнул глазами Вадим. — Вы хотите сказать, что я буду вечно отрабатывать вашу колбасу, цена которой тридцать пять рублей?

— Иди и работай, — отмахнулся Ахмед и снова вгрызся в шаурму.

Глаза Вадима налились кровью. Он приблизился к Ахмеду и вцепился ему в горло. Ахмед захрипел, выронил из рук шаурму и беспомощно замахал руками. Вадим оглянулся и, убедившись, что за спиной по-прежнему никого нет, процедил сквозь зубы:

— Быстро мой паспорт, скотина!

Ахмед, продолжая шипеть и кашлять, открыл стол, порылся в нем и швырнул паспорт на стол.

— И извольте расчет за шесть дней, — произнес Вадим, пряча паспорт глубоко в карман. — Вашу поганую колбасу можете вычесть в двойном размере.

— А зачем покойникам деньги? — хитро прищурился Ахмед. — Если добежишь до середины рынка, для тебя это будет большой удачей.

— А вот это мы посмотрим, — подмигнул Вадим и сжал руки в кулаки.

Ахмед нехотя полез в карман и вытащил пачку денег. Отсчитав пять сотенных, он бросил их на стол и расплылся в азиатской улыбке. Что означала его улыбка, Вадим понял после того, как, схватив деньги, выскочил за порог. Тогда-то ему в спину и доносилась угроза:

— Если тебя не догонят, адрес твоей семьи у нас есть.

День был воскресным, поэтому улицы пустовали. В "Альтаир" ехать не имело смысла, но надо было посетить строительное агентство, которое находилось в Докучаевском переулке. Оно, по словам Рашида, работало без выходных. По пути Вадим намеревался зайти на почту, чтобы отправить домой перевод, но почта на глаза не

попалась. А строительное агентство оказалось закрытым. Ничего не оставалось, как потоптаться на железном крыльце и отправиться обратно. Но неожиданно во двор вошел высокий плечистый мужчина лет сорока в стареньких джинсах и потасканной куртке неопределенного цвета. Скользя взглядом по железной двери, он спросил у Вадима:

— Закрыто, что ли, агентство? Вот блин! А пишут, что работают без выходных. Ну и козлы! — Он махнул рукой и, круто развернувшись на каблуках, собрался, видимо, удалиться, но вдруг подозрительно посмотрел на Вадима. — А ты что, парень, работу ищешь?

— Ищу, — с готовностью отозвался тот.

— В строительстве работал?

— Работал, — соврал Вадим.

— Чем занимался?

— А чем надо?

— Мне нужен маляр, — сказал мужик без всякого лукавства. — Ну, и на подхвате штукатур.

— О чем речь! — вскинул руки Вадим. — Это как раз моя специальность. Все дело в том, сойдемся ли в цене.

— Цена на всех у нас одна, — нахмурился мужик. — Все дело в том, впишешься ли ты в бригаду...

14

Через час они уже сидели в электричке и ехали в направлении станции "Синие ели". Вадиму мужик понравился, прежде всего искренностью. Сам же он вряд ли мог рассчитывать на взаимность, поскольку сразу начал врать. Мужчина это почувствовал и поэтому сказал откровенно:

— Если ты мне не подойдешь, извини! Буду искать другого маляра.

— Да я смогу! — стукнул себя в грудь Вадим, полагая, что из строительных специальностей малярное поприще — самое легкое.

Мужчина, представившийся Стасом, больше не стал распространяться на эту тему, а сразу повел незнакомца на вокзал. По дороге он объяснил, что в бригаде вместе с ним трое, один из Белоруссии, один с Украины, а сам он из-под Липецка. Но занимается строительными шашбашками в Подмосковье уже более десяти лет. В данный момент они производят внутреннюю отделку одному московскому мафиози. В принципе, работы на месяц. От силы на полтора. За нее он платит две тысячи долларов. Словом, по пятьсот баксов на нос.

— Пойдет?

— Вполне! — тряхнул головой Вадим и задумался.

Деньги хорошие, но вся загвоздка в том, что он никогда в жизни не малярил.

— Ты сам откуда будешь? — спросил Стас.

— Из-под Самары.

— Там тоже денег не платят?

— Как и везде.

Через час они сошли на нужной станции и отправились в деревню. Место, прежде всего, поражало своей естественной красотой. Со всех сторон деревню окружал роскошный сосновый лес. Воздух был настолько густой, что, казалось, его можно пить. После суетной столицы "Синие ели" были райским уголком. Единственно, что портило пейзаж, это огромные краснокаменные замки "новых русских", совершенно не вписывавшиеся в патриархальный уголок.

В один из таких домов и привел бригадир Вадима. Навстречу вышли двое мужчин лет по тридцати в пыльных строительных робах. Они сразу приветливо протянули руки.

— Константин! — представился черноволосый с голубыми глазами, который был с Украины.

— Анатоль, — представился белорус. Он был небольшого роста, белобрысый, с рыжими усами.

Вадиму сразу стало не по себе. Его приняли за своего, а он даже не знает, как держать в руках кисть. Успокаивало только то, что Остап Бендер тоже не умел рисовать, однако, кажется, с блеском написал что-то непревзойденное.

Вадиму выделили робу, всучили ведро с белилами и велели покрывать стену, обшитую сухой штукатуркой. Вадим со знанием дела схватил самую огромную кисть, макнул ее в ведро и густо мазнул по стене. Анатоль с Костей покатались со смеху.

— Это не белила. Это шпаклевка, — пояснили они сквозь смех. — Она наносится железной лопаточкой.

Анатоль поднял с полу какой-то причудливый инструмент с зеркальным жалом, окунул его в ведро и круговым движением нанес шпаклевку на стену. Получилось ловко и красиво.

— Вот как это делается. Ты никогда не шпаклевал, что ли?

— Нет! — честно признался Вадим и покосился по сторонам.

Бригадира, слава Богу, в это время не было. Он взял лопатку и в точности повторил движения Анатоля. Тот одобрительно кивнул.

— Только не оставляй подтеков!

Вадим очень старался. За это время Анатоль еще четыре раза отбирал у него лопаточку и показывал, как лучше мазать, чтобы не оставлять разводов. Костя в это время ввинчивал в сухую штукатурку шурупы и одобрительно кивал, наблюдая за тем, как Вадим энергично осваивает малярное искусство. Где-то через час появился Стас. Вадим к этому времени отшпаклевал половину стены. Бригадир молча наблюдал за его работой, затем вдруг произнес:

— Пройдись еще раз по шурупам.

Он снова ушел, а Анатоль, прыгнув с лесов, отобрал у Вадима лопатку и показал, как зашпаклевать шурупы. Через час стена была закончена. Вадим вопросительно посмотрел на Анатоля.

— Теперь покрывай краской, — объяснил он. — Это делается валиком. Начинать сверху.

Покраска валиком далась Вадиму без труда. К концу дня он добился такой виртуозности, что во время покраски ни одна капля не падала на пол.

Как прошел первый рабочий день, Вадим даже не заметил и удивился, когда Стас приказал заканчивать. Он взглянул на часы и присвистнул — было уже десять часов вечера.

За братским ужином, состоящим их огурцов, помидоров и рыбных консервов, Стас, как бы между прочим, обратился к Вадиму без всякого укора:

— Вижу, что ты ни черта не умеешь, но стараешься. В общем, продолжай в том же духе. Считаю, что я тебя взял.

Вадим расплылся в улыбке, а Анатоль с Костей дружески подмигнули ему.

15

Через две недели Вадим уже шпаклевал вполне профессионально, и очень привязался к коллективу, который строил планы на дальнейшие совместные шашки.

Вадим же надеялся на свое изобретение и намеревался по завершении работ отколоться от бригады. В данный момент его беспокоило только две вещи: что не мог сообщить о себе домой и не мог позвонить в "Альтаир". Собственно, у хозяина был "мобильник", но обратиться к нему с просьбой воспользоваться его телефоном Стас крайне не советовал.

Однако однажды утром, когда хозяин отъехал в магазин, Стас спустился с третьего этажа и подмигнул Вадиму:

— Джангир оставил телефон на столе. Беги звони! Только быстро! Я постою на стреме.

Вадим со всех ног помчался наверх и через минуту уже разговаривал с главой "Альтаира".

— Куда вы делись? Мы вам обзвонились, — произнес директор.

— Так вы надумали?

— Давно! Ждем вас. Когда подъедете?

— А когда надо?

— Чем быстрее, тем лучше. Вы сейчас где?

— Я в Подмоскowie, в деревне "Синие ели". Шабашу в строительной бригаде. В принципе, если вы мне гарантируете аванс в счет нашего будущего совместного проекта, я могу все бросить и подъехать прямо сейчас.

Насчет аванса глава как-то замялся и пробормотал, чтобы изобретатель не торопился, поскольку окончательного решения еще нет. И добавил — пусть Вадим спокойно заканчивает свою шабашку, поскольку заседание совета директоров у них назначено только на начало декабря.

В тот же вечер Стас с хмурым лицом подошел к Вадиму и доверительно сказал:

— Джангир меня сейчас подробно расспрашивал о тебе.

— Зачем? — удивился Вадим.

— Затем, что у тебя нет документа. Придется отдать паспорт.

— Ни за что! — нахмурился Вадим. — Я не собираюсь подставлять свою семью. А в чем, собственно, дело? Почему он так щепетилен насчет документов?

— Нервничает, — пояснил Стас. — Недавно на помойке нашли труп его брата, который исчез три года назад.

— Это его брат? — ужаснулся Вадим.

— Слышал об этом? Так вот, они вместе с братом проворачивали какие-то темные квартирные делишки, за что того и кокнули. Вот почему хозяин такой подозрительный.

Наутро Стас сошел с третьего этажа чернее тучи.

— Ну, что? — кинулись к нему ребята.

— Хрен вам, а не аванс. Джангир пришел в ярость. Что будем делать: продолжать, или поставим вопрос ребром?

— Продолжать! — ответили Анатолий с Костей.

— Поставить вопрос ребром, — нахмурился Вадим.

— В общем так, — сощурился Стас. — Я ему сказал, что сегодня вкальваем, а завтра прекращаем, если он с утра не расплатится за проделанную работу.

До обеда работали молча, ближе к вечеру у дома остановилась черная иномарка. Она стояла у ворот не более трех минут. Усатый мужчина в коричневой куртке перекинулся с Джангиром парой слов и уехал. По окончании работы Стас, взглянув на унылые лица ребят, произнес:

— Не расстраивайтесь вы так, мужики! Пусть только попробует не заплатить. Подвесим на его же собственных воротах. А не дернуть ли нам сегодня по стаканчику для поддержки штанов? — подмигнул бугор.

— А как же сухой закон?

— Да, черт с ним.

Стас достал общие деньги, отсчитал на две бутылки водки, положил еще сто рублей сверху, на случай, если задержит милиция, и произнес:

— Так что, Вадим, мотай на ус: если нет регистрации, держи наготове сто рублей. Ну, от силы двести. А без паспорта ходить не рекомендую. Кстати, одолжи мне свой паспорт! На всякий пожарный...

— А может, я схожу?

— Ты не найдешь.

— В куртке он.

— Тогда уж я заодно и твою куртку одену. Она у тебя попримичней.

Стас ушел за водкой, и больше его не видели.

— Куда он делся? — заволновался Анатоль. — Неужели менты цапнули? Не может быть. Он тертый волк.

— Пойдем поищем?

— Сиди! Куда ты без паспорта? В каталажку хочешь?

Мужики прождали бригадира до утра, но он как в воду канул. Утром хозяин, узнав, что Стас исчез, долго чесал затылок, а потом позвал наверх Костю. Костя спустился от него через двадцать минут в некоторой растерянности.

— В общем, так. Джангир назначил меня бригадиром. Интересовался, хватит ли нам двух недель, чтобы закончить? Я сказал, что хватит...

И снова начались длинные трудовые будни, без выходных, с пятиминутными перерывами на перекус. Ребята почти не выходили на воздух, а ближе к концу еще и не спали две ночи, чтобы уложиться в срок.

Но, наконец, работа была завершена. Бригада из трех человек с почерневшими лицами, красными глазами и проваленными щеками измученно сидела на лесах в отделанном помещении и ждала расчета. Хозяин не торопился принимать работу, а когда, наконец, спустился с третьего этажа, то сразу наморщил нос.

— Ну, и чего вы здесь налепили? Это, по-вашему, работа?

Ребята переглянулись.

— Нет, мужики, так дело не пойдет! — покачал головой Джангир, обойдя все комнаты. — Вы просто перевели материал. Кто теперь за вас будет переделывать? — Он обвел возмущенным взглядом растерявшихся подрядчиков и подмигнул своим телохранителям. — Правильно я говорю? Правильно! Вот что, орлы! Даю по пятьсот рублей на обратный проезд, и чтобы я вас больше не видел. Такие работники Москве не нужны.

Первым пришел в себя Костя. Он сжал кулаки и прыгнул с лесов. За ним прыгнул Анатоль и поднял с пола молоток. Вадим прыгнул следом за Анатолем и схватил монтажку. Подбородок у Кости дрожал.

— Пока ты с нами не расплатишься, мы никуда не уйдем, — произнес он сквозь зубы.

Джангир отступил за спины своих двух охранников, достававших из карманов пистолеты.

— Не надо трупов в моем доме. Зачем? Пойдемте, мужчины.

Они ушли, а бригада так и осталась стоять в растерянности. Через полчаса к дому подкатил милицейский "УАЗик". Четверо милиционеров вошли в дом и сразу потребовали документы. Затем несчастных строителей погрузили в машину и

привезли в отделение. Два часа продержали в клоповнике, после чего раздали паспорта (причем Вадиму дали паспорт Стаса) и поинтересовались, хотят ли они, чтобы ими занялись соответствующие органы, или мигранты добровольно покинут Москву?

— Добровольно ни за что! — в один голос воскликнули Костя с Анатодем. — Мы имеем претензии к Мехтиеву.

— А я покидаю Москву добровольно, — произнес Вадим, засовывая чужой паспорт в карман.

Костю с Анатодем снова заперли в каталажке, а Вадима вытолкнули на улицу. Но через минуту он вернулся:

— Можно мне позвонить в Москву?

— Позвони! — зевнул дежурный.

Вадим позвонил директору "Альтаира" и сообщил, что шабашку закончил и сегодня же вечером будет в Москве. Изобретатель довольно круто наехал на главу медцентра, заявив, что больше ждать не намерен, и если им не интересно его изобретение, то пусть скажут прямо, поскольку время уходит. В Москве много умных людей, готовых заинтересоваться его проектом.

Речь в подобном духе возымела эффект. Директор даже растерялся.

— Мы хотим работать с вами и готовы хоть сейчас подписать соглашение. Где вы находитесь?

— На железнодорожной станции "Синие ели".

— Никуда не уходите, я пришлю за вами машину.

В ту же минуту милиционер схватил Вадима за рукав и повел к железнодорожной станции. Когда подошла электричка, блюститель порядка просто втолкнул его в вагон, несмотря на уверения приезжего, что за ним должна приехать персональная машина. Электричка тронулась, и Вадим уныло шлепнулся на сиденье. Пришлось ехать до следующей станции, а затем пересестись на обратный поезд. На эту операцию ушло часа два — не меньше, поскольку электрички в этом направлении ходят редко.

Когда бедняга снова возвратился в "Синие ели", уже стемнело. "Черт! — простонал про себя Вадим. — Почему так не везет?"

Вполне возможно, что "альтаировцы" уже приезжали и, не найдя его на станции, отбыли обратно. Проторчав на перроне с полчаса, Вадим вышел на дорогу и только чудом не попал под колеса какой-то черной иномарки. Машина с визгом затормозила, и из нее вышел тот самый усатый тип, который разговаривал с Джангиром. Он хотел, видимо, обругать прохожего, но неожиданно глаза его сузились. Вадим развернулся и помчался к лесу, но иномарка, съехав с дороги, рванула за ним.

Преследователи догнали беглеца у лесопосадки и стукнули по голове чем-то тяжелым. Потом, когда втащили в машину, сделали какой-то укол. И больше Вадим ничего не помнил.

16

Кто они такие и что им было нужно, Вадим так и не понял. Ему казалось, что он спит и все произошедшее ему только приснилось. И мужчина, который нашел его на дороге, разбудил, привел домой и накормил, тоже приснился. Оказывается, нет. В данную минуту этот мужчина сидел за рулем и рассказывал свой сон о погибшей дочери, которая явилась в каком-то сказочном саду и сказала, чтобы он сильно не переживал, поскольку она скоро опять родится...

Вдруг Вадим увидел у киоска Анатоля с Костей. Они были настолько унылы и жалки, что у бывшего маляра сжалось сердце. Он попросил водителя остановиться, поблагодарил его за все, попрощался и вышел.

При виде Вадима Костя шутиливо замахал руками, а Анатолий невесело скривился.

— Мы думали, ты уже в Мелекесе, — произнес тоскливым голосом Костик.

— А я думал, вы в Бутырке.

— Нам вчера дали двенадцать часов, чтобы мы убралась из Москвы. Затолкали в последнюю электричку, но мы прыгнули на следующей станции и вернулись пешком.

— Зачем? — удивился Вадим.

— Нельзя нам домой, — вздохнул Анатолий. — Дома долги и голодные дети. Будем опять искать работу. Здесь один тип строится. Ему, кажется, люди нужны. Завтра пойдем к нему договариваться. Так что присоединяйся.

— А я думал, вы вернулись, чтобы требовать должок с Джангира, — разочарованно покачал головой Вадим.

— Это бесполезно, — выдохнул Костя. — Если бы мы заключили письменное соглашение, то можно было бы потребовать через суд.

— Да какой суд? — вмешался Анатолий. — У него здесь все куплено. Уж если он нашего Стаса убил, чего уж говорить о нас.

— Что? — вытаращил глаза Вадим. — Стаса убили? Откуда вы знаете?

— Бомж видел, как две недели назад менты грузили в машину труп. Это был Стас. Бомж Стаса хорошо знал, поэтому ошибиться не мог. Вот сидим, поминаем.

Когда стемнело, троица молча пошла к только что построенному особняку. Анатолий с Костей спрятались за угол, а Вадим нажал на кнопку в домофоне.

— Кто там? — откликнулся домофон голосом Джангира.

— Я пришел к тебе с приветом...

Возникла недоуменная пауза, после чего в прихожей зажегся свет. Было слышно, как лязгнула бронированная дверь, и во дворе раздались тяжелые шаги хозяина. Дубовая калитка на воротах распахнулась, и на улицу вышел Джангир. Несмотря на темноту, он узнал своего бывшего рабочего.

— Ты чего здесь делаешь? — удивился он.

— Не ожидал увидеть живым? — засмеялся Вадим. — Поспешил ты отпустить охрану.

Джангир по-бычьему наклонил голову и свирепо засопел.

— Чего надо? Вали отсюда! — грубо рявкнул он и хотел закрыть ворота, но вынырнувший из-за угла Анатолий поставил ногу в проем. Следом выскочил Костя. Они схватили Джангира за грудки и выволокли на улицу.

Поначалу хозяин кричал и грозил. Но несколько ударов быстро остудили его воинственность. Джангиру накиннули на шею веревку и перекинули конец через перекладину ворот.

— Эй, эй, вы чего делаете? — трусливо залепетал Джангир. — Я готов рассчитаться с вами...

— Заткнись! перебил Вадим. — Сейчас мы с тобой будем рассчитываться за Стаса.

— Это не я! Я не знаю, кто убил, — быстро затараторил Джангир. — Зачем мне его убивать?

Наступила тишина. Вадим с Анатолием вопросительно смотрели на Костю.

— Командуй, бугор! — тихо произнес Вадим.

Костя думал очень долго. Потом, покачав головой, произнес:

- Вообще-то, я не висельник. Я штукатур.
- Тогда давайте его заштукатурим, — предложил Анатоль.

Предложение всем понравилось. Джангира связали по рукам и ногам. Чтобы не орал, сунули в рот его же собственный шарф. Тут же во дворе в корыте замесили раствор. После чего посадили его на пятки и принялись в три руки обкладывать цементом. Через полчаса у ворот стояла скульптура с лицом хозяина. Ворота закрыли, свет во дворе потушили, кляп изо рта вынули. Костя положил лопатку ему на голову, а Анатоль плюнул ему в лицо. Когда бригада вернулась на железнодорожную станцию, Костя спросил:

- Как думаете, мужики, он выживет?
- Выживет, — вздохнул Анатоль. — Такие твари живучие.

Часть третья. Спрыгнуть, чтобы спасти

К взволнованному рассказу Быстрицкого художник отнесся весьма равнодушно. Он был вежлив, улыбчив, но, как показалось банкиру, несколько отстранен. Впрочем, может быть, Валерий Дмитриевич неудачно выбрал время для такого важного разговора. Все-таки первый день работы выставки. Художник не сводил глаз со зрителей, которые без конца подходили к ним то со своими восторгами, то с вопросами, то с просьбой продать ту или иную картину. Художник Ветлицкий виновато улыбался, разводит руками, а потом, когда они с банкиром снова оставались одни, говорил:

— Извините, что пришлось отвлечься. Продолжайте, я слушаю.

— А после этого она сказала, что родится в семье русских немцев по фамилии Крафт. И даже назвала имя, которым ее назовут.

— Крафт? — задумался художник. — Нет, никогда не слышал. Извините!

— Это не имеет значения, слышали вы про Крафтов или нет, — произнес банкир, досаду на непонятливость художника. — Я хотел у вас спросить совсем о другом: скажите, в последние три-четыре года у вас в семье появлялась девочка? Может быть, родилась, а потом умерла... Извините, конечно...

— Нет, — покачал головой художник. — Я уже больше десяти лет живу один. Никакой девочки у меня не появлялось, и никто не родился. Может быть, ваша дочь имела в виду другого Ветлицкого?

— Может быть, — поник головой Быстрицкий и отправился смотреть выставку.

Ни одна картина не тронула заиндевелшей души банкира, кроме разве что портрета белого котенка с синими глазами, вытягивающегося на столе под вазой с желтыми цветами. Под картиной была надпись: "Белоснежка и семь рыжих пятен". К этому полотну Быстрицкий подходил три раза и в конце концов надумал ее купить, хотя к кошкам относился равнодушно.

— "Белоснежка" не продается, — улыбнулся художник. — В свое время эта кошечка спасла мне жизнь. Если бы не она, сейчас бы не было ни меня, ни этих картин, ни этой выставки. Впрочем, если она вам так запала в душу, берите...

Когда Быстрицкий уходил с картиной котенка, живописец долго смотрел ему вслед. Это только внешне казалось, что Ветлицкий невнимательно слушал странного посетителя, на самом деле рассказ его глубоко взволновал. Художник слухавил, сказав, что в последние четыре года у него не появлялось никакой девочки. Появлялась. И как раз три с половиной года назад. Это был безумный двухнедельный роман с пятнадцатилетней школьницей Олей. Но не мог же он об этом рассказать первому встречному.

Роман этот закончился так же внезапно, как и начался. За ней приехал отец. Неизвестно, как она удрала от него, чтобы прибежать попрощаться. Последнее

объятие, пара торопливых поцелуев, и ее туфельки весело застучали по лестнице. Во время прощания Ветлицкий заметил в глазах девочки едва заметную радость от того, что это сумасшествие наконец кончается благодаря приехавшему за ней родителю.

Когда она ушла, Ветлицкий закрыл все форточки, занавесил окна и открыл газ. Через две минуты раздался звонок. "Это она! — восторженно вскрикнул в груди. — Так звонили только Оля".

Художник бросился к двери и не ошибся. Девушка стояла в слезах и держала в руках маленького котенка.

— Он слетел сверху и, кажется, сломал лапку. Его чуть не съела собака. Ой! У тебя газом пахнет.

Она испуганно взглянула ему в глаза и все поняла.

— Ты что? — прошептала она. — Я же вернусь. Закончу школу и вернусь.

Но после школы Оля сразу вышла замуж в своих Чердаклах и больше о Москве не помышляла. Когда Ветлицкий об этом узнал, то отнесся к ее поступку с философским пониманием. А котенка он выводил. Правда, через полгода он отправился гулять во двор и исчез.

Быстрицкий решил не возвращаться в "Синие ели". Он поехал сразу на московскую квартиру, предварительно сообщив жене о своем намерении провести остаток выходных дома, и повесил картину в своем кабинете.

Вечером, когда банкир засыпал в кресле перед телевизором, неожиданно сообщили, что объявлен в федеральный розыск тридцатилетний житель города Мелекесса Вадим Крафт. А после того, как показали фотографию пропавшего, Быстрицкий глубоко задумался. Лицо парня чем-то напоминало того бедолагу, которого он ночью подобрал на дороге. "Опять, наверное, не засну", — подумал Валерий Дмитриевич, вспомнив его электронный "усыпитель", и зевнул.

1

Инну все больше тревожили затянувшиеся поиски Вадима. Несмотря на просьбу следователя больше его не беспокоить, она продолжала названивать каждое утро, чем, вероятно, очень надоедала секретарю.

Однажды Инна возвратилась из магазина, и Марта сообщила, что к ним приходили два каких-то дяденьки, которые спрашивали папу.

— Я сказала, что мы сами его ищем.

— Какие еще дяденьки? — отмахнулась Инна.

— Большие! Один с усами, похожий на сома, другой похож на ежика.

Инна отмахнулась от дочки, сочтя ее слова детской фантазией. Однако на следующее утро, когда они вышли из подъезда, Инна увидела черную иномарку и в ней двух парней, пристально разглядывающих ее. Один из них, усатый, в коричневой куртке, был действительно похож на сома, только взгляд более колючий, другой, с короткой толстой шеей и жесткой щетиной вместо волос, действительно напоминал ежа. Марта при виде их понимающе улыбнулась.

— Вот эти дяди приходили вчера.

— Куда? К нам в квартиру?

Марта утвердительно кивнула.

— Они сами открыли дверь?

— Сами.

Подобное открытие не на шутку встревожило Инну. С этим надо разобраться. И замок сменить не помешает. А лучше всего поставить бронированную дверь. Но ве-

чером случилось такое, что все фантазии дочери вместе с дядями отлетели на задний план.

Началось все с того, что внезапно зазвонил телефон.

— Да, — произнесла Инна.

— Ой, извините! Не туда попала, — воскликнула дама с хриплым голосом и бросила трубку.

Через минуту снова раздался звонок, и снова тот же дамский голос:

— Я опять к вам, девушка? Да что же это такое? — и снова бросила трубку.

Когда же она позвонила в третий раз, Инна не выдержала и с раздражением спросила:

— Скажите, какой вы номер набираете?

Незнакомка ответила.

— Совершенно верно. Это мой номер.

— Как ваш? — удивилась женщина. — А вы кто?

— А вам кого надо?

— Мне? — замялась женщина. — Вообще-то, Вадима.

Инна вздрогнула.

— Вы ошиблись. Здесь нет никакого Вадима.

— Извините, — недоуменно пробормотала женщина. — Последний вопрос: это дом девятнадцать дробь один по улице Обручева?

— Да, — ответила Инна.

— А какая квартира?

Инна не ответила, а женщина больше не донимала звонками. Но ровно через час в прихожей раздался звонок. Инна открыла дверь, и в квартиру ворвалась разъяренная тетка, за которой скромно проследовал милиционер.

— Это я, хозяйка квартиры.

Глаза женщины вылезли из орбит.

— Я хозяйка этой квартиры. А вот кто она, — повернулась к милиционеру женщина, — с этим надо разобраться. — Она пролетела в комнату, обвела ее шальными глазами и коварно расхохоталась: — Ага! Кучу вынесли. Шифоньер переставили. Паутину смели.

Милиционер нахмурился и взял под козырек.

— Ваш паспорт, гражданка! — Он долго сверял оригинал с фотографией в паспорте, затем посмотрел прописку: — В Мелекесе прописаны.

— Еще не успела зарегистрироваться. Я только неделю назад купила эту квартиру, — развела руками Инна. — Вот купчая.

Женщина с милиционером впились в протянутый им документ. Они прочли его с первой до последней строчки, переглянулись, и женщина подозрительно сощурила глаза:

— Кто вам продал эту квартиру? Мужчина лет тридцати? Высокий, светлый, глаза серые, звать Вадимом. Не так ли?

— Нет. Мне продал ее мужчина лет шестидесяти. Невысокий, черноволосый, в очках. Его фамилия Озерцев.

Женщина молча подошла к одному из сервантов, открыла секретер, извлекла из шкастудки помятое фото и поднесла к лицу хозяйки:

— Похож на этого?

— Почему похож? — улыбнулась Инна. — Он и есть.

В глазах женщины мелькнул ужас:

— Он не мог вам продать квартиру. Он умер три года назад.

Законная хозяйка в тот же вечер выгнала женщину с ребенком на улицу, несмотря на то, что за окном уже стемнело. Пришедший с ней участковый выцыганил у Инны сто долларов за то, что она жила без регистрации.

Жизнь потекла, как прежде, но уже без квартиры. Инна продолжала работать у Цигаль: по утрам вставать в семь, отводить Марту в садик, а по вечерам наедать следователю своими звонками. К сожалению, Виктор Александрович утешить ничем не мог. Но однажды он позвонил сам и сказал, что после показа фотографии ее мужа по телевизору в прокуратуру позвонили двое. Оба звонивших просили непременно известить их, если пропавший будет найден.

Один представился главой Внешэкономбанка Валерием Быстрицким. Зачем ему понадобился Крафт, банкир не сказал, тем более что, по его признанию, он никогда с ним не был знаком. Второй звонок поступил от директора медицинского центра "Альтаир". Он не сообщил ничего определенного о нынешнем местопребывании Крафта, но заверил, что последний приходил к ним в фирму с одним заманчивым проектом. После чего исчез. Хотя не совсем исчез. Крафт несколько раз звонил им по телефону, обещая приехать, но ни разу не приехал. Кстати, в медцентре не вполне уверены, что к ним приходил именно тот Крафт, который сейчас в розыске.

— К сожалению, Инна Николаевна, заниматься вашим мужем у меня нет времени, — честно признался следователь. — Розыском пропавших занимается другое ведомство. Я же занимаюсь убийствами.

— Тогда дайте координаты центра! — попросила Инна.

Получив телефон и адрес, она сразу поехала в "Альтаир". Когда на вахте узнали, что она жена того самого Крафта, который изобрел электронный "усыпитель", ее без промедления проводили к самому директору.

Директор с большим почтением отнесся к посетительнице. Усадив Инну в кресло, он спросил:

— Где ваш муж? Мы его ждем! Его изобретение давно одобрено нашими учредителями.

И Инна рассказала все: как ее бедный муж поехал в Москву, как ни разу не позвонил домой, а потом через месяц позвонили из московской прокуратуры и попросили приехать для опознания трупа. Но труп оказался не его, хотя куртка принадлежала мужу.

— Неужели так бывает? — вытаращил глаза директор. — Когда это было? Месяц назад, говорите? Но после этого он несколько раз звонил. Обещал подъехать, но так и не подъехал...

— Звонил! — воскликнула Инна. — О Господи! Значит, жив! А откуда он звонил?

— Как мы полагаем, из разных мест. По телефону, который он оставил, мы так и не дозвонились.

— Дайте скорее мне этот телефон! Может, мне удастся дозвониться, — затряслась Инна.

Директор записал на листочке номер и протянул посетительнице. Инна взглянула на него и остолбенела.

— Но это мой телефон! Точнее, бывший мой телефон. Вы, наверное, ошиблись?

— Никакого другого телефона у нас нет, — развел руками директор.

— Понятно, почему вы не дозвонились: там никто не живет, — грустно покачала головой Инна и вдруг задумалась.

Из минутного транса ее вывел директор.

— Как объявится, скажите, что мы его ждем.

— Да-да, обязательно! — кивнула Инна. — Если он вам неожиданно позвонит, скажите, что мы с дочкой в Москве и дайте ему мои телефоны: вот здесь рабочий и домашний. И адрес, на всякий случай...

3

В этот же вечер в шестьдесят четвертую квартиру дома номер девятнадцать дробь один по улице Обручева ввалились трое уставших мужчин. Самый высокий из них сразу прошел в комнату и открыл шифоньер. На него тут же упал мешок с каким-то тряпьем. Мужчина едва заметно усмехнулся и произнес:

— Проходите, мужики. И будьте, как дома.

Они разулись, повесили свои грязные куртки на вешалку и несмело прошли в комнату.

— Чья это квартира? — спросил один из них.

— По-моему, ничья. Хозяин умер, никому ее не завещав.

— А по шее нам не дадут?

— Да вроде некому дать. Во всяком случае, теоретически.

Мужики высыпали кульки с продуктами на кухонный стол и поставили на плиту чайник. Один из них принялся:

— Женщиной пахнет.

Странно, но Вадиму тоже показалось, что в квартире пахнет женскими духами, и не просто женскими, а любимыми духами его жены. От этой мысли его отвлек звонок в прихожей. Он тут же с готовностью распахнул дверь, даже не взглянув в глазок. На пороге стояла соседка с седьмого этажа. Она без приглашения шагнула в квартиру и без всякого приветствия принялась тараторить:

— Приходили ко мне сантехники, продули батарею, а она осталась такой же холодной. Я вот что думаю: общий стояк засорился!

В это время из кухни выглянул Костя.

— Я, наверное, не вовремя, — пробормотала соседка, интенсивно пятаясь к двери.

— Что вы? — улыбнулся Вадим. — Всего-то половина второго ночи.

Бабка уперлась в дверной косяк, но, прежде чем выскочить на лестничную площадку, спросила:

— А где эта женщина с ребенком?

— Какая женщина? — удивился Вадим.

— Которая купила квартиру за пятнадцать тысяч долларов?

— Извините, но я об этом ничего не знаю. Я только что приехал.

Когда соседка, наконец, ушла, Вадим озабоченно произнес:

— Квартиру, оказывается, купили. Мужики, нам надо отсюда линять.

Костя в это время заварил чай, а Анатолий вылез из ванной.

— Хоть чайку-то попьем?

— Пейте, мужики, а я позвоню хозяйке. Хотя, наверное, поздновато.

Наталья Владимировна даже не обиделась, что ее разбудили среди ночи. Узнав голос Вадима, она удивилась:

— Я думала, что вы уже давно дома.

— Нет. Я шабашил в Подмоскovie. Дело в том, что я хотел попроситься переночевать в вашей квартире на Обручева, а тут такое дело. Извините, я не знал. Но хоть до утра в ней можно перекачаться?

— Какое еще дело? — насторожилась Наталья Владимировна.

— Ну... вы же ее продали женщине с ребенком.

— Я не продавала. Плюньте в морду тому, кто вам сказал эту чушь.
— Вообще-то... сказала бабушка с седьмого этажа, что квартира продана за пятнадцать тысяч... женщине с ребенком...

— Все-то она знает! — разозлилась Наталья Владимировна. — Во-первых, не за пятнадцать, а за двенадцать, во-вторых, не я продала квартиру, а какой-то жулик. А эту женщину с ребенком я отправила на все четыре стороны.

— Ах, вот оно что! — сообразил Вадим. — Так это жулики... Ну, переночевать-то можно?

— Да ночуйте, сколько влезет.

Вадим положил трубку и радостно воскликнул:

— Ложная тревога! Отдыхаем! Наливай чай, Костя!

Но вдруг на него снова пахнуло духами жены. Сердце защемило, и пальцы как-то сами набрали номер домашнего телефона. Но к телефону никто не подошел. Конечно, поздновато. Конечно, жена уже спит, но за пять минут непрерывных гудков проснется и мертвый. Не на шутку встревожившись, Вадим набрал номер Олега Петровича.

— Да. Я слушаю, — сердито отозвался разбуженный сосед.

— Олег, привет! Извини, что так поздно звоню. Ты не знаешь, где мои?

— А это кто?

— Ты что, Олег, не узнаешь? Это я, Вадим.

— Вадим? — с ужасом прохрипел Петрович. — Ты разве живой?

— Олег, ты, наверное, еще спишь.

— Ничего я не сплю, Вадим! — оживился сосед. — Я сам два месяца жил у тетки в Кисловодске. Приезжаю, а тут такое рассказывают. Узнаю, что тебя грохнули бандиты. Как сошел с поезда, так сразу шарахнули по башке. Твою бабу вызвали в Москву для опознания трупа. Как уехала она с Мартой месяц назад, так и с концами.

— Моя жена в Москве? — удивился Вадим.

— Ну, а где же еще, если она больше не возвращалась. Да! И вот еще что, — снизил голос сосед. — Вашу квартиру разгромили. Как твоя жена уехала, так ее сразу и разгромили.

— Кто? — похолодел Вадим.

— А черт его знает? Ты, кстати, где обитаешь в Москве?

— У твоей знакомой, Натальи Владимировны...

Вадим дал соседу свои координаты и попросил немедленно сообщить, если станет что-то известно о жене. Он положил трубку и без сил опустился на пол. Было от чего ошалеть. Квартиру разгромили, жена с дочкой уже месяц как в Москве. Где и на какие средства они живут? Какой идиот разгромил квартиру? Неужели, правда, Ахмед. Из-за пятисот рублей?

4

Мужики проснулись в половине девятого. Деловито умылись, побрились, позавтракали, и Вадим вместе с ними вышел из дома. Анатолий с Костей поехали в строительное агентство, а Вадим в "Альтаир". Когда он вошел в вестибюль медицинского центра, охранник вытаращил глаза.

— Я Вадим Крафт, — произнес утренний гость.

— Да, я знаю! — скороговоркой пробормотал охранник и поспешил на второй этаж.

Через пять минут он вернулся и с улыбкой произнес, что его ждет шеф, после чего лично проводил до дверей приемной. Когда Вадим вошел в кабинет, директор с

радостным видом поднялся навстречу. Приблизившись к изобретателю, как к старому знакомому, он радостно хлопнул его по плечам и воскликнул:

— Ну, наконец-то, наконец! Если бы вы знали, как я рад вас видеть. Присаживайтесь! Кофе или чай?

— Все равно! — произнес Вадим.

Красивая секретарша с сияющим взглядом тут же внесла в кабинет поднос с черным кофе и печеньем. Пока Вадим наслаждался бразильским пойлом, директор разговаривал по телефону и при этом с улыбкой поглядывал на будущего партнера. Он говорил о каком-то сюрпризе и требовал приготовить процедурный кабинет.

— Ну что? Идемте? — воскликнул он бодро, увидев, что чашка гостя опустела. — Нас уже ждут! И с большим нетерпением.

Они прошли через весь коридор, спустились на лифте в подвал и проследовали в просторную комнату с ширмами и несколькими кушетками за ними. В помещении уже находились сотрудники. Сразу при входе в креслах сидели двое мужчин. Почетное место между ними было пустым. В него-то и посадили великого мелекесского изобретателя. Директор расположился сбоку на кушетке и деловито произнес в свой телефон:

— Ведите, мы уже здесь!

Дверь открылась, и в комнату вошли двое. Подняв на них глаза, Вадим остолбенел. На пороге стоял усатый в коричневой куртке, а из-за его спины выглядывал второй, с короткой шеей и щетиной вместо волос. При виде Вадима они оба вытаращили глаза.

— Ну, и как это понимать? — обратился к ним директор, кивнув на изобретателя.

— Семен Павлович, извините! Сами не знаем... Десять кубиков вкололи... — бесвязно пробормотал усатый.

Директор тяжело вздохнул и развел руками.

— Вы, Крафт, просто какой-то неуловимый Джо. Вы ускользали от моих ребят три раза. А потом вас два раза убивали. А вам хоть бы что. Живой и невредимый. Каждый раз, когда после этого вы звонили, меня кидало в жар.

— Что все это значит? — помертвевшими губами спросил Вадим.

Вместо ответа директор протянул руку:

— Давайте ваш гениальный аппарат!

— А у меня его нет.

— Где он?

— Где положено. Объясните, наконец, что происходит?

— Вы разве не догадываетесь? — поднял брови директор. — Вполне обыденные вещи в рамках звериных законов рынка. Физическое устранение конкурента.

— Конкурента? — нахмурился Вадим. — Поясните!

— Пояснять практически нечего. Ваш аппарат представляет угрозу нашей фирме. Основная наша прибыль исходит от продажи снотворных средств. Так что если вы действительно начнете производить электронные "усыпители", то скоро мы окажемся на улице.

— Но ведь я вам предлагал развернуть производство на основе вашей фирмы. Вы могли быть единственным монополистом.

— А на кой черт нам это нужно! — всплеснул руками директор. — Разворачивать какое-то производство, чего-то доказывать, суетиться, гнать рекламу. За каким чертом, когда у нас и без этого хорошие обороты. Так что, извините, но ваше гениальное изобретение должно исчезнуть вместе с вашими мозгами. Где ваш аппарат? Говорите!

— Аппарат? — переспросил Вадим. — Значит, вы из-за аппарата за мной охотились?

— Конечно! А вы не догадались?

— И вы убили нашего бригадира!

— По ошибке! — произнес директор, водворяя Вадима на место. — Что делать? Как говорится, издержки производства! Но мы не кровожадные. Просто обстоятельства вынуждают нас быть жесткими. Если бы ваш бригадир пошел за водкой в своей куртке, он бы остался жив. А вот ты бы в ту ночь не проснулся. Честно говоря, мы думали, что тебя кокнули. Даже съездили к тебе домой в Мелекесс. Думали, найдем там твой аппарат. Но, увы, не нашли. Так, где он, говоришь?

— Значит, я себя сам выдал, когда позвонил из "Синих елей"? — растерянно пробормотал Вадим, не слыша вопроса.

— Выдал. Причем дважды. Все мы делаем глупости. Се ля ви! Одно удивительно: как ты умудрился проснуться после десяти кубиков? Ведь это было гениально! Прозежает колонна машин и превращает тебя в лепешку.

— Так значит, к засушенному трупу вы не имеете никакого отношения?

— Какому еще трупу? — нахмурился директор, кинув взгляд на подчиненных. — Какой-то бред пошел. Говори, где аппарат, и закончим с этим.

— Он у меня в чемодане, — ответил Вадим.

5

Неизвестно, на что надеялся пленник. Ситуация была безвыходной. Пятерых Вадиму не одолеть. Спасти его было некому. Договориться с бандитами полубовно тоже не представлялось возможным. Зачем он наплел, что "усыпитель" лежит в чемодане? На самом деле аппарат преспокойно покоился во внутреннем кармане куртки. Что этим хотел выгадать пленник? Оттянуть конец? Но какой смысл?

Тот, который походил на ежа, сразу поехал на Обручева. Директор отправился к себе в кабинет, а трое остались охранять Вадима. Усатый сидел у выхода, прислонившись головой к стене, и дремал. Двое сидели по бокам и тоже клевали носом. Но как только Вадим тихонько пошевелился, все тут же встрепенулись и подозрительно уставились на пленника.

— Извините, мужики. Мне плохо, — жалобно простонал Вадим, поднимаясь с кресла. — Я прилягу на кушетку.

Ему не ответили, но и не возразили. Он зашел за ширму и, зыркнув глазами по стенам, направился к кушетке, стоявшей в углу. Один из охранников поднялся с кресла, посмотрел на откинувшегося Вадима и вернулся на место. Стало тихо. "Кажется, он ни о чем не догадался, — облегченно вздохнул Вадим. — А мог бы!" Потому что в кафельной стене у изголовья этой кушетки торчала белая розетка. Именно на нее и возлагал все надежды отчаявшийся изобретатель.

Прошло три или четыре минуты. Вадим бесшумно залез в карман и вытащил за шнур аппарат. Кушетка под ним пару раз скрипнула, но у сидящей за ширмой охраны это не вызвало никакой реакции. Они сидели тихо и, кажется, дремали. Вадим осторожно положил аппарат на тумбочку, закрыл его лежащей на ней салфеткой и воткнул вилку в сеть. Сразу раздалась успокоительные вздохи волн.

— Это что такое? — спросил усатый.

— Батареи продувают, — ответил другой.

Снова заскрипело кресло, и тот же охранник поднялся взглянуть на пленника. Пленник лежал с закрытыми глазами, закинув руку за голову, и выглядел весьма бледно. Не заметив в розетке вилки и тянувшегося под салфетку провода, охранник

вернулся на место и затих. "Как бы самому не заснуть", — тревожно мелькнуло в голове.

"Усыпитель" уже не генерировал волны, значит, прошло более десяти минут. Нужно было торопиться.

Вадим бесшумно соскользнул на пол и на цыпочках направился к выходу. Заглянув за ширму, он увидел, как все трое охранников спят сном младенцев. Так же бесшумно пробрался к двери, перешагнув через ногу усатого и тронул металлическую ручку. Дверь оказалась незапертой, и через секунду Вадим уже был в коридоре. Он вихрем неся в сторону лифта, поминутно оглядываясь назад. Погони не было. Никого не оказалось и в вестибюле. Вадим спокойно вышел из лифта и направился к дверям. По улице он понесся что есть духу и механически нырнул в первый попавшийся офис. К вбежавшему в вестибюль парню сразу подошел элегантный молодой человек с блестящей биркой на груди и строго произнес:

— Вход только для прессы.

— Я и есть пресса, — не моргнув, соврал Вадим.

— Тогда, пожалуйста, разденьтесь, зарегистрируйтесь и пройдите в зал. Через три минуты начало.

Вадим сдал в гардероб куртку, принятую, несмотря на ветхость и несвежесть, довольно безропотно, подошел к столу, на который указал администратор, и сидящая за ним симпатичная девушка с готовностью захлопала ресницами:

— Вы из какой газеты?

— "Известия", — буркнул Вадим первое, что пришло в голову.

— Фамилия.

— Петр Иванович Сидоров.

Девушка улыбнулась, записала данные на листок и подала молодому человеку пластмассовую бирку с надписью "Пресса". Ничего не оставалось, как пристегнуть эту штуковину к джемперу и направиться в зал.

Посреди зала был возведен сверкающий подиум, украшенный разноцветной мишурой и воздушными шарами. Вокруг него сидела весьма изысканная публика. Картину портила только джинсовая группа журналистов, сбившаяся в кучу у входа. Им на этом светском мероприятии сидячих мест не полагалось.

— Извините за дурацкий вопрос, — тихо произнес Вадим, наклонившись к соседке. — Что сейчас здесь будет?

Девушка с ужасом взглянула на собрата по перу и невольно отшатнулась:

— Показ моделей Алисы Цигаль.

Вадим решил больше не шокировать окружающих своим невежеством. Он скрестил на груди руки и угрюмо стал ждать. Через пять минут грянули фанфары, закрутились блестящие шары, и ведущая в сверкающем платье представила модельера — совсем юную девушку с сияющими глазами и мелкими кудряшками.

Такие лохмотья, трепыхающиеся на редких лахудрах, Вадим видел впервые. Конечно, нечто подобное показывали по телевизору, но лицезрение живьем производило более убийственный эффект. Каждый выход той или иной девицы сопровождался восхищенными аплодисментами. Вадим вглядывался в сидящих в зале и не верил, что модели действительно искренне восхищают зрителей.

Из манекенщиц ни одна не понравилась "корреспонденту" "Известий". Какие-то все высокие и костлявые. Но внезапно на подиум вышла женщина, очень напоминавшая его жену. Вадим замер от удивления.

Когда она вышла во второй раз, он пригляделся к ней повнимательней. "Надо же? Один к одному. И фигура очень похожа". Когда же модель вышла в третий раз в сарафане, у Вадима защемило сердце. Только сейчас он понял, как соскучился по

жене. "Журналист" развернулся и вышел, не обращая внимания на недовольство билетерши.

После теплого зала с улыбочивыми женщинами и хорошо одетыми мужчинами улица казалась преисподней. Лица прохожих были серы и неприветливы, тротуары грязные и оплеванные, здания обшарпанные. Ветер хозяйничал под одеждой и щипал в карманах пальцы. Было зябко, но Вадим не обращал внимания на холод, решительным шагом двигаясь в сторону метро.

Неожиданно сзади взвизгнула машина. Вадим обернулся и тут же рванул в переход. Это были они. "Ни на минуту не выпускают из виду, скоты!" — мелькнуло в голове. Прежде чем нырнуть в ближайший поворот, беглец обернулся. Усатый и подстриженный под ежика, выскочив из машины, интенсивно вертели головами. Вадим, что было сил, устремился в метро, вызывая недовольство и возмущение прохожих. Внезапно перед турникетом дорогу беглецу преградил откуда-то вынырнувший милиционер.

— Ваш документ, любезный, — произнес он, подозрительно вглядываясь в пассажира.

— У меня нет! — развел руками Вадим и оглянулся.

— Как это нет? — удивился милиционер. — А что есть?

— Ничего у меня нет. И денег нет.

Мент осмотрел молодого человека с ног до головы и вдруг махнул рукой:

— Ладно, вали отсюда.

Но в это время сзади подошел его напарник.

— В чем дело? — спросил он и очень внимательно посмотрел на Вадима. — Ваш документ!

Тот протянул ему паспорт убитого бригадира и поежился. Наверняка они давно уже в метро и наблюдают из-за спин, когда с ним закончат менты. А потом одному из пассажиров на движущейся лестнице станет плохо. Он внезапно повалится на рядом стоящих, а рядом стоящие начнут деликатно расступаться. Дежурная внизу остановит лестницу. Пассажиры возмущенно загалдят и торопливо устремятся вниз, презрительно переступая через валяющегося в ногах человека. Все будет думать, что он пьяный, и никто не заметит у него под лопаткой крохотную красную дырочку...

— Как-как ваша фамилия? — поморщился милиционер, оторвавшись от паспорта.

— Крафт! — отозвался Вадим.

Милиционер вздернул брови.

— Пройдемте со мной.

Перед тем как шагнуть в комнату милиции, Вадим оглянулся и увидел их. Расталкивая пассажиров, те двое бежали вниз по лестнице к поездам. "Должно быть, не заметили!" — облегченно подумал он.

6

Инна позвонила главе Внешэкономбанка исключительно для очистки совести. Было уже восемь часов вечера. На улице темно и холодно. На душе тоскливо. К тому же по телевизору показывали какие-то ужасы. "В поселке "Синие ели" у ворот собственного дома трое неизвестных зацементировали известного предпринимателя Джангира Мехтиева. Он был извлечен из цемента московской службой спасения при помощи дробильного аппарата. Пострадавший доставлен в институт имени Склифосовского в удовлетворительном состоянии. Как сообщили нашему корреспонденту,

в данный момент его жизни ничто не угрожает. Предприниматель отделался легкой простудой”.

Марта тихо играла на диване с куклами, разговаривая с ними на разные голоса. Неожиданно малышка произнесла с какой-то особой интонацией:

— Скоро мы найдем папу, и нам будет не скучно.

На этих словах Инна встрепенулась и провела ладонью по ее кудряшкам. В ту минуту ей и пришло в голову позвонить господину Быстрицкому.

Голос банкира был усталым и недовольным. Он очень неохотно поздоровался и назвал себя, но когда узнал, что звонит супруга объявленного в розыск Крафта, сразу оживился.

— Скажите, пожалуйста, вы семья русских немцев?

Вопрос Инне показался настолько странным, что она растерялась.

— Какое это имеет значение? — удивилась женщина. — Мне Виктор Александрович, следовательно прокуратуры, сказал, что вы интересовались моим мужем. Позвольте узнать, почему? Вы были с ним знакомы?

— Нет, я никогда не был с ним знаком, — скороговоркой ответил банкир. — А скажите, пожалуйста, у вас нет, случайно, дочери с голубыми глазами, которую зовут Мартой?

— А при чем здесь моя дочь Марта?

— Так значит, есть? — обрадовался банкир. — Сколько ей лет?

— Почему я вам должна отвечать?

— Скажите, она с вами, в Москве?

— Она со мной в Москве. Но при чем здесь моя Марта? — повторила Инна. — Я хотела узнать о пропавшем муже.

— Милая Инна, — взмолился Быстрицкий. — Покажите мне Марту! Я хочу ее видеть! Прямо сейчас. Можно, я к вам подъеду? А о муже не беспокойтесь. Если он жив, мои ребята его найдут. Они профессионалы. Да вы завтра его увидите! Клянусь! Где вы живете? Скажите!

— Ко мне нельзя, — растерялась Инна. — Я снимаю маленькую комнату. У меня совершенно нет места для приемов.

— Хорошо. Тогда приезжайте ко мне. Я пришлю за вами машину.

И она все-таки продиктовала ему свой адрес и начала одевать Марту.

Через полчаса за ними пришла машина, а еще через некоторое время молодая мама с дочкой уже входили в роскошный двухэтажный особняк на улице Басманной.

Их встретил моложавый мужчина с воспаленными глазами и благородной сединой на висках. Рассеянно скользнув взглядом по гостье, он с жадностью впился в маленькую девочку. Марта неожиданно бросилась ему навстречу. Банкир ее нежно обнял и бережно поднял на руки. Малышка прильнула щекой к его колючему лицу. А Инна так и осталась стоять на месте с раскрытым ртом. Ни мужчина, ни девочка при этом не произнесли ни слова.

Уже потом, сидя перед камином, мужчина разговорился. Марта играла с куклой у него на коленях, а он нежно поглаживал ее мягкие кудряшки и рассказывал про свою дочь Софью. Честно говоря, у Инны вся эта история вызывала беспокойство. Ей очень не нравилось, что ее родная дочь сидит на коленях у чужого дяди и тот принимает ее за свою.

— Так вот, — продолжал банкир, — буквально на второй день после похорон Софья явилась ко мне во сне и сказала, что скоро снова спустится на землю. Сначала она некоторое время побудет у художника Ветлицкого, а потом переберется ко мне поближе: в семье русских немцев Крафтов родится девочка, которую назовут Мартой...

— Мы ее назвали так, потому что она родилась в марте, — пояснила Инна. — А должна была родиться в апреле. Она немного недоношенная.

— Это не важно, — улыбнулся хозяин дома. — Главное, произошло то, что должно произойти. Она — копия Софья. Вот посмотрите!

Мужчина протянул фотографию, и гостья с любопытством уставилась на нее. Красивая девушка с точеной фигурой элегантно сидела на мотоцикле и пронизывала смотрящих на нее всевидящим взглядом. Но ничего общего с Мартой у нее не было, разве что глаза. Только у Марты глаза не пронизывающие, а обволакивающие, хотя такие же голубые. Когда Инна вернула фотографию отцу, то почувствовала огромное облегчение. С банкиром все ясно. На медицинском языке это называется шизофренией.

— Ваша дочь сказала вам во сне, что переберется к вам поближе. Но мы издалека. В Москве, можно сказать, случайно. Меня вызвала областная прокуратура для опознания тела мужа.

И гостья принялась подробно излагать то, ради чего она приехала на Басманную. Банкир, как показалось рассказчице, слушал ее не очень внимательно. Можно сказать, из чистой вежливости. А сам не отрывал взгляда от ползающей по ковру Марты. Когда же Инна заикнулась об изобретении мужа, банкир насторожился, метнул на гостью подозрительный взгляд и вдруг спросил:

— А как он выглядит?

— Муж?

— Электронный "усыпитель".

— Ну, — пожалала плечами Инна, — на вид типичный радиоприемник, только с сетевым проводом. Весом, пожалуй, потяжелей. Цвета синего. Антенны нет. А почему вы спрашиваете?

— Потому, что я, кажется, видел ваш "усыпитель", — задумчиво произнес банкир. — Но хозяин его не был похож на немца.

— Да какой он немец! — воскликнула Инна. — У него только фамилия немецкая. А сам он русский. Рост метр восемьдесят, волосы темные, глаза серые...

— Он маляр? — спросил банкир.

— Почему маляр? — опешила Инна. — Я же вам сказала, что он радиоинженер.

— Извините. Тот парень мне показался маляром. Его руки были в краске. Хотя по описанию похож. Только я не спросил, как его зовут.

Инна от волнения поднялась с кресла.

— Если можно, поподробнее: где и когда вы с ним виделись?

Быстрицкий рассказал, как несколько дней назад его ночью разбудил телефонный звонок, после которого он никак не мог заснуть. Ему ничего не оставалось, как встать и отправиться на природу. И вот в ночном лесу, в двух километрах от его дачи, он случайно наткнулся на молодого человека, лежащего в крови и беспомощно. О себе избитый почти ничего не рассказал, зато с восхищением расписал свой электронный "усыпитель" и, кстати, поведал, что ищет состоятельных людей, готовых вложить средства в его изобретение.

— Это он! — воскликнула Инна. — Мой муж для этого и приехал в Москву, чтобы найти спонсора.

— Если на меня действительно воздействовал его "усыпитель", то я готов подумать над финансированием, — сказал банкир. — Так и передайте ему, когда найдете. Впрочем, где вы его найдете? Я думаю, он все еще в "Синих елях". Когда я уезжал, он там оставался. Я сегодня же пошлю туда своих ребят. Если ваш муж еще там, они его приведут.

— А зачем он там оставался?

— Понятия не имею. Сказал, что нужно доделать какое-то дело. Я спешил на выставку художника Ветлицкого и поэтому в подробности не вдавался.

Сердце Инны радостно забилось. Она благодарно взглянула на хозяина дома и спросила:

— Ну... и что вам рассказал Ветлицкий?

— Ничего не рассказал. Я купил у него портрет котенка и уехал, можно сказать, расстроенным. Если вас интересует, этот портрет висит у меня в кабинете. Можете посмотреть.

Исключительно из вежливости гостя прошла в кабинет взглянуть на шедевр Ветлицкого, но когда подняла глаза на картину, изумленно вскрикнула.

— Что-то не так? — забеспокоился банкир.

— Да это же моя пропавшая кошка Липистинья.

7

Весь следующий день Инна была очень задумчивой. Все смешалось в голове у бедной женщины: и сон господина Быстрицкого, и портрет Липистиньи, выполненный художником Ветлицким, и Марта.

Подобное настроение манекенщицы Алисе не понравилось.

— Не вздумай выйти на подиум с таким лицом.

— Не волнуйся. С лицом у меня будет все о'кей!

Но если лицо еще можно привести в порядок, как быть с сердцем, которое разрывалось от тоски? За десять минут до выхода Инна не выдержала и позвонила в мастерскую Ветлицкого. По счастью, он оказался на месте. Представившись его поклонницей, а заодно и родственницей банкира, манекенщица поинтересовалась, с кого он писал портрет "Белоснежки", с какой-то конкретной кошки, или это воображение?

— Неужели вы думаете, что такую прелесть можно вообразить? — рассмеялся Ветлицкий. — "Белоснежка" написана с моего котенка, причем написана один к одному, вся до единого пятнышка. Это было удивительное создание. Сложена настолько пропорционально, что можно залюбоваться. Хотя ее лапки были гораздо длиннее, чем у обычных кошек. Она была невообразимо изящной и редкой белизны, если не считать семи рыжих пятен. Но самое удивительное, что у нее никогда не было блох.

— Но это же моя кошка! — воскликнула Инна.

— Ваша? — удивился художник. — Любопытно узнать, где вы ее взяли?

— Я нашла ее двухмесячным котенком в нашем подъезде. Потом она выросла и исчезла.

— Ну, нет! Вы путаете ее с какой-то другой кошкой, заверил художник. Мне Белоснежку принесли двухмесячным котенком. У нее была сломана задняя лапка. Лапка потом срослась, но она так и осталась хромой. Потом кошка подросла и пропала. Кстати, в каком году исчезла ваша кошка?

— Одиннадцать лет назад.

— Тогда тем более она не могла быть вашей, — рассмеялся художник. — Моя Белоснежка исчезла всего три года назад.

На этом разговор закончился, поскольку пора было выходить на подиум. "Бывают же такие совпадения, — удивлялась Инна, дефилируя перед зрителями в шедеврах своей работодательницы, — кошки похожи, как две капли воды, и обе хромали на заднюю лапку..."

Когда она вернулась, Цигаль сразу бросилась навстречу.

— Если снова выйдешь с таким лицом, убью. Мои модели не предназначены для умного вида.

Но Инну мучили мысли обо всем происшедшем и о пропавшем муже. Она не выдержала и в перерыве между выходами набрала мобильный номер банкира.

— Как хорошо, что вы позвонили! — обрадовался Быстрицкий. — Моим ребятам кое-что удалось узнать от одного местного бомжа. Несколько дней назад у него в теплотрассах ночевали двое строителей Джангира Мехтиева. На другой день к ним присоединился третий, которого звали Вадимом. По описанию, это как раз тот самый, которого я нашел в лесу.

— Это мой муж! — закричала Инна. — Где он?

— Думаю, что в Москве. Во всяком случае, бомж уверял, что все трое подались в город...

Когда вечером она пришла в садик за Мартой, улыбающаяся воспитательница сказала, что дочку забрал отец.

— Вадим! — радостно воскликнула Марта. — Но куда он ее повел?

— Сказал, что позвонит вам домой.

Инна ни жива, ни мертва понеслась к себе на квартиру. Едва она переступила порог, бабка радостно сообщила, что час назад приходил ее муж и подробно расспрашивал про нее. Хозяйка ответила, что квартирантка скоро придет с работы, так что он может подождать. Но ждать он не стал. Сказал, что очень соскучился по дочери, и она объяснила, в какой садик ходит Марта.

Инна прошла в комнатушку, упала на койку и стала ждать звонка. Но когда звонок раздался, она вздрогнула и растерянно подняла трубку. Звонивший оказался не Вадимом. Незнакомый мужской голос, осведомившись, что разговаривает именно с Инной Крафт, грубо произнес:

— Скажите вашему мужу, пусть вернется туда, откуда ему не следовало уходить.

— Сказать мужу? — удивилась Инна. — Но я его еще не видела.

— Даю вам два часа на то, чтобы увидеть, — продолжал невозмутимо голос. — Если в восемь он не будет у нас, в девять вам пришлют ножку вашей дочери. И не вздумайте обратиться в милицию. Тогда ее точно уже ничто не спасет.

8

Как только Вадима втолкнули в комнату милиции, милиционер сразу кинулся к начальнику и что-то шепнул ему на ухо. Тот удивленно вскинул брови и строго спросил у задержанного:

— Ваши имя и фамилия?

— Вадим Крафт.

— Точно?

Пленник обиженно хмыкнул и ничего не ответил. Лейтенант достал из стола какую-то бумажку.

— Узнаете?

На Вадима смотрело его собственное фото.

— Что это значит?

— Это значит, что вы в федеральном розыске, числитесь без вести пропавшим. Зайдите за решетку. Отдохните.

Лейтенант позвонил какому-то начальнику, и больше Вадима не трогали, даже забыли обыскать и проверить содержимое кошелька. Словом, когда за ним через несколько часов пришла персональная машина, он к этому времени не толь-

ко отдохнул, но и выспался. После чего был доставлен в областную прокуратуру и препровожден в кабинет с надписью "Старший следователь В.А. Дрянцев". Несмотря на хмурый вид, старший следователь почему-то сразу вызвал у Вадима доверие.

— Ну, и где вы пропадали два месяца? — спросил он с едва заметной усмешкой. — Вас жена обыскала.

— Где она? — встрепенулся Вадим.

— С ней все в порядке. Не волнуйтесь. Попозже мы ей позвоним. А сейчас расскажите, куда вы делись после того, как вас выселили из общежития химиков.

— Откуда вам это известно? — удивился Вадим.

— Нам известно все. Начинайте.

Вадим стал рассказывать все по порядку, а когда дошел до момента вселения в квартиру на Обручева, следователь поднял брови.

— Какое странное совпадение. Именно в этот вечер в мусорный контейнер вашего дома было брошено тело некоего Эльдара Мехтиева, исчезнувшего три года назад. Слышали, наверное? Он был известен в криминальном мире, как самый отъявленный квартирный бандит.

— Что вы этим хотите сказать? — возмутился Вадим. — Я бросил его в контейнер?

— Что вы! — расхохотался следователь. — Неужели вы думаете, что в областной прокуратуре работают дураки? Где бы вы могли раздобыть труп? Не в квартире же, в которой поселились? Продолжайте!

Вадим, конечно, продолжил, опуская свое ночное бегство от бандитов. Также опустил он инцидент с колбасой на Черкизовском рынке, присочинив, что решил подработать грузчиком добровольно. А когда рассказал о своей встрече со Стасом на крыльце строительного агентства, следователь напрягся. Узнав, что он повез его в "Синие ели", Дрянцев чуть не подпрыгнул на стуле:

— Так это вы работали у Мехтиева?

— Мы, — потупил взор Вадим.

— Да? А участковому сказал, что работников у него нет, — пробормотал, нахмурившись, следователь. — Значит, это вашего товарища убили?

— Бригадира, — вздохнул Вадим.

Следователь долго вглядывался в свидетеля, затем спросил:

— Почему у него оказался ваш паспорт?

— Все очень просто. Пошел в моей куртке за водкой, а в ней лежал мой паспорт.

— А где же его?

Вадим достал из кармана паспорт бригадира и кинул на стол.

— Был у Мехтиева.

Следователь с интересом перелистал его, потом, наклонившись к Вадиму, доверительно спросил:

— Так это вы обложили его цементом? Это между нами, без протокола...

— Мы! — сокрушенно вздохнул Вадим.

Следователь расхохотался.

— Ну, вы, ребята, учудили! Это еще надо додуматься положить на голову мастерок. За месяц до этого был обнаружен засушенный труп Эльдара, его брата, а следом замуровали его самого. Кстати, — следователь снова сделался серьезным. — За что вы его так, если не секрет?

— Какой тут секрет? — махнул рукой Вадим. — Вместо расчета вызвал милицию.

— Ну, да, — покачал головой следователь. — Мехтиев известный кидала. Кстати, сегодня он скончался в больнице.

— От нервного потрясения? — вытаращил глаза Вадим.

— Какого, к черту, потрясения! — хитро прищурился следователь. — Смерть самая невероятная за всю историю криминалистики! Захлебнулся лекарством. Так что за себя вы можете быть спокойны. Но от правосудия он ушел.

— От правосудия? — удивился Вадим. — Вы думаете, это он убил Стаса?

— А кто же? — удивился следователь.

— Служба охраны "Альтаира". По приказу начальства, естественно.

В одну минуту Вадим выложил все. И о своем аппарате, и об истинном лице медцентра "Альтаир", и о его директоре. Дрянцев слушал очень внимательно. Потом минут пять перебаривал услышанное. После чего посмотрел на часы и внезапно сорвал телефонную трубку:

— Мне нужна оперативная группа. Срочно!

9

Инна без стука влетела в комнату к хозяйке и визгливо вскрикнула:

— Как выглядел мой муж?

— Муж как муж, — пробормотала бабка, немного оробев. — Высокий, жидкие волосы, усы тонкие, как у сома, коричневая куртка...

— Это же не он, — простонала Инна, тут же метнулась к телефону и набрала номер Быстрицкого. — Валерий Дмитриевич! У меня похитили Марту!

— Что? — воскликнул банкир. — Кто посмел? Ничего не предпринимайте. Я сейчас подъеду.

Инна опустила по стенке на пол и обхватила голову руками. Она всегда это предчувствовала. Вот откуда эта вечная тревога за дочь. Впрочем, чего она расселась? Надо действовать. Инна вскочила и набрала телефон Цигаль.

— Алиска! — давась слезами, прохрипела она. — У меня похитили дочь.

— Как? — закричала Цигаль. — Что за козлы? Да я их... Быстро говори свой адрес!

Первым приехал Быстрицкий. Он был собран и спокоен, хотя и несколько бледен. Банкир вошел в квартиру в сопровождении двух молчаливых молодых людей, которые вежливо остались в прихожей. Следом в квартиру со своими двумя орлами ворвалась Цигаль. Банкир метнул на нее удивленный взгляд:

— Ты что здесь делаешь, Алиса?

— А вы что, Валерий Дмитриевич? — опешила Цигаль.

— Вы знакомы? — сухо осведомилась Инна.

— Да! Это моя племянница, — пояснил Быстрицкий.

Они втроем вошли в комнату, и Инна начала сбивчиво говорить о мнимом муже, который забрал дочь из детсада. В конце концов, бедняжка разрыдалась.

— Они сказали — до восьми. А время уже семь. Я не знаю, где искать моего мужа.

Банкир сдвинул брови и произнес:

— Его надо искать через строительные агентства. Если он занялся строительством, то рано или поздно явится в какое-то из них.

— Мужа искать не имеет смысла! — вмешалась Цигаль. — Нужно искать похитителей! Как он выглядел?

— Я его не видела! Его видела моя хозяйка.

— Тащи ее сюда!

Хозяйка ничего нового не добавила: парень как парень — кожаная куртка и усы, как у сома.

— А сам он на сома похож? — неожиданно осенило квартирантку.

— Похож! — радостно закивала хозяйка.

— Я, кажется, знаю, кто это... — пробормотала Инна.

Хозяйку тут же проводили, и Инна рассказала о фантазиях своей дочери на улице Обручева, о том, что, по словам малышки, они являлись к ним домой. Один был похож на сома, другой — на ежика. А потом сама Инна видела похожих типов, но не обратила на них внимания. Они сидели в какой-то черной иномарке.

— Кажется, эту парочку я тоже где-то видела, — сморщила лоб Алиса. — По-моему, они ездят на "вольво". Я еще подумала, послал Бог этим уродам такую классную машину.

— Где видела? Вспоминай скорее! — занервничал банкир.

— Не спешите! Дайте сообразить.

Валерий Дмитриевич с Инной устремили взоры на Алису, но та замахала руками и потребовала, чтобы они отвернулись, иначе от их взглядов у нее расплзаются мозги.

— Кто знал твой адрес? — спросил банкир у Инны. — Вспомни, кому ты его давала?

— Практически, никому. Только следователю прокуратуры. И еще, кажется, директору медцентра "Альтаир".

— Вспомнила! — подпрыгнула Алиса. — В "Альтаире" я видела этих козлов. Я туда по средам хожу в солярий.

— Это точно? — сощурился банкир.

— Точность гарантируют только банкиры, — сверкнула глазами Алиса.

В то же мгновение компания в сопровождении четверых охранников поспешно покинула квартиру и рванула к стоящим во дворе машинам. Через пять минут две роскошные иномарки уже неслись в сторону Автозаводской. В какое-то мгновение Инне показалось, что в милицейской машине, которую они "подрезали" по пути, сидит Вадим. Инна зажмурилась и сильно затрясла головой. "Вот уже и галлюцинации", — подумала она. Но Алиса поняла ее движение по-своему. Она взяла Инну за руку и произнесла:

— Если с Мартой что-нибудь случится, я их лично перестреляю.

Неожиданно водитель взглянул в зеркальце и проговорил:

— За нами гонятся менты. Сбавить ход?

— Этого еще не хватало! — воскликнула Цигаль. — Они что, требуют остановиться?

— Нет. Просто едут.

— Тогда делаем вид, что их не видим.

Когда обе иномарки затормозили у крыльца медицинского центра, было уже без пяти восемь. Первыми выскочили охранники, которые без лишних слов устремились к стеклянным дверям. И быстрым шагом направились к лифту. За ними в вестибюль вбежали высокий седой мужчина и две молодые женщины. Через две минуты у крыльца того же учреждения остановились две милицейские машины, из которых выскочили шестеро в камуфляжной форме и двое гражданских. Они тоже устремились в здание.

Только первая группа была уже в лифте. Выйдя на втором этаже, она так же стремительно проследовала по коридору в приемную. Когда неожиданные гости без стука и предварительного доклада ворвались в кабинет директора, то обнаружили, что глава данного учреждения восседает на своем месте, а перед ним стоят четверо охранников с пистолетами наголо. Среди прикрывавших были и "сом с ежиком".

— Вы кто? — недоуменно спросил директор.

Вперед вышел седой мужчина, назвалсЯ и произнес какие-то имена. Даже не имена, а клички. Двое из державших оружие сразу опустили руки и отошли в сторону. Прикрывать главу "Альтаира" остались только сом с ежиком, и у тех в глазах появилась тоска. Директор сразу сник.

— Что вы от нас хотите?

— Где девочка? — прохрипела Алиса.

Директор недоуменно вздернул брови.

— Какая?

В его недоумении было столько искренности, что Инна поняла: произошла ошибка. Они приехали не туда. Однако Алиса не поверила директору.

— Знаешь, козел, что с тобой будет, если хоть один волос упадет с ее головы?

Неожиданно стоящий у стены охранник произнес:

— Она в подвале на операционном столе.

Группа сразу развернулась и бегом рванула к лифту. Перед тем, как в него войти, банкир приказал своим ребятам встать у кабинета директора и не выпускать никого до его возвращения. Спустившись в подвал, они побежали вперед по коридору, с силой толкнули дверь с надписью "операционная" и в ужасе застыли на пороге.

На операционном столе лежала Марта, стянутая кожаными ремнями. Ее левая ножка была обнажена, и над ней стоял какой-то сумасшедший в белом халате. В его руках визжала электропила, а лицо было недоуменно вытянуто. По всей видимости, он не ожидал прихода гостей.

— Мужик, выключи пилу. Поговорить надо, — осторожно подал голос Быстрицкий.

Марта лежала на кушетке и с серьезным видом смотрела на пришедших. Даже при виде матери ни малейшей искры не мелькнуло в ее глазах. Мужчина в белом халате медленно отвел пилу от ножки девочки и поднес к шее.

— Мне велено при появлении милиции отсечь ее голову, — прохрипел он с сумасшедшим блеском в глазах. — Еще шаг, и я вонзаю пилу в горло.

— Где ты видишь милицию, козел? — неожиданно крикнула Алиса и вылила на хирурга такой поток брани, что рука его дрогнула. Этим воспользовались охранники. Они тут же прыгнули на него, и Инна с ужасом увидела, как в этой суматохе визжащая пила вонзилась в мягкую плоть малышки, окрасив простыни в алый цвет. Инна взвизгнула и повалилась в обморок. Через секунду хирург был скручен. Алиса со слезами метнулась к Марте, чье горло и грудь были залиты кровью, но глаза малышки лучились весельем.

Когда отвязали ремни, выяснилось, что пила вонзилась не в девочку, а в руку охранника, закрывшего ладонью ее горло. Алиса первая схватила Марту и прижала ее к груди. Затем спасенную малышку обнял Быстрицкий. Когда пришедшая в себя Инна, наконец, подбежала к дочери, Марта неожиданно отвела от нее взгляд и произнесла:

— Папа, я по тебе соскучилась.

Инна оглянулась. В дверях стоял Вадим и трое милиционеров в камуфляжной форме.

10

Сначала он крепко прижал дочь к груди, затем обнял жену. Охраннику делали перевязку. По его уверению, руку только царапнуло. На самом деле, рана была глубокой, хотя и не смертельной. Хирурга со скрученными руками пинками вытолкнули из операционной и увели наверх. На втором этаже происходила какая-то возня, слы-

шался топот ног, звучали выстрелы. Потом все стихло, и старшему следователю прокуратуры доложили, что глава медцентра и двое его охранников, оказавших сопротивление, разоружены и сидят в машине. Можно сказать, все закончилось благополучно, быстро и без жертв.

— Куда мы теперь? — спросил Вадим, оторвавшись от жены. — Может, сразу на вокзал? Есть ночной поезд до Инзы...

Но в это время подошел следователь и попросил задержаться в Москве на пару дней. Нужно было провести опознание трупа и взять свидетельские показания по поводу убийства бригадира.

После следователя к супругам подошла Алиса и категорически заявила, что все поезда до Инзы она пустит под откос, поскольку на этой неделе ожидается две серьезные демонстрации, и вообще у нее на Инну серьезные планы.

— Кстати, забыла тебе сказать, что ты с понедельника принята в штат.

— Понимаю, что сейчас неуместно, — приблизился к ним Быстрицкий, — но наш банк готов профинансировать ваш проект по производству электронных "усыпителей", если они действительно таковыми являются.

Вадим недоуменно посмотрел ему вслед и тихо шепнул Инне:

— Этот мужик говорит, что он банкир.

Инна засмеялась.

— А, кстати, где твой аппарат?

— Черт! Я его оставил в лаборатории.

"Усыпитель" нашли в соседней комнате под салфеткой и возвратили хозяину. Быстрицкий смотрел на аппарат с таким любопытством, что Инна отобрала его у мужа и сунула банкиру в карман.

— Испытайте, Валерий Дмитриевич, на себе.

После этого кортеж из двух милицейских "Москвичей" и двух иномарок, наконец, отбыл. Семью Крафтов доставили домой и разъехались в разные стороны. Хозяйка встретила вновь соединившуюся семью на редкость радушно. Она сразу уступила им свою большую комнату, а сама отправилась в маленькую.

— Сегодня здесь переночуем, а завтра снимем квартиру, — прошептала Инна мужу.

— Ты с ума сошла. Откуда такие деньги?

Вадима удивляло все. Особенно он долго не мог поверить, что его жена работает моделью и получает немислимые деньги за каждый выход на подиум. Когда глава семьи узнал, что эта кудрявая восемнадцатилетняя свиристелка и есть Иннина работодательница, то долго смеялся.

— Но откуда у нее такие деньги?

— Вот и я недоумевала, откуда? А сегодня поняла: у нее дядя банкир.

— Ты думаешь, этот мужик действительно банкир? — почесал затылок Вадим.

Марта заснула сразу, как только ее уложили, а супруги не спали всю ночь, рассказывая друг другу о своих злоключениях. Когда они узнали, что жили в одной и той же квартире на Обручева, то долго не могли в это поверить.

— А мне сказали, что квартиру купила какая-то женщина с ребенком, — давился от смеха Вадим.

— Так это я и есть!

— Ты купила квартиру за двенадцать тысяч баксов? Не свисти! Откуда у тебя такие деньги?

Пришлось рассказать про свою институтскую дипломную работу, которую по достоинству оценила хозяйка и которая, откровенно говоря, не стоила таких денег. Од-

нако все равно было жалко этих пятнадцати тысяч, прибранных к рукам мошенником.

— Постой, почему пятнадцать, когда двенадцать?

— Двенадцать официально, чтобы меньше платить налога. А три еще сверху. Кстати, откуда ты знаешь?

Вадим сразу переменялся в лице, прищурившись, посмотрел на жену и вдруг спросил:

— Кому ты говорила, что купила квартиру за пятнадцать?

— Никому, — захлопала глазами жена.

— А откуда об этом знает старуха снизу?

— Понятия не имею! Да и не знаю я никакую старуху.

— Странно, — пробормотал Вадим и задумался. — А тебе не показалась квартира немного странноватой?

— Ничего мне не показалось, — пожала плечами Инна. — Квартира как квартира.

— Ну, ну! Кстати, мы можем туда переехать. У меня есть ключи, и там под диваном лежат мои вещи, — усмехнулся Вадим.

11

На следующий день Вадим позвонил в квартиру на седьмом этаже, расположенную прямо под ними. Дверь открыла бабка, и ее глаза выразили удивление. Гость шагнул через порог, захлопнув за собой дверь, и расплылся в широкой улыбке:

— Как у вас батареи? По-прежнему холодные? — Он нагло вошел в ванную и коснулся рукой трубы. — Да она просто огненная.

Бабка, наконец, пришла в себя.

— Сама прочистилась. А вы все там живете, наверху?

— С женой и ребенком! — кивнул Вадим. — Это моя жена купила квартиру у Юрия Яковлевича.

Хозяйка вздрогнула и насторожилась, а Вадим хитро подмигнул ей:

— Пора бы ему появиться. Сделку надо оформить до конца, как вы считаете?

Взгляд бабки растерянно забегал.

— Это какой Юрий Яковлевич? Который умер?

— Который умер, меня не интересует. Меня интересует тот, который продал квартиру моей жене. — В интонации Вадима появились металлические нотки. — Вы же знаете, где он живет.

— Ничего я не знаю.

— Не знаете? — удивился Вадим. — Откуда же вы знаете сумму, за которую продали квартиру? По-моему, моя жена с вами на эту тему не разговаривала.

Бабка уперлась в стену и захлопала глазами.

— Скажите его адрес, и вам ничего не будет, — наступал Вадим.

— Село Потаповка, улица маршала Жукова, дом номер восемнадцать. Только не говорите, что это я дала вам адрес.

— Телефон у него есть?

— Мобильный.

— Не вздумайте предупредить.

В ту же секунду Вадим выскочил за дверь и кинулся к лифту, у которого уже поджидала Инна.

— Выдала? — спросила жена.

— С потрохами! — щелкнул пальцами муж. — Едем!

Было нелегко найти таксиста, согласившегося вести за город. Однако через два часа Вадим уже стучался в деревянные ворота дома с номером восемнадцать, за которыми шло строительство. Когда ворота распахнулись, Вадим радостно рассмеялся. Перед ним, как ни в чем не бывало, стоял Анатолий, вымазанный с ног до головы в краске.

— Как ты нас нашел? — удивился он, покосившись на красивую женщину за спиной свалившегося на голову друга. — Хочешь присоединиться к нам?

— А возьмете?

— О чем речь! Работы навалом! Костя за бугра. Он сейчас отъехал за штукатуркой. Но хозяин на месте. Могу тебя с ним познакомить.

— Веди!

Они вдвоем прошли через двор, где к маленькому бревенчатому домику был пристроен двухэтажный кирпичный каркас. Анатолий без стука толкнул дверь, и взору Вадима предстал пожилой коренастый мужичок в роговых очках. Он мирно сидел у печки и ворошил кочергой угли. Хозяин поднял голову и остановил на незнакомце подозрительный взгляд.

— Это Вадим Крафт! — с порога объявил Анатолий. — Отличный маляр и вот такой парень! Мы с ним вместе работали.

Хозяин как-то напрягся и поднялся со скамейки.

— Юрий Яковлевич Озерцев? — спросил Вадим.

Анатолий удивленно посмотрел на него. Мужчина долго молчал, изучая неожиданного гостя, наконец выдал из себя осипшим голосом:

— Вы меня знаете?

— Вас знает моя жена. Та самая, которой вы продали чужую квартиру на Обручева.

Мужчина отрицательно покачал головой.

— Неправда. Я продал вашей жене свою квартиру. Так что не переживайте, сделка законная.

— Как? — удивился Вадим. — Насколько мне известно, хозяин той квартиры умер.

Мужчина улыбнулся.

— Ну, допустим, не совсем умер. А скажем так, слухи о моей смерти несколько преувеличены. Так что возвращайтесь и спокойно живите.

— Но мою жену выгнала ваша родственница Наталья Владимировна. Сделку признали недействительной, поскольку у нее на руках свидетельство о вашей смерти.

Мужчина грустно покачал головой.

— Эта женщина отравила всю нашу жизнь. И после смерти жены неприятности из-за нее продолжают. Что делать? Придется мне с ней потолковать. Не волнуйтесь! Я с ней поговорю в понедельник.

— Никаких понедельников, — нахмурился Вадим. — Или сейчас мы расставляем все точки над "i", или я сдаю вас в милицию как мошенника.

Анатолий присвистнул и опустился на табурет.

— Опять мошенник! Сколько можно?

— Успокойся, Анатолий! Я не мошенник, — произнес мужчина. — Иди работать! Обещанную мной сумму вы с Костей получите сполна. А мы пока с этим молодым человеком прокатимся до Москвы.

Когда они вышли за ворота, Инна сразу бросилась на хозяина с кулаками.

— Он не мошенник! — остановил ее Вадим. — Этот человек действительно хозяин той квартиры на Обручева.

Инна сразу спряталась за спину мужа.

— Он же умер, — прошептала она.

— Это мой единственный недостаток, — улыбнулся "покойник".

12

Когда оказались в Москве, Юрий Яковлевич тут же потребовал ехать в больницу имени Склифосовского.

— Зачем? — удивился Вадим.

— Там работает мой друг, Николай Трофимов. Только он может убедить Наталью Владимировну, что свидетельство о смерти и смерть не одно и то же.

Пришлось заехать за врачом, который оказался не из разговорчивых. Сев в такси, он даже не поздоровался. Угрюмо отвернулся от компании и смотрел в окно, пока не доехали до улицы Обручева.

Когда странная четверка вошла в квартиру номер шестьдесят четыре, врач молча прошел в комнату, сел в кресло и прикрыл глаза ладонью. Юрий Яковлевич снял с аппарата трубку и подал ее Вадиму.

— Звоните Наталье Владимировне, скажите, чтобы срочно приехала сюда и привезла мое свидетельство о смерти. Только не говорите, что я воскрес. Пусть для нее это будет сюрпризом.

Наталья Владимировна долго отпиралась и ни за что не хотела ехать на Калужскую. Пришлось наврать, что закон признал покупку квартиры действительной, и покупательница в данную минуту выбрасывает с балкона мебель. Наталья Владимировна тут же переменяла решение.

— Сейчас подъеду! — прохрипела она.

Наконец, в прихожей раздался звонок. Вадим, открыв дверь, хотел сразу предупредить Наталью Владимировну о сюрпризе, но не успел. Она влетела в комнату с серьезным намерением вцепиться в волосы новой хозяйке, но внезапно увидела Юрия Яковлевича. Наталья Владимировна издала пронзительный крик, затряслась и попятилась назад, затем неуклюже прислонилась к двери и начала тихо сползать по ней на пол. Вот тогда врач молча поднялся с кресла, деловито прошел в прихожую и пошлепал ее по щекам.

— Пришли в себя? — осведомился он.

— Юра, это ты? — произнесла женщина, глядя сквозь врача на Юрия Яковлевича.

— Я! — громко произнес тот, и Наталье Владимировне снова стало плохо.

— Ты живой? — спросила она, после того, как врач снова похлестал ее по щекам.

— Живой! — коротко ответил Юрий Яковлевич.

Когда женщина окончательно пришла в себя, даже коснулась рукава своего родственника, Юрий Яковлевич отобрал у нее собственное свидетельство о смерти и разорвал в клочья.

— Теперь ты убедилась, что я живой? — спросил он.

Наталья Владимировна кивнула.

— Так вот, на правах живого заявляю, что эту квартиру я продал Инне Николаевне Крафт, — торжественно произнес Юрий Яковлевич. — Следовательно, нашу сделку прошу считать законной. Она заверена нотариусом и зарегистрирована в бюро недвижимости.

— Она не может быть законной, — прошептала Наталья Владимировна. — В записе есть запись о твоей смерти.

— Есть запись, или нет записи, это никого не интересует. Пока я жив, никому не взбредет в голову идти в загс справляться о моей смерти. Не правда ли? — Юрий Яковлевич, махнув рукой врачу, поспешил к выходу.

Они уже почти вышли за порог, но Наталья Владимировна визгливо воскликнула:

— Что значит твоя мнимая смерть? Зачем ты меня дурачил? Ты всю жизнь дурачил мою сестру и, в конце концов, свел ее в могилу. Только со мной у тебя этот номер не пройдет! Я заявлю в милицию!

— Я так и думал, — покачал головой Юрий Яковлевич и посмотрел на врача. — Придется рассказать все.

Они вернулись. Врач сел обратно в кресло и закрыл лицо ладонью, а Юрий Яковлевич встал на середину комнаты и кинул взгляд на свояченицу.

— Это не я свел в могилу твою сестру, а рак молочной железы, — произнес он. — И моя мнимая смерть была вызвана необходимостью, а не стремлением тебя одурачить. Видит Бог, я не хотел убивать. Он сам выстрелил.

— Кто? — ужаснулась Наталья Владимировна.

— Пистолет. Этот товарищ из Баку меня просто доконал. Каждый день приходил и требовал, чтобы я прописал в своей квартире его родственника. Взвешивал, якобы, он обещал обеспечить мою старость. Но я-то знаю, чем кончаются подобные сделки. Только пропишешь постороннего человека — и на второй день попадешь под машину или свалишься в Москву-реку. Все, кто таким образом завещали свои квартиры, рано или поздно заканчивали одинаково. Я ему говорю по-русски: "Еще раз придешь ко мне — пристрелю". Не понял! На второй день без звонка вперся в мою квартиру. Причем вошел как хозяин, открыв собственным ключом. Я тогда вытащил свой именной пистолет и хотел только пугнуть, а он возьми, да выстрели. Что мне оставалось делать? Я с испугу затащил покойника в шифоньер и бежать. По пути мне попала соседка с седьмого. Спрашивает, кто у тебя в квартире стрелял? Я ей все как на духу, а она: "Ну, теперь тебе не жить. Либо посадят, либо убьют". Куда мне деваться? Идти сдаваться в милицию? Отправился я к своему другу в больницу. А у него не голова, а целая госдума. Он мне предложил официально умереть, тем более что в больнице только что скончался бомж. Пока, мол, меня хватятся, тело уже сгниет. Останется только свидетельство о смерти.

Снял я с книжки все свои сбережения и поехал в деревню. Купил домик. Живу и жду, когда из моей квартиры вытащат труп и начнут расследовать это дело. И вот дождался! Баба Лида с седьмого этажа звонит и говорит: "Какой-то страшный паренек наконец освободил квартиру от трупа. Но милицию в известность не поставил, а просто выкинул его на помойку вместе с остальным хламом". А брат "мумии" Мехтиев, по счастливому стечению обстоятельств, попал в больницу к Николаю, который знал этого мерзавца... — Юрий Яковлевич метнул взгляд на врача и хлопнул себя по губам. Тот оторвал ладони от глаз и тяжело качнул головой:

— Можешь рассказать.

— Ну, и Коля дал ему запить лекарство, да так, что оно попало не в то горло.

— Это еще зачем? — перекрестилась Наталья Владимировна.

— Чтобы не пустил по следу тех ребят, которые его замуровали, своих псов, — мрачно ответил врач.

Когда все ушли, оставив супругов одних, Инна простонала:

— Это не квартира, а лежбище трупов. Давай ее продадим.

— Не спеши! Мы еще не вступили в права.

Ближе к вечеру у дома тормознула шикарная иномарка. Из нее вышли Цигаль и Марта. В это время инвалид Федор Петрович выгуливал своего пса. Едва двери машины распахнулись, собака весело подскочила к кудрявой девочке и лизнула ей руку. Малышка поводила пальцем у собачьего носа и серьезно произнесла:

— Нельзя обижать котят! Они маленькие.

Алиса выскочила с другой стороны и топнула на собаку ногой.

— Шарик, ко мне, — подал голос пенсионер Гребенкин, нахмурив брови. Такое обращение с его псом ему явно не понравилось.

Алиса передала девочку родителям, торопливо чмокнула малышку в щечку и, подмигнув Инне, поспешила вниз. Марта вышла на балкон, чтобы помахать ей, но ее внимание привлек взрослый мужчина, направляющийся к соседнему дому. На его плече висела огромная плоская сумка с картинами. Когда на балкон выскочила Инна и, схватив малышку, потащила в комнату, Марта указала пальцем на человека внизу и произнесла взволнованно:

— Это художник. Я помню, как он рисовал небо и звезды. Тогда я еще не была девочкой.

— Ты была птичкой?

— Нет! Я была киской!

Инна никак не отреагировала на слова дочери. Ее волновали совсем другие мысли. Завтра она будет демонстрировать на подиуме свою собственную модель. Цигаль впервые в жизни переступила через себя, разрешив манекенщице показать свою работу. Вадим тоже был озабочен. Глава Внешэкономбанка дал добро на финансирование его проекта. Завтра заседание совета директоров, на котором изобретатель будет излагать экономическую целесообразность своей электронной новинки.

Словом, родители не заметили странного поведения Марты. А ведь то, что минуто назад произнесла девочка, не было никакой фантазией. Она хорошо помнила, как неслась по лестнице этого дома за четырьмя кошками с задранными хвостами. Ее лапки еще были очень коротки. Она помнила, что, когда вбежала в квартиру, большой человек в черных очках и лохматой головой произнес по поводу ее появления:

— Ой, какой чистенький котенок. Это чей же такой?

Еще она помнила, как после внезапного исчезновения хозяина строгий голос внутри произнес: "Приготовься! Сейчас ты должна совершить то, ради чего тебя сюда спустили. И поторопись. Он уже включил газ. Если не спасешь его сию минуту, твоя жертва будет бессмысленна".

Котенок запрыгнул на перила. Какая-то девочка была уже под балконом, когда беленький котенок с рыжими пятнами оттолкнулся от перил. Она не заметила плюхнувшегося с восьмого этажа котенка и не сбавила шаг. Котенок отчаянно мяукнул в последний раз, и девочка неожиданно оглянулась. Глаза ее расширились от удивления и наполнились ужасом. Она быстро подошла к котенку, осторожно взяла в ладони это крохотное существо со сломанной лапкой и разрыдалась от жалости. Она плакала всю дорогу, пока несла котенка к художнику и звонила в его квартиру. А строгий внутренний голос уважительно произнес: "Ты его спасла, принеся себя в жертву. Теперь никто не посмеет сказать, что у тебя нет воли..."

СЕКРЕТНЫЙ ОБЪЕКТ

«Да хранит тебя Бог, наша малознаемая нами Россия!»

Николай Гоголь

Странная она, нынешняя жизнь, ох, странная! В Москве умные головы напряженно думают, как укрепить вертикаль власти и ее авторитет, а российская провинция тем временем живет своими проблемами. Не всегда Москвой понимаемыми. И властные структуры там порой только считаются властными, не являясь таковыми на самом деле.

Ну вот хотя бы такой момент: случилось ли вам видеть, какими вдруг беспомощно-анемичными становятся на южных пляжах грозные в миру прокуроры, когда оказываются в окружении своих потенциальных клиентов? Я видел. Зрелище удручающее.

Странность же нашего бытия в том, что вопреки всему жизнь в России продолжается. Вопрос, правда, — а какая она, эта жизнь? Каковы ее качество, ее содержательная компонента? Об этом мне удалось поговорить с одним хозяйственником, превратившим секретнейший в недавнем прошлом объект — бункер! — в баню.

Кстати, лучшего места для полемики о судьбах России не найти, уверяю вас.

Бар у моря

Именно таким я представлял себе рай: крутой спуск к пылающему синевой морю; горячий ветер, вздыбливающий веерную листву пальм; базарчик на берегу — с развалом желтых дынь, с пирамидой персиков и сладострастным гудением пчел над грудой истекающего соком инжира.

А на пляже, за буйками, в кипении солнечных бликов, гоняются друг за другом дельфины — их сизые тела сверкают текучим масляным блеском. И ослепительно белое многоэтажное здание санатория, окруженное соснами, и его плоские, в 3 этажа, каскадные корпуса, сбегające к морю ступенчатыми уступами, кажутся произведением са-

мой природы — так органично они сюда вписаны.

Господи, думаю, глядя вокруг, бывает же такое везение — мне предстояло прожить два десятка дней в этом уголке, защищенном от житейских тревог одним своим статусом — здесь проводят отпуска работники прокуратуры, «очи государевы», надзирающие за законностью. К тому же номер мой оказался в нижнем корпусе, в трех минутах от шуршащего галькой моря!

Женщина в юбочке

А вечером, когда на потускневшем небе прорезались первые звезды, внезапный рокот динамиков в зарослях бамбука взорвал тишину побережья песней — «Как упоительны в России вечера!» Там, в зарослях, оказывается, помещался микроскопический ресторанчик с ласкающим душу названием «Бар у моря». Его современная аппаратура разразилась вслед за песней сокрушительными танцевальными децибелами. Их бешеная скачка по уступам каскадных корпусов сопровождалась хлопаньем балконных дверей — обитатели санатория закупоривались в надежде поспать.

Закупорился и я. Но время перевалило за полночь, а штормовая танцевальная атака, казалось, пронизывала даже стены. Ощущение — будто сидишь в бочке, по которой колотят палками. Во втором часу ночи не выдерживаю, по внутренней лестнице поднимаюсь в главный корпус. В фойе, за стойкой администратора — сумрачная женщина. Не дослушав, кивает: к ней уже подходили, жаловались, она звонила хозяйке ресторана: «Да вы позвоните ей сами».

Набираю номер. Слышу в трубке обвалный грохот ударных инструментов и женский голос: «Да, это Лола. Что? Говорите громче!» Я кричу. Бесплезно, меня не слы-

ект - рашн баня

шат. "Да вы спускайтесь к нам, — советует Лола, — на месте разберемся". Спускаюсь. На площадке, освещенной мелькающим светом цветных прожекторов, меж столиков держатся разнообразные фигуры. У стойки бара стоит щуплая темноволосая женщина в короткой юбочке. "Вам что заказать?" — спрашивает Лола, оценивающе всматриваясь. "Тишину". "Что?" — опять не слышит. Наклонившись, повторяю. Она, усмехаясь, кивает в сторону беснующихся посетителей: "Не могу же я их прогнать! А они любят, чтоб — громко".

Тут только замечаю на подъездной площадке ресторана поблескивающие в сумраке автомобили — "мерседесы" и "вольво". Это они вечером, выезжая на огороженную забором территорию, спускались по серпантину к пляжу, посверкивая лаком между деревьями. Догадываюсь: вряд ли эти авто принадлежат приехавшим из российской глубинки прокурорам.

Уснуть мне удалось лишь на рассвете, когда музыка стала затихать. Утром решительно иду к директору санатория. Вижу в просторном кабинете плотного господина номенклатурной наружности с каменным лицом, напоминающим торжественное надгробие. Делюсь впечатлениями. Надгробие медленно наливаются свекольным цветом и — взрывается в распахнутую дверь клокочущим басом: "Позовите Лолу!"

Она появляется в проеме двери неожиданно быстро. На вид ей лет двадцать, может, чуть больше. Как потом мне сказали, Лола совсем недавно была рядовой барменшей и вдруг стала хозяйкой заведения. Вот она, прислонившись к косяку, молча выслушивает монолог директора. Судя по застывшей на тонких губах усмешке, Лола презирает здесь все — кабинет с длинным совещательным столом, монументального директо-

ра, скорбного меня, сидящего сбоку, да и весь этот санаторий с его архитектурными изысками и полунищими (по ее понятиям) обитателями. И демонстрация этого тотального презрения, видимо, доставляет ей немалое удовольствие. Дождавшись паузы, она резко поворачивается и уходит. Ни слова не говоря!

— Если еще раз!.. — вопит ей вслед директор. — Свет вырубли! — И, уже успокоиваясь, сообщает мне: — Это же настоящая хулиганка! Да она же место у меня арендует!.. Договор расторгну!..

Последнее предупреждение

Но дни шли, а доходное место, арендованное Лолой, продолжало терроризировать ночное побережье воем и грохотом.

...Сосед по столу, районный прокурор из под Тулы, с красными от недосыпа глазами, виногато объяснил: путевки сюда им, прокурорским работникам, дают бесплатные. Чего-то еще требовать — все равно что дареному коню в зубы смотреть. И, кивнув в многолюдное пространство столовой, пожаловался:

— Здесь прокурорских одна треть, остальные — по коммерческим путевкам.

Среди этих, коммерческих, особо выделялись коротко стриженные граждане с мощной мускулатурой.

— Наши клиенты, — буркнул про них сосед, — на допросах-то они тихие, а тут...

Это, оказывается, они и приезжающие к ним гости шумно веселятся по ночам у Лолы, днем спят, а перед ужином высыпают на пляж — с девочками. Утробно вопят, кидаясь в воду. Рассказывают всему пляжу, громко гогоча, очень смешные, по их мнению, анекдоты. Принимают горячительное, разбрасывая по гальке стеклопосуду. Ну, в общем, отдыхают, блин...

Господи, ужаснулся я, неужели и руководители прокуратуры проводят свой отпуск в этом нехорошем окружении?..

Да ну что вы, успокоил сосед, у руководства особый корпус есть, совсем в другом месте. Там не режет глаз имущественное расслоение отдыхающих. А тут пляжный мини-рынок доступен в основном коммерческим — у прокурорских зарплата не та. Даже зонтики и лежаки, бывает, не берут — за них по десятке платить надо, а денег нет. Приходится загорать экономно — на гальке. По спартански.

А я между тем продолжал наносить визиты директору. Он при мне темпераментно срывал трубку, крича:

— Лола! Последний раз предупреждаю!

Но расторгать договор не торопился. Почему? Кто-то из вышестоящих не позволял? Очень может быть. И скорее всего, все, наблюдаемые мной сцены, были лишь грубой театрализацией особых с Лолой отношений.

Их подоплека, по предположению моего соседа, элементарна: договор для Лолы наверняка предельно льготный, главные же взносы за аренду она отдает налом. В чей-то карман.

В конце концов сдался директор — переместил меня из нижнего корпуса в основной, на 7-й этаж. Здесь я тоже слышал по ночам до боли знакомое: "Как упоительны в России вечера!" Но ощущение было — из бочки выбрался.

А место мое там немедленно занял только что приехавший новичок.

"Комплекс жертвы"

На днях, уже в Москве, я встретил приятеля, удружившего мне ту, недешевую, кстати говоря, путевку. Он сообщил любопытную новость: директор этого санатория — как-то странно, вдруг — был уволен.

— А Лола? — спросил я.

— Все там же, — поморщился приятель, вспомнив, видимо, ее презрительно-насмешливый взгляд. — Говорят, она его и сняла благодаря своим связям. Жуткая особа!

"Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей..." Это я не о себе. Это я о Лоле, непобедимой владелице пляжного рестораничка.

Да и за что бы ей уважать людей, облеченных прокурорскими и прочими полномочиями, но не способных обуздать произвол

"настоящей хулиганки", ощутившей вдруг свою власть... А ведь именно на этих людей в синих мундирах — на "очи государевы"! — мы все еще надеемся, когда криминальная хроника бьет всех нас по мозгам очередным громким преступлением. Обнажая нашу незащищенность. Загоняя нас в "комплекс жертвы".

Ах, как сладко, как тупо, как нелепо множеству растерянных россиян мечтается в эти минуты о "сильной руке" и "железном порядке"!

"Пусти попариться!"

Как поставить на службу прогрессу бывший военный объект

Мы подъехали к объекту вечером, когда побагровевшее солнце касалось ближней лесопосадки, а в пересохшей от зноя траве усилился треск кузнечиков.

Захлопнув двери директорской "Волги", загнанной в ложбинку, заросшую лебедой по пояс (для маскировки, что ли? — подумал я), мы пешком поднялись на холм, увенчанный кучей грибообразной трубой, окрашенной в зеленый цвет. И, втянувшись в короткий, асфальтированный окоп, уперлись в дверь с пудовым навесным замком.

Директор заремел ключами, и дверь, открываясь, визгливо запела (она была цельнометаллической). Крутые ступени — вниз. Тусклая лампочка. Влажные бетонные стены. Небольшая площадка. И опять дверь, тоже металлическая, с круглой, как колесо, ручкой. Директор, крикнув, крутанул ее, надавил мощным плечом. Опять визгливая разногласица дверных петель, опять ступени, на этот раз куда-то влево, но лампочки тут поярче, и пятно света внизу. Разрастаясь, оно обретает черты просторного зала.

Деревянные диваны вдоль стен перемежаются шкафчиками. Полуотдернутые шторы на дверях справа приоткрывают еще одну залу — с длинным столом, цветастой скатертью, сверкающей посудой.

Но взораживает другая дверь — в нее упираешься взглядом, когдаходишь. Высокая, резная, она вся в цветных витражах, как жар-птица, да и распахивается на две половинки, будто два крыла. Там, за ней — заветное: парная и бассейн. Там вскоре зазвучат голоса, плеск и смех, радостные вопли и даже песни. А пока...

Нужные гости

Пока директор Василь Семеныч, молодой человек тридцати с небольшим лет, под два метра ростом, спортивно снимает штаны, стягивает рубашку, поторапливая и объясняя скороговоркой экскурсовода:

— ...Торчало это бомбоубежище — ни уму, ни сердцу. Думаем, а на кой, раз такое пошло с Америкой примирение? Решили баню сделать, год возились — сами! Для себя!

И уже голым, подойдя к резным дверям с витражами, нежно погладил растопыренной громадной пятерней:

— Моя работа. Посмотришь — дальше жить хочется.

Мы дружны с Семеничем уже несколько лет, и всякий раз, приезжая в Саратовскую область в командировку, я навещаю птицефабрику. Она в десяти километрах от города, к ее длинным корпусам каждый год что-то прибавляется — то новый цех, то какая-нибудь мастерская, а теперь вот — баня в бункере.

Здесь, в подземных хоромах, практичный Василий парит своих партнеров, добывая затем для фабрики корма и оборудование. Прослышало, конечно, про баню городское начальство. Наведалось. И пошло-поехало: как в городе нужный гость, звонят Семеничу: "Прими".

Недавно привезли американца, зовут Билл, специалист по газификации и электрификации крупных сельхозпредприятий — Василию он вроде ни к чему, фабрика у него работает как часы, по голландской технологии, оттуда и специалисты-наладчики приезжали, а с кормами Билл вряд ли поможет. Но зато может помочь тот, кто просил "принять".

Спускался американец по ступенькам осторожно, что-то сердито бормоча под нос (переводчик, студентского вида парень, шедший впереди, не мог разобрать), а увидев дверь с витражами, бассейн и накрытый стол, засмеялся. Приподнявшись на цыпочки, он, дотянувшись, хлопнул Василия по плечу, кивнул на бутылку: "Дринк?" И добавил по-русски: "Рашн баня — карош!"

И в самом деле — хороша баня!

...В парной Василий обычно забирался на самую высокую полку, где, казалось, можно было изжариться.

— Я привычный, — смеялся, — меня сейчас обстоятельства так жарят, как еще живой жоу, удивляюсь...

Вот одно из этих обстоятельств.

Киоск у развилки

Как-то вошел к нему в кабинет трое рослых парней и без приглашения сели. Василий тут же как бы нечаянно выложил на стол пистолет, но один из них примирительно сказал:

— Да мы к тебе за другим. У тебя, говорят, баня отличная. Пусти попариться.

Но потом выяснилось: не только за этим. Оказывается, узнали о нем все. Нет, они действительно не прочь были попариться в его замечательной бане, но, конечно же, главным было другое. И потому лежавший на столе директора пистолет вызвал у них улыбки. Они, видите ли, хотели дружить. Они знали: у него двое детей — девочка и мальчик. Хорошие детки, жалко, если с ними что-то случится. Им хотелось защитить его деток от злых людей. Мало того, готовы были защищать его жену, его дом, его фабрику и его самого, потому что умеют это.

Василий прикинул, что будет, если он выстрелит: пистолет был газовым. Допустим, ему удастся всех их парализовать, и он вызовет милицию. В их карманах не то что нагана, перочинного ножа не найдут. Их не за что будет сажать — они не дрались, не ломали мебель, не хулиганили. Они пришли "наниматься на работу". Такие вот вежливые головорезы.

И Василий, глядя на них, стал про себя высчитывать. Он спросил, какая им нужна сумма. Предложил: я вам на нее дам копченых кур и рулет, это деликатес, идет нарасхват. Вы продаете, получаете в три раза больше. Одну треть фабрике, две — вам.

Была пауза. Трое, набывшись, напряженно думали.

— Продавать будете здесь, у шоссе, поставим киоск. Можете прикупить импортное спиртное, чтобы эффектно выглядело...

Последнее их, кажется, dokonало.

Киоск появился у развилки шоссе уже через два дня. Василий убедил их все до мелочей оформить, "чтоб менты не придрались", и подписал с ними договор.

— Теперь у меня на службе три бандита, — смеялся Василий, ворочаясь на верхней полке и медленно с головы до пят баг-

рочья, — делают две работы сразу: охраняют фабрику и реализуют продукцию.

В бассейне он, после шумного плеска и воплей восторга, ложился на спину и, отплываясь от затекавшей в рот воды, продолжал:

— Эти ребята страшны только в темном подъезде. А вот пострашнее их у вас там, в Москве сидят главные госрестортеры...

— Ну, давай назад повернем — жить будем, как раньше, — предлагал я ему, это был мой испытанный демагогический аргумент.

Но назад он не хотел категорически.

Пережитки социализма

Он успел попробовать то, что называлось "командной системой", когда был молодым специалистом: перед праздниками его, начинающего зоотехника, сажали в микроавтобус, и он развозил по квартирам партхозэлиты дефицит. Элегантно упакованный. Увесистый. Вкусно пахнущий. Причем — "за так". Правда, на свертках стоял номер фабрики, чтоб запомнился. Чтоб на партхозактиве, если кто-то вдруг — с критикой, тут же началось бы у начальства слюноотделение.

И врать приходилось — жутко вспомнить: заходит к нему, зоотехнику, как-то молодая начальница цеха, празднично сияет, докладывая — перевыполнение по яйцу в этом месяце! Сует ему отчетную бумажку, а он шипит:

— С ума сошла? Я внесу эту цифру в отчет, нам через месяц ее, удвоенную, спустят из управления как план. Поняла, дурья башка? Уполовину!

И она уполовинила.

А однажды, когда шла кампания по припискам, на них натравили инспектора — старлей из БХСС. Тот, ходивший на фабрику недели две, как-то дотошно пересчитал в одной клетке цыплят и, старательно умножив на число клеток, ахнул: поголовье было чуть ли не вдвое больше, чем по бумагам.

— Да ведь это с расчетом на падеж, — объясняли ему, — болезни цыплят косят.

Но твердокаменный старлей, запломбировав клетки, пообещал утром комиссию, чтоб акт был по всей форме (все уже знали, что он рвется в капитаны и от своего не отступит). А утром комиссия обнаружила в клетках груды передохших цыплят... То ли корма оказались некачественными, то ли, как в том цехе шутили, старлей (так, впрочем, и остав-

шийся без капитанской звездочки), болезнь какую-то занес.

Параллельный учет и сбыт — дело для них, как, впрочем, и для других птицефабрик (а Василий работал на многих), дело обычное. И — гнусное. Для высшего начальства весьма удобное, потому что посадить неугодного "за злоупотребление" ничего не стоило.

Сейчас, вроде бы, все по-честному, а платить рабочим не из чего. Нет денег! Планируешь одну себестоимость, а тут — бац! — выросли цены на энергоносители, яйцо дорожает, его не берут, фабрика в прогаре... Закрывать? Негоже. Надо выходить из положения. Как?.. Ну, во-первых, бартером, объясняет Василий. Тем же владельцам электроэнергии нужны яйца, куры и деликатесный рулет. Для этого, чтоб фабрика и специализирована на производство яйца, выстроил цех, где растит, забивает и коптит кур, и другой — где запустил линию по производству рулета. И магазин в городе свой открыл. А уже из этих вырученных денег платит рабочим.

Сколько? Смеется. Пережитки социализма мешают ему точно подсчитать... Почему? Да воруют!.. Как?.. Уносят с работы "на себе". Женщины специальные полясы шьют с ячейками для яиц, с карманами для куриных тушек. Он, директор, пытается это легализовать: берите, но — на семью, не больше! Кто больше, с того — штраф!

После третьего штрафа "несун" пишет заявление об увольнении по собственному желанию, но число не ставит — эту бумажку кладут в красную папку. Попался в четвертый раз, ставят число и — привет горячий. Куда уходят? В "челноки" большей частью: закупают в Москве или за границей импорт и здесь, в провинции, реализуют. Заметил, сколько прибавилось магазинчиков на центральных улицах?

"У них своя свадьба"

Я заметил. И не только это.

...Наша машина в летний полдень попала в пробку: ее образовали "жигуленок" и потрепанный "вольво" — водители остановились поболтать. Обоим лет по 19-20. Оба стрижены наголо — мода, означающая, что владелец безволосой головы скорее всего охранник магазинчика (а может — хозяин), и в кармане у него много кое-чего имеется. Один из них стоял, опершись на открытую дверцу, курил, второй, высунувшись из

"вольво", рассказывал, а орава спешащих машин смирно (ни единого сигнала!) ждала. Наконец, стриженные распрощались, поток машин сдвинулся, и сидевший за рулем человек (а ехал я, между прочим, в милицеевской машине) объяснил: "У них пачки долларов в карманах, гаишник подъедет, ему зеленые в зубы и — вперед".

— То, что эти стриженные поделили горю, — сказал мне Василий, — даже то, что время от времени постреливают друг в друга, не так страшно. Другое страшнее: они покупают местных политиков. И срамливают их.

Мы вышли с ним передохнуть, накинув простыни, и Василий снова погладил пятерней цветную, из витражей, дверь:

— Эх, хорошо! Если спорю на этой работе, буду такие же двери делать, фабрику открое!

— А может, в политики пойдешь?

— Да ни за что! Звали ведь, ночь не спал, прикидывал. И — не пошел.

Вспомнил: тот, что звал, парился здесь. Казалось бы, забудь мирские тревоги, насладись. Нет. Долдонил о своих врагах-соперниках. Грозил им карами, когда обретет большую власть. Обещал подключить органы, пусть проверят, с какими авторитетами уголовного мира дружат водят и на чьи деньги предвыборную кампанию в области ладят. И все — с таким ожесточением!

— Плохо ты его парил!

— Ему без пользы. Он злобой насквозь пропитался. И — завистью. Там у них все или, скажем, почти все берут. Точнее, они получают так называемые подъемные от разных группировок, чтобы их интересы в областном уровне отстаивать. И вот каждый боится прогадать: а вдруг не на ту поставил? Вдруг другая богаче и подъемные у нее пожирнее?! Вот и мучаются, ночи не спят.

— Разоблачения боятся?

— У них джентльменское соглашение: без публичных свар, хотя у каждого друг на друга, как когда-то у Руцкого, по пятнадцать чемованов компромата. Но как-то тут у нас случилось: в областной газете критическая заметка прошла, а в ней — имя. Да с намеком. Может, это случайно, а может нет. Тут же в другой газете — статья, а в ней — другое имя. Оба соперники. Ну и началось... Выступления по ТВ, иски в суд за оскорбление... В общем, у них своя свадьба.

...Была ночь, когда мы, петляя меж корпусов птицефабрики, выехали на дорогу. За рулем сидел Василий. На шоссе, набрав скорость, он включил негромкую музыку, потом, щелкнув дверцей "бардачка", извлек оттуда все тот же газовый пистолет и аккуратно положил его в выемку между своим и моим сиденьями.

— Зачем? — спросил я. — Тебя же здесь и те, и другие знают.

— На всякий случай, — ответил он, не сводя глаз с ухабистой дороги, освещенной прыгающим светом фар.

Рука дрогнула

Как-то у Бердяева наткнулся на мысль — об ужасе одиночества человека, угодившего в самую сердцевину кризиса гуманизма.

Не от этого ли ужаса наша тайная, задвленная страхами, жажда общения, которая в бане, под "дринк", прорывается так необузданно? И — стремление находить друг в друге похожее? Василий, рассказывая мне про американца Билла, обронил с простодушным удивлением: "Знаешь, он такой же заводной, как я..."

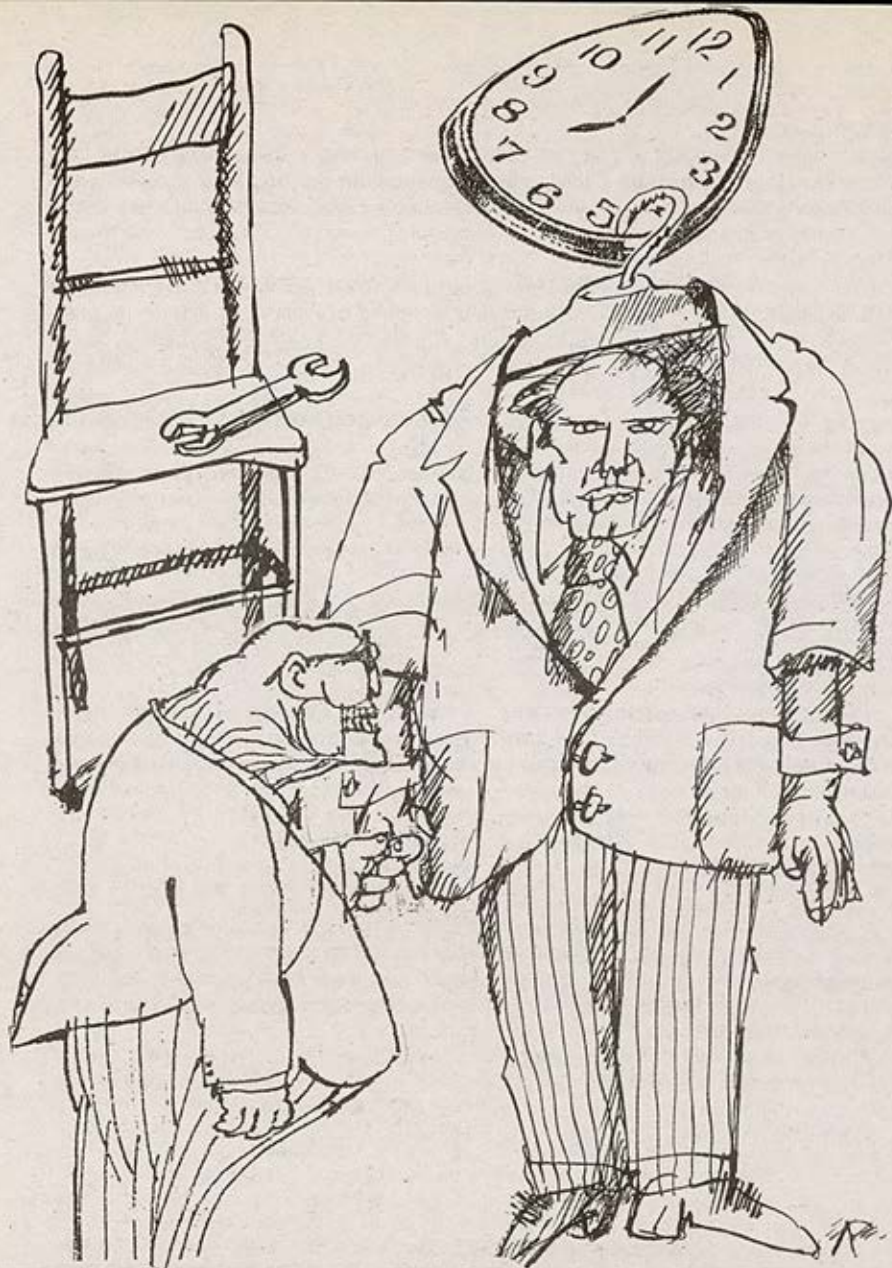
После той командировки, месяц спустя, звоню ему. Рассказывает: соперничество двух провинциальных политиков закончилось смертью одного из них: в своем гараже он выстрелил себе в живот из охотничьего ружья... Мучительная смерть!.. Хотел в грудь, да рука дрогнула... Говорят, у него не было выбора: соперник предьявил на него органы уголовного компромата.

И опять — у Бердяева: "...Труден и трагичен путь свободы, потому что поистине нет ничего ответственнее и ничего более героического и страдальческого, чем путь свободы".

На этом ли пути мы сейчас? И не столкнут ли нас с него диковатые рыночные отношения, регулируемые не законом, а пулей и взяткой? Успеет ли сформироваться общественное правосознание прежде, чем вертикаль власти вновь по инерции обретет характер тотального принуждения, хорошо знакомого России по недавним временам?

Так разыгрывается драма истории, утверждает Бердяев, "с ее постоянной борьбой начала свободы и начала принуждения и постоянным переходом от одного начала к другому".

Осталось только угадать, к какому началу нас качнет в ближайшее время.

трехгрошовый

В гору Матвей пошел на бельмах, а окончательно поднялся на фальшивых протезах.

В то незапамятное время, когда еще ездил в метро, увидел он как-то в вагоне слепого, просившего подавание. Москвичи игнорировали попрошайку с ожесточенным безразличием — слишком уж неубедительно он выглядел. А если кто и совал милостыню, то лишь простодушные приезжие.

Вот тут-то Матвея и осенило.

Изготовить у себя на кухне опытные образцы контактных линз с выразительными бельмами было для него делом плевым. Труднее оказалось выйти на заказчика, который приобрел бы большую партию. Однако Матвею все же удалось найти нужных людей. А кроме контейнера с линзами он принес им революционную идею. Испокон веков люди зарабатывали деньги, вызывая жалость поддельными увечьями. Матвей предложил внести в древнее ремесло современные материалы и технологии.

— Фуфло! — усомнился главный из нужных людей, которого все остальные почтительно именовали Касьяном. — Зачем тратить бабки зря? Я за пять минут простым ножом изготовлю сотню любых уродов.

“Сразу видно дилетанта, — подумал Матвей. — Да никто ни копейки не подаст твоим самопальным уродам”.

Однако он помнил, с кем разговаривает, а потому ответил дипломатично:

— Вы правы... Но это, увы, вчерашний день. Выгоден ли экономически работник-инвалид в новых условиях? Велика его производительность?

Нужные люди переглянулись.

— А вот здоровый и крепкий мужик, — продолжал Матвей, — отстоит в переходе и две-три смены подряд... Все затраты на его подготовку окупятся за неделю. Я провел небольшое социологическое исследование. Статистика показывает, что милостыню подает в среднем каждый сотый из протекающего мимо человекопотока. Это недопустимо мало. Зададимся вопросом — почему?

— Кончай с загадками, — прервал его Касьян. — Излагай.

— Дело в том, что на ваш бизнес... — Матвей замялся, а потом закончил твердо: — ...надеюсь, на наш с вами бизнес оказывают губительное влияние средства массовой информации. Наш потенциальный спонсор, то есть рядовой гражданин, видит по телевидению такое море насильственных смертей, жертв катастроф, землетрясений, войн и так далее, что полностью притерпелся к чужому страданию. Он выработал у себя психологическую защиту и равнодушно проходит мимо слепых, хромых, безруких...

— Ясно, — буркнул Касьян. — Говори короче.

— Пробрить этот защитный барьер способно только искусство. Вспомните, как тот же равнодушный прохожий щедро платит уличным музыкантам.

— Предлагаешь играть на гармошке в переходах? — иронически спросил кто-то из “нужных”.

— Необходимо поднять наш бизнес до уровня художественного творчества, — убежденно продолжал Матвей. — Не впечатляют естественные увечья? Ну что ж! Мы предложим потребителю такой продукт, который

Владимир МЕДВЕДЕВ

рассказ

разбудит его воображение, вызовет ужас, удивление, сострадание и в итоге — катарсис!

Касьян хмыкнул. Вряд ли он читал Аристотеля, но суть понял верно. Катарсис — это башли.

Через полгода Матвей стал богатым человеком и хозяином процветающей фирмы "ББ". Никто, кроме него, не знал, что обозначают эти буквы. А секрет прост — Бертольд Брехт. Имя пришло на ум Матвею не случайно. Его новая профессия продолжала традицию, описанную знаменитым драматургом. "ББ" разрабатывала и изготавливала приспособления, которые придавали здоровому человеку вид безногого или безрукого инвалида. Такого хоть на комиссию посылай. И активную жалость он вызывал безотказно. Ложные протезы выглядели весьма впечатляюще. Фирма работала под девизом "Экспрессия, экспрессия и еще раз экспрессия".

Изделия шли с конвейера и пользовались большим спросом. Фирма имела свой заводик и конструкторское бюро. Продукция расходилась по всей России, а недавно Матвей понял: пора выходить на международный рынок. Однако прежде, чем дать задание отделу маркетинга, нужно спросить разрешение у Касьяна (кстати, Матвей до сих пор не знал, это его имя или кликуха). Являться на аудиенцию к влиятельному авторитету с такими пустяками — бестактно. Потому Матвей взялся за телефон.

— Хорошо, что позвонил, — сказал Касьян. — Ты мне нужен.

— Всегда рад.

— К тебе придет человек. Обслужи его. Учти, это свой человек. И очень важный.

— Какие проблемы, все сделаем, — вежливо отреагировал Матвей. — А мне надо с вами посоветоваться. Я тут задумал...

— Потом. Сейчас недосуг.

Увы, сильным мира сего всегда не до нас.

Важный человек явился через полчаса. Это был элегантнейший господин в весьма примечательном дорогом костюме и с непримечательным лицом.

Посетитель представился Ивановым.

— Мне рекомендовали вас как уникального специалиста, — сказал он.

— Неловко себя рекламировать, но мы действительно работаем в особой области, — скромно отозвался Матвей.

— Мне и нужно нечто особое. Вот в этом роде... — Иванов достал из роскошного бумажника свернутый листок и положил на стол.

Матвей развернул бумажку. На ней черным фломастером была грубо намалевана нога какого-то парнокопытного животного.

— Хм, действительно, необычный заказ, — озадаченно вымолвил Матвей. — Вы хотите, чтобы я изготовил протез для... коровы?

— Отнюдь, — возразил Иванов. — Протез нужен мне.

Матвей невольно взглянул под стол. Заказчик и в кабинет вошел легкой, непринужденной походкой, и сейчас сидел, небрежно закинув ногу на ногу.

— Понимаю, — протянул Матвей. — Вам требуется фальшивый...

— Отнюдь, — сказал Иванов. — Самый настоящий, рабочий. — Он задрал левую штанину. В просвете между черным носком и брючиной светилась неестественно гладкая и розовая пластиковая голень. — Временный. — Иванов постучал по протезу. — А вам я заказываю постоянный и, что самое главное, — полностью имитирующий мою естественную конечность.

Матвей быстро глянул на клиента — уместно ли будет деликатно улыбнуться? — но Иванов строго смотрел на него в упор. Он не шутил.

— Да-да, понимаю... — пробормотал Матвей, хотя ничего не понимал.

Должно быть, важный господин желает сыграть роль Вельзевула на костюмированном вечере... Больше ничего в голову не приходило.

— Это всего лишь эскиз, — Иванов кивнул на рисунок. — Как устроено копыто, как лежит шерсть и все прочее, изучите сами. В зоологическом музее или где-нибудь в деревне. Я хочу получить абсолютно аутентичную копию.

— Да, но предстоит еще решить вопрос о креплении. Необходимо осмотреть и обмерить вашу... — Матвей замялся.

— Культю? — усмехнулся Иванов. — Извольте.

Он встал и начал расстегивать ремень. Матвей тактично потупился, а когда поднял взгляд, клиент уже скинул брюки и остался в алых плавках, которые просвечивали сквозь подол тончайшей рубахи, свисающей из-под пиджака. Протез он отстегнул, бросил на пол и твердо стоял на одной ноге, как аист. Культя оказалась совсем короткой — всего лишь половина бедра.

Матвей уставился на обрубок, как замороженный. Увечий он и повидал, и сконструировал немало. Поразила его не сама культяшка, а то, как густо она поросла жестким темным волосом. Словно не человеческое бедро, а ляжка животного. На правой же, целой, ноге растительность ничем не отличалась от оволосения обычного среднего мужчины.

— Еще одно важное условие, — продолжал Иванов. — Окрас шерсти на бедре и протезе должен в точности совпадать.

— Да-да, разумеется, — пробормотал Матвей, прикидывая, как бы исхитриться, чтобы попасть в цвет.

— Возьмите образец, — спокойно посоветовал заказчик.

Матвей сделал все необходимые измерения.

— Об оплате поговорим после выполнения заказа. — Иванов распрощался и ушел.

Едва за ним закрылась дверь, как запиликал мобильник, номер которого знали только свои. Особый телефон для частных зашифрованных разговоров.

— Был? — спросил Касьян.

— Приходил.

Матвею до смерти хотелось выспросить, кто таков странный клиент. Но общение с опасными партнерами давно приучило его держать язык за зубами. Иное дело — Касьян. Тот мог позволить себе любопытство.

— Что ты у него попросил? — спросил он. — Или это секрет?

— А чего таить-то? — удивился Матвей. — Я из единичных заказов коммерческой тайны не делаю. Ребята из техотдела составят калькуляцию. Ну, набросим еще тысонку-другую зеленых.

— Калькуляцию?! — взревел Касьян. — Да ты рехнулся! Требуй у него, чего хочешь.

— То есть как это? В смысле, любую сумму?

— Я сказал: не сколько хочешь, а все, что хочешь. Ты меня понял?

— Нет, — почти прошептал Матвей.

— Больше ничего говорить не стану, — отрезал Касьян. — Думай сам. Но только помни: можно запрашивать все! Пока. — И отключился.

Будь это не Касьян, а кто-нибудь другой, Матвей и голову бы ломать не стал. Он человек рациональный, скептический, и его не проймешь копытом да обещанием исполнить все. Но в том-то и состоит истинная рациональность, что не отме-

тает никаких возможностей, даже самых невероятных. А слово пахана как бы ставило визу на невероятной возможности. Матвей много слышал о том, что в среде, где живет, движется и существует Касьян, принято "отвечать за базар" и строго спрашивать с других за каждое слово. Эта привычка въедается в плоть и кровь. Да и не тот Касьян человек, чтобы в игры играть.

Предположим, пахану что-то известно и его намеки, пусть даже на десять процентов, имеют под собой основание. Тогда надо быть последним идиотом, чтобы к ним не прислушаться и упустить фантастический случай. Ну, в худшем случае, пожмет Иванов плечами и примет Матвея за сумасшедшего. Только-то и всего.

Беда — в другом. Сложным оказалось найти заветную мечту. Ничего не надумав, Матвей решил посоветоваться с женой.

— Тебя одолевает комплекс бедняка, — вздохнула жена, почитывавшая психологические статьи в женских журналах. — Извини, Мотя, но человек с таким комплексом просто не в силах вообразить, что еще можно пожелать сверх его скромных потребностей. Ну, попроси хотя бы личный остров в Карибском море...

— И что я буду с ним делать? Одна морока. А на Карибы мы и так ездим, когда захотим.

— Господи, Мотя, да встряхнись же! Такой случай! Мало ли чего можно попросить. Богатства, славы, власти...

— ...женщин, — продолжил Матвей.

Жена поджала губы, но промолчала.

— Что же ты? Перечисляй дальше.

— Ну, я не знаю, — пожалла плечами жена. — И то тебе не так, и это...

— Денег нам хватает, — подвел итог Матвей. — Слава мне ни к чему. Власть? Я и с тобой-то не всякий раз могу управиться... А насчет женщин мы уже выяснили. К стати, а ты сама что загадала бы?

Жена задумалась.

— Знаешь, — произнесла она наконец, — я по-настоящему хочу только одного: чтобы ты любил меня всегда.

— Тут Иванова не надо, — усмехнулся Матвей и обнял ее.

"Неужели я настолько убог, что и возмечтать ни о чем стоящем не могу? — думал он, ласково поглаживая жену. — Или наоборот: настолько богат (духовно, конечно, духовно!), что и добавлять-то нечего?"

— Мотя, а почему мы все о себе да о себе? — спросила вдруг жена.

Она попала в самую точку. Матвея порой терзал вопрос: не занимается ли он недостойным делом? И он честно отвечал себе: "Да. Я обманываю людей и обслуживаю криминальный мир, если взглянуть на дело с субъективной точки зрения... Однако будем объективны. И тогда обнаружится, что я выполняю важную общественную задачу. Я улучшаю и смягчаю современные нравы. Моя продукция делает людей отзывчивее, милосерднее, щедрее..."

"И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые протезом пробуждал", — любил в шутку говаривать Матвей. Впрочем, может, и не в шутку. Иногда этого утешения оказывалось маловато. Как и всякий успешный русский промышленник, Матвей испытывал потребность загладить свои грехи. А тут невесть откуды выскочил Иванов, а с ним и возможность построить храм — в метафорическом, конечно, смысле. Осталось лишь решить, какой именно храм.

Проходили дни, полным ходом шла работа над химерическим протезом, а Матвей все раздумывал, чем облагодетельствовать ближних.

Иванов явился в назначенное время, секунда в секунду. Войдя в кабинет и сухо поклонившись, он прошел прямо к столу, на котором лежал готовый протез, глянул на него и поставил рядом принесенный с собой небольшой портфель:

— Начнем с вопроса об оплате, чтобы впредь не было недоразумений.

— А не стоит ли сначала примерить... — заикнулся было Матвей.

— Поверьте, я способен определить качество на глаз, — улыбнулся Иванов. — Итак, слово за вами. Вас, вероятно, предупредили, что вы вольны сами назначить цену.

Матвей напрягся. Он словно глядел на себя со стороны и заранее страдал от нелепости ситуации, в которую сейчас попадет.

— Я хочу, — начал он торжественно, — я хочу, чтобы все люди стали счастливыми. Чтобы больше никогда не было войн. Чтобы отныне ни один человек на земле не страдал от голода, от болезней...

— Стоп, стоп, стоп, — перебил его Иванов. — Боюсь, вы заламываете цену, несоизмерную объему выполненной вами работы. Вы же деловой человек, подумайте сами... Сопоставьте стоимость одного протеза, пусть даже отличного, и те ресурсы, которые мне пришлось бы задействовать для выполнения вашего желания. Хотя дело не в цене и не в ресурсах, а в принципе. Вы можете просить исключительно для себя, а не для других. Только сугубо личное.

Матвей почесал в затылке. Личного-то он так и не заготовил.

— Решайте побыстрее. Или все же предпочитаете получить наличными? — Иванов потянулся за бумажником.

— Нет, нет! — закричал Матвей. — Одну минутку. Я сейчас...

— Ну, ладно, думайте, — согласился Иванов. — А я тем временем опробую ваше изделие.

Он потянул zipper на брюках, а Матвей задумался. Неужели так и не сыщется никакого желания? Что-то смутное стало всплывать в его памяти, какая-то затаянная, полузабытая детская греза. Она трепетала на самой границе сознания, и ее никак не удавалось ухватить. Еще чуть-чуть и... Отвлек Матвея от мыслей стук.

Это Иванов отбросил на пол временный протез. Он стоял без штанов и тербил культю. Раздался треск, как будто расклеивалась застежка на липучках, и вдруг откуда-то из-под поросшей шерстью ляжки вывернулась... нога. Нормальная человеческая нога! Нормальных размеров, нормального вида — ну разве что волосы на ней были чуть погуще, чем на правой. Иванов прочно стоял на "своих двоих" и снисходительно ухмылялся, глядя на Матвея.

"Гипноз?" — первая версия, которую выдал упакованный в череп Матвея сверхмощный процессор под названием мозг.

Матвей ущипнул себя, и процессор тут же переключился на разработку другой версии. "Живая нога, которая была загнута особым образом и упрятана под культяпку, как под чехол".

Матвей покачал головой. Объем у культы маловат, да и с суставами неувязка.

А процессор уже отработывал новый вариант. "Протез в виде упрятанной в культяшку тонкой оболочки, которая мгновенно раздувается наполнителем из ампулы, наподобие спасательного жилета".

Вот это не лишено смысла. Стоит проверить.

Матвей позабыл про приличия и потянулся к загадочной ноге.

— Вы позволите?

— Нет проблем, — кивнул Иванов.

Нога оказалась плотной, упругой и теплой. Матвей готов был душу заложить, что щупает живое тело. Однако это ровным счетом ничего не означало. Современные материалы позволяют имитировать все, что угодно.

— Если желаете, можете даже уколоть, — предложил Иванов, который, видимо, наслаждался ситуацией и играл с Матвеем, как черт с младенцем. — Он вынул из кармана стеклянную пробирку, отвинтил пробку и вытряхнул на ладонь длинную золотую иглу, точнее, булаву с черной жемчужиной на конце. — Прошу... Совершенно стерильная.

“Мне-то что? Это тебе надо беспокоиться, — подумал Матвей. — Интересно, кстати, зачем он таскает с собой такую штуковину?”

— Ну-ну, смелее...

— Извините, — прошептал Матвей и всадил иглу в мускулистую икру.

— Ой! — вскрикнул Иванов, правда, как-то очень ненатурально.

Из-под острия выступила алая капля.

— Отдадите кровь на анализ? — иронически осведомился Иванов, убирая булаву в пробирку.

Матвей пожал плечами. Кровь тоже ни о чем не говорила. Если бы он сам замыслил мистификацию, то непременно заложил бы под покрытие протеза тонкий слой, заполненный густой красной жидкостью. При необходимости — даже настоящей кровью с консервантом.

— В конце концов, абсолютно не важно, живая это нога или протез, — сказал Иванов. — Главное в другом. Скажите, вам под силу соорудить нечто подобное?

— Нет, — честно признался Матвей. — Я даже не вполне понимаю, как вы все это устроили.

— В том-то и весь фокус, — усмехнулся Иванов. — Видите ли, мы с вами — коллеги. Вообще-то, я специалист широкого профиля, но, в частности, занимаюсь и системным протезированием. На днях имел контакт с вашими заказчиками и продемонстрировал им некоторые из разработанных мной приспособлений. Они сочли, что мои образцы по цене и качеству превосходят ваши на несколько порядков. Да вы и сами только что убедились. Говоря короче, заказчики решили разорвать с вами отношения и передать все ваши контракты мне.

— Как это, разорвать?! — воскликнул Матвей. — У меня производство на полную мощность работает! Я сырье и материалы на целый год закупил. Я смежников подпisał... Разве можно так разрывать? А неустойки?!

Он осекся, вспомнив, с кем ведет дела. Его заказчики выплачивали неустойки пулей в подъезде или взрывчаткой под днищем автомобиля.

— Ну а что касается сего артефакта, — Иванов глянул на протез с коровьим копытом, — то это всего лишь розыгрыш. Маленькая дружеская шутка. Не обижайтесь. Мне хотелось посмотреть, каков вы в деле...

Не говоря ни слова, Матвей взял телефон и набрал номер Касьяна.

— Видите ли, этот господин...

— Он уже тебе сказал? — прервал его Касьян. — Вот так-то. Ничего не поделаешь, дружок. Бизнес есть бизнес.

— Касьян! А как же понятия?!

— Понятия? Дам тебе последний совет, — медленно проговорил Касьян. — Забудь мой номер. Ты понял? Забудь. Не вспоминай даже во сне. Спокойней будет. И безопасней. Прощай.

Это был полный крах. Без централизованного заказчика “ББ” рухнет в один момент. Что делать? Искать иные каналы сбыта? Касьян-монополист не позволит

и строго накажет (как именно — о том лучше не думать). Где же выход? Перестроиться на изготовление настоящих ортопедических аппаратов? Одна мысль об этом вызывала тоску. Нет, уж лучше надеть фальшивый протез и побираться в подземном переходе.

Матвей обернулся к Иванову. Тот сидел в кресле и возился со своей левой конечностью. За телефонным разговором Матвей не успел углядеть, куда девалась нога, и каким образом вместо бедра у Иванова опять появился поросший коровьей шерстью обрубок.

Иванов взял со стола Матвеев протез и ловко приладил к культяшке. Матвей машинально отметил, что с цветом — полный порядок. Со стороны нельзя было установить, где кончается бедро и начинается искусственная нога. Видно, Иванов тоже остался доволен. Он даже притопнул копытом.

— Отличная работа. Как раз в пору. Нигде не жмет. А конструкция коленного сустава просто великолепна. Могу заверить как специалист.

“Коли ты такой мастак, чего же ты сам себе ногу-то не сделал? И зачем тебе коровья, если есть живая?” — угрюмо подумал Матвей.

Иванов сделал для пробы несколько танцевальных па по кабинету. Не будь Матвей так расстроен, он наверняка внутренне посмеялся бы над его нелепым видом. Однако сейчас вальсирующий джентльмен в строгом пиджаке и галстуке, но без штанов и с коровьей ногой казался ему зловещим.

Иванов вернулся к столу и натянул на себя брюки.

— Превосходно. А теперь вернемся к обсуждению оплаты.

Матвей только рукой махнул. Какая к черту оплата, когда у него только что бессовестно отняли дело, в которое он вложил столько труда и ума и с которым связывал все свои планы и надежды на будущее.

— Не спешите, — сказал Иванов. — Я хочу сделать предложение, от которого вы не сумеете отказать.

“Ну что еще? Выброситься из окна? Или отдать еще и жену?”

— Вы, разумеется, представляете, насколько для художника утомительно заниматься производственной рутинной, — продолжал Иванов. — Я решил полностью предоставить ее вам.

— Мне?!

— Именно. Предлагаю равноправное партнерство. Будем владеть фирмой “ББ” сообща. На мне — творческое и идейное руководство, на вас — все остальное: заказчики, цеха, бухгалтерия и тому подобное. Доходы честно делим поровну.

Матвей только глазами хлопал.

— Мы поднимем дело на принципиально новую высоту. Полностью меняется сама идеология бизнеса. Замещающее протезирование вместо имитационного, которым вы занимались прежде.

— Замещающее?

— Да, протезы делаются из биосинтетических материалов и со временем полностью срастаются с телом носителя. По сути это имплантанты. Они дадут нам возможность создавать подлинно художественные уродства, на которые неспособны ни грубая природа, ни ваши грубые подделки. Уродства, сконструированные с учетом психологии, настолько впечатляющие, что руки прохожих сами потянутся к карману за подаянием. — Иванов увлекся и говорил с подлинным вдохновением.

— Но ведь придется калечить здоровых людей, — возразил Матвей.

— Глупости! Смотрите на проблему шире. Это всего лишь профессиональная подготовка. Любому работнику требуются качества, которых нет у большинства людей и которые необходимы в его узкой специальности.

— Понимаю, — хмыкнул Матвей. — У землекопа — мышцы, у математика — мозги...

— Мы просто шагнем несколько дальше, — подхватил Иванов. — Хотя, разумеется, наши модифицированные калеки уже не смогут сменить специальность, даже если захотят. Но ведь они и не захотят. В профессиональные нищие идут люди определенного рода.

— Предположим. Но мои протезы можно передать другому, можно хранить, можно...

— Как вы отстали от времени, — вздохнул Иванов. — В наши дни экономически выгоднее выбрасывать, чем хранить. Вы покупаете товар, используете его, а затем пускаете в утиль. Бумажные салфетки, шариковые авторучки, одноразовая посуда, фотокамеры-мыльницы... Я проектирую одноразовые протезы для одноразовых работников. Вот новая идеология нашего с вами бизнеса.

— Бездуховная идеология, уж простите меня.

— Ах так? А вы когда-нибудь задумывались об охране природы? — спросил Иванов. — Представьте себе, что станет с планетой через пару столетий. При ваших темпах производства она окажется вся завалена негниющими пластиковыми протезами. А мои изделия экологичны — после смерти носителя разлагаются вместе с ним.

— В таком случае, не проще ли делать пластические операции? — не унимался Матвей, вспомнив Касьяна с его ножом.

Иванов посмотрел на него как на несмышлениша.

— У каждого свой бизнес. Выращивание хлопка не отменяет производства химических волокон. Пусть хирурги сами о себе заботятся. Еще вопросы?

Больше вопросов у Матвея на нашлось. Кроме одного. Главного. Заданного себе самому. Слов нет, Иванов предлагает выход из тупика. Но согласен ли Матвей плодить калек? Одно дело — мастерить бутафорию, от которой никому нет ущерба. Приходится, конечно, якшаться с Касьяном... Но Касьяны всегда эксплуатировали и будут эксплуатировать убогих — с Матвеем ли, без него, — и с этим ничего не поделаешь. Зато с эргонометричными протезами фирмы "ББ" мнимым инвалидам работать намного удобнее и легче. И милостыню всяк дает добровольно... К тому же, в работе "ББ", предприятия в брехтовском духе, есть элемент игры, абсурда, артистизма, причудливой шутки... Предложение Иванова — это конец шуткам. Ты просто заделываешься компрачкосом, и никаких Брехтов.

— Нет, — твердо проговорил Матвей.

— Что значит, нет? — сощурился Иванов.

— Это значит...

И тут в голове Матвея, словно молния, промелькнула мысль. Черт побери! Если к живому телу прирастает искусственная культяшка, значит, и к реальной культе можно прирастить биосинтетическую ногу или руку. Подлинный переворот в протезировании!

Он чуть было не выкрикнул эту мысль вслух. И, слава Богу, сумел удержаться. Неизвестно, что у Иванова на уме. Нет, разумнее промолчать, а потом, втайне от партнера, наладить цех по изготовлению истинно замещающих протезов. Выходит, все же удастся осчастливить если не все человечество, то хотя бы увечную его часть.

— ...это значит, что хлопок не отменяет нейлона, — закончил Матвей. — Разумеется, я принимаю ваше предложение.

— Ничуть не сомневался. У вас будет полная свобода действий. Мы вряд ли еще увидимся. Я уезжаю... ну скажем так: очень далеко, неважно куда... и остав-

ляю номер счета, по которому вы будете регулярно перечислять мою долю. Отчеты о ходе дел — по электронной почте. Адрес сообщу. Главное, ни на йоту не уклоняйтесь от нового направления в работе. Буду внимательно следить... — Он достал пачку бумаг из кейса, стоящего на столе. — Вот, пожалуй, и все. Осталось подписать договор.

Матвей внимательно изучил соглашение. Оно было составлено просто и ясно. Никаких сомнительных условий, оговорок или приписок мелким шрифтом. Все изложено именно так, как говорил Иванов: полное равноправие, доходы — пополам.

— Чертежи и технологическая документация на новые образцы — в портфеле, — объяснил Иванов. — Разберетесь сами. Там все подробно описано... Ну, чего же вы ждете?

Его подпись уже стояла во всех нужных местах. Все еще подозревая какой-нибудь подвох или фокус, Матвей взялся за перо, а, закончив расписываться, вопрошительно посмотрел на новообращенного партнера:

— И все? Душу не потребуете?

— Зачем мне ваша душа? — скривился Иванов. — Вы лучше деньги шлите исправно. Впрочем, буду контролировать. Ну, а засим позвольте отбыть.

Он небрежно свернул свои копии договора, сунул их в карман и двинулся к выходу все тем же вальсирующим манером, шаркающая изготовленным Матвеем копытом. Взявшись за дверную ручку, обернулся:

— Как видите, я сдержал обещание. Выполнил самое заветное ваше желание. Так ведь?

Матвей не нашелся, что сказать, и растерянно кивнул. Конечно, ему всего лишь вернули его собственное, кровное. Но еще пять минут назад он мог об этом только мечтать. Безнадежно грезить. Выходит, и впрямь исполнилась его мечта?..

Иванов открыл дверь и исчез.

Матвей плюхнулся в кресло и стал яростно тереть руками уши, чтобы придти в себя. Голова у него шла кругом. Что это было такое? И кто это был? Чудо-ортопед, протезист двадцать первого века? Ловкий кидала, мошенник-фокусник? Или же и вправду...

С огорчением Матвей признал, что смекалка, которой он так гордился, подвела его в неподходящую минуту. "Ну что же ты, технический гений, не удумал, как узнать, что за птица этот маскарадный дьявол? — упрекал он себя. — Ну хоть взял бы на худой конец в соседней церкви святой водицы..."

Конечно, он насмеялся над собой. Ни в какую святую воду Матвей (два диплома о высшем образовании и с десяток сертификатов об прохождении всевозможных курсов) не верил. А почему, собственно? Если он готов допустить в качестве дикой гипотезы, что повстречался с дьяволом, то автоматически обязан признать также возможность бытия Божьего. Логика, на то она и логика. Минус немислим без плюса, плюс — без минуса. Тогда и влага, "заряженная" в храме, должна обладать особыми положительными свойствами. И "отрицательный" дьявол будет на эти свойства реагировать...

Все так. Однако критический Матвеев разум, найдя убедительную систему проверки, тут же подверг ее сомнению. Что, если за многие тысячелетия дьявол сумел адаптироваться к святой воде, как таракан к дусту, и нынче она не причиняет ему ни малейшего вреда? Может быть, он даже пьет ее по утрам для укрепления здоровья. Так что и тест с водой ничего бы не доказал.

Но попробовать все же стоило.

А то жди теперь, не сломает ли Иванов другую ногу.

Со второго полугодия 2004 года Вы можете оформить подписку через отделения Сбербанка РФ.

Для оформления подписки в приведенном подписном купоне необходимо:

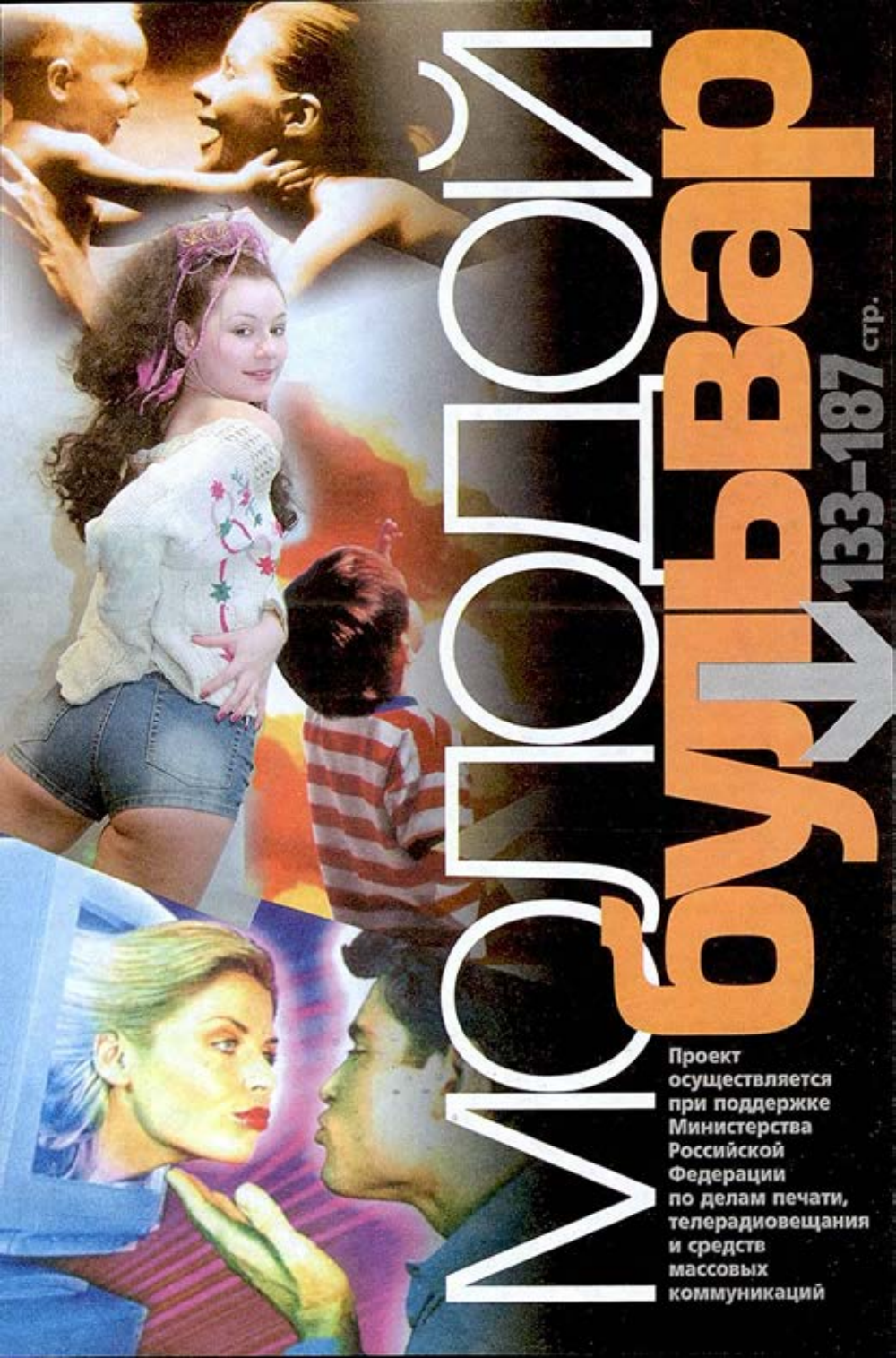
- Указать фамилию, И.О., почтовый индекс и полный адрес, на который будет производиться отправка выписанных изданий, а также телефон (по желанию).
- Заполнить графы «Период подписки» и «Сумма» в соответствии с указанной информацией. (Например: 7-12 мес. 2004 г.; 325 руб. 50 коп.),
- Вырезать купон и оплатить его в любом филиале Сбербанка в удобное для вас время.

Подписные цены на 2-ое полугод. 2004 г.		
1 мес.	3 мес.	6 мес.
54,25	162,75	325,50

Все суммы включают в себя НДС, стоимость услуг Сбербанка по перечислению денежных средств и услуг по доставке изданий заказными бандеролями по почте.

По вопросам подписки через Сбербанк и отправки изданий обращаться: Адрес: 125284, г. Москва-284, а/я 25, ООО «С-инфо», отдел подписки; e-mail: stimu19@si.ru, тел.: (095) 363-42-62

Извещение	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	СМ01 0434		
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ " ____ 200_г. (подпись плательщика)			
Извещение	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Кассир	СМ01 0434		
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ " ____ 200_г. (подпись плательщика)			

МОЛОДОЙ БУЛЬВАР

133-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Лариса Кривцова:

"Не бойтесь
быть
самими
собой!"

■ Останкино, честно говоря, весьма мрачный район. Чем ближе к телецентру — тем больше становится троллейбусов, которые, словно трудолюбивые муравьи, бесконечным потоком доставляют к нему любопытных со всех концов нашей необъятной Родины. Здесь зевак упаковывают в компактные группы и сортируют по студиям. В душном свете софитов сознательные граждане честно истекают потом, с восторженным осознанием почетной миссии — быть увиденными друзьями и ближайшими родственниками в эфире любимой передачи. Вид из окон телецентра — сплошная тоска. В бюро пропусков восседают злобные бабульки, в дверях подъезда — мягко говоря, не очень воспитанные охранники. Неужели все, кто связан с телевидением, мнят из себя царей и богов? Отнюдь! Преодолев кордон мелких служащих, попадаешь в просторные глухие коридоры, в которых за тяжелыми дверями тру-

дятся любимые нами телевизионщики. Дверь дирекции дневного вещания Первого канала открывается посетителями с трепетом. В этот кабинет приходят практически круглосуточно. В нём вас всегда встретят глаза, в которых помещается Вселенная и отражается вечность. Глаза Ларисы Кривцовой.

— Лариса Валентиновна, вы приехали в Москву из провинции, всего добились самостоятельно, сегодняшние провинциалы могут повторить ваш путь?

— Провинциалам ничего не остается делать, как только карабкаться, барахтаться и много работать, чтобы выжить и отвоювать себе "место под солнцем". Как правило, москвичи нас не любят, да и за что любить? Ведь мы претендуем на место, предназначенное москвичу как бы "по праву рождения". Они говорят: "заполонили город, вытеснили нас, коренных". Изначально наша задача — выжить, ведь мы приезжаем "в чисто поле": ни кола, ни двора, знакомые или родные — мало у кого есть. Как понимаете, испытаний и трудностей хватает, наверное, поэтому мы такие живучие. У меня много знакомых талантливых ребят из провинции, снявших в свое время замечательные фильмы. Но в любой творческой профессии ты никогда не сможешь долго почивать на лаврах, пользоваться тем, чего уже добился. Нужно двигаться всё дальше и дальше. Первый успех — лишь иллюзия блаженства, на самом деле, на пятки уже наступает следующий. И уже должен быть наготове свежий проект, который снова докажет твоё первенство. Поэтому провинциалы, осевшие в столице, словно муравьи — работают, работают, работают...

— А когда обживаются, становятся москвичами, начинают ворчать на иногородних?

— А как же! Понаехали тут (смеётся)...

— Телевизионный продюсер — что за профессия?

— Это профессия, в которой сочетаются множество других — режиссёра, редактора, психолога, звукорежиссёра, сценариста, менеджера, бухгалтера, ассистента ре-

жиссёра, декоратора, стилиста... Каждый день приходится изучать что-то новое; в общем, как говорила Алиса, "нужно бегать изо всех сил, чтобы хотя бы оставаться на месте".

— Может ли продюсером стать молодой человек?

— Наверное, может, но "науке такие экземпляры не известны". Вы знаете хоть одного молодого телепродюсера? Я — нет. Объяснение простое: в этой профессии необходим опыт, а чтобы его получить — время, нужно знать, как в такой сложной машине, как телевидение, вращается каждая шестерёнка, с чем она сцеплена и за что отвечает. Ведь продюсер — ещё и экономист, который должен подсчитать, сколько проект стоит, и чтобы декорация за три копейки выглядела как за четыре. Так что, если молодой человек обладает всеми вышеперечисленными знаниями, он может стать продюсером.

— Когда вы начинали работать на телевидении, могли представить, что достигнете нынешнего положения?

— Да я ничего не достигла! Ведь в детстве хотела быть министром культуры... Так что, как видите, не случилось и уже, наверное, не случится. Я всегда любила что-то придумывать, организовывать, объединять людей, то есть говоря по-русски, "креативить". Пометьте, это шутка... А если серьёзно, то я совершенно согласна с классиком: в любом успехе — 90 процентов труда и пота, и только 10 — способностей.

— О вашем обаянии ходят легенды. Это врожденное или приобретенное во время работы?

— Мне кажется, обаяние или есть, или его нет. Причем, обаятельный человек — не обязательно красивый. И хотя вряд ли кто-то сможет сформулировать, что же такое обаяние, я думаю, что его главный признак — искренность. Это сразу подкупает, человек понимает, что интересен тебе — и проникается ответным чувством. Сколько раз я сталкивалась: человек красив, у него прекрасные глаза, дивная кожа, он одет "с иголки", а общаться с ним — мука, пото-

му что у него напрочь отсутствует обаяние. Кстате, я не люблю красивых мужчин.

— *А какие мужчины вам нравятся?*

— Прежде всего, умные. На первом месте — ум, на втором — преданность.

Я должна быть уверена, что он принимает меня не только в расцвете сил, но не бросит и примет тогда, когда буду немощной, никому не нужной. Я благодарна судьбе, что у меня такой мужчина есть. Это Валерий Евгеньевич Кривцов, мой муж.

— *Почему вы вдруг заговорили об этом? Опасаетесь, что перестанете быть телевизионной ведущей?*

— Вы знаете, практически со всеми телевизионщиками происходит одна и та же история. Рано или поздно у каждого ведущего наступает момент, когда приходится уходить. Причины различны: приход нового начальника, кому-то не нравится твой взгляд на развитие телевидения... Каждый из нас должен быть готов к тому, что рано или поздно это произойдет. Я имею в виду людей, достигших определенного уровня, которые, как говорится, "на виду" в самом прямом смысле. Ведь если работаешь мелким клерком, можешь им проработать до самой смерти. Но как только человек оказывается на виду, сразу же начинается борьба за его место. Мне кажется, это вообще закон жизни, не только на телевидении.

— *А если не ждать, пока вынудят уйти, а уйти самой — на взлёте, красиво?*

— Как в детской шутке: "Назло тётке уши отморожу"? Хотя, может быть, вы и правы: можно уйти красиво, с музыкой и салютом.

— *Побочный продукт вашей деятельности — слава. Как вы к ней относитесь?*

— Не замечаю, честное слово, я не кокетничаю. Хотя не скрою, иногда задумываюсь: имеет ли это для меня значение? Так вот, говорю как на духу: никакого. Есть люди, которые говорят: "Ой, я, прежде чем выйти на улицу, должна привести себя в порядок..." Я, наоборот, в жизни всегда хожу без грима, без причёски, одетая ...ну, конечно, не как попало — это было бы неуважением и к себе, и к окружающим. Но

люблю одеваться просто, демократично, чувствовать себя свободной. Никогда не была рабыней моды.

— *В предыдущих интервью вы нередко сравнивали телевидение с акулиным питомником. Почему у вас возникают именно такие ассоциации?*

— Творческая среда всегда подразумевает желание быть лучшим. Это нормальное, здоровое честолюбие; в противном случае, ничего не добьёшься, ведь мало обладать талантом, нужно, чтобы он смог реализоваться. Не секрет, уровень образования нынче достаточно высок, так что на телевидении собирается немало людей в принципе способных достичь успеха. Пробиваются самые упорные, целеустремлённые, не боящиеся никакой "чёрной работы". Хотя ведь принцип выживания существует не только на телевидении, но и в любой творческой среде.

— *Мне кажется, вы не очень-то похожи на человека, который шёл по трупам к своей цели...*

— Да вы что?! Загляните на любое московское кладбище: там немало моих бывших конкурентов. /Смеется/.

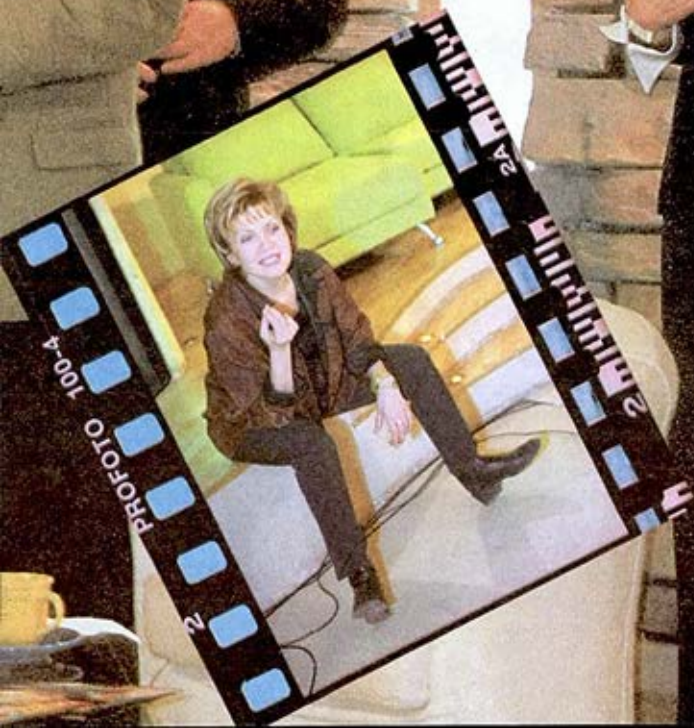
Есть два способа выживания: или кушать себе подобных, или много, до одурения работать. Конечно, можно сказать, что я "съедаю" своих конкурентов, но только тем, что работаю больше них. Так что всё очень просто: я — акула, но и всем моим друзьям-соперникам никто не запрещает тоже быть этими замечательными животными. Кстате, вы знаете, что у акул никогда не бывает рака? Учёные предполагают, потому, что те постоянно в поиске и борьбе.

— *Вопрос о мужчинах на телевидении: как они воспринимают в своих рядах женщину?*

— Воспринимают ли они меня как женщину? Честно говоря, мне абсолютно всё равно. У меня есть мужчины начальники, есть мужчины подчинённые, но все отношения, как правило, не выходят за рамки профессии. Дружить на телевидении не очень принято, разве что в таком раскладе: "будешь со мной дружить против Вас?"

фото Владимира Чейшвили
и Людмилы Романенко

— А вы когда-нибудь ощущали страх мужчин перед женщинами, которые всё чаще берут активные позиции в современном мире?

— На телевидении — нет, здесь больше мужчин активных. Так что страха я не ощущаю, хотя порой проскальзывает некое удивление: "мол, женщина, что ты здесь делаешь? это мужской монастырь!" С этим я не соглашаюсь и никогда не соглашусь, хотя и вынуждена признать: на телевидении, за редчайшим исключением, командуют мужчины.

— В вашей жизни бывали моменты, когда казалось: всё кончено?

— Да, когда меня в первый раз уволили. Мне и в самом деле казалось, что жизнь закончилась, потому что работа и была моей жизнью. По знаку зодиака я — Козерог, а это самые упорные работники, которые всегда выкладываются полностью.

После увольнения я три дня не выходила из дома, пребывала в жутком стрессе: не знала, на что надеяться. Хорошо, со мной рядом была семья — я тогда сполна почувствовала, что "близкие, родные" — не просто слова. Прошло немало лет, но мне и теперь трудно представить, вдруг окажусь без работы, без любимого дела. Правда, теперь со мной такое уже вряд ли произойдет: я могу не только себе, но и многим другим найти работу.

— С чем бы вы могли сравнить телевизионную программу, чтобы было наглядно?

— Телевидение — это всегда командная игра, даже самый разызвестный человек, которого знают миллионы, — лишь вершина айсберга, когда над водой виднеется только малая часть большого коллектива. Так что работа ведущего — это конечный продукт, итог усилий всех, и если он "не тянет" — всё насмарку. Знаете, ведь айсберг иногда переворачивается — и тогда тот, кто был на верхушке, оказывается в ледяной воде. Выплывают единицы...

— У вас есть "своя команда"?

— Да, есть. Как сказал продюсер одного смежного канала: "Кривцова, в тебе есть удивительное качество: ты подбираешь людей поштучно". Возможно, самым главным

моим достоинством является именно умение собрать команду единомышленников и профессионалов. В этом смысле я счастливый человек: с некоторыми моими сотрудниками мы находимся в совместном плавании очень давно. Когда-то меня уволили из московской редакции — и они ушли вместе со мной. Я помню, мы сидели у меня на кухне, безработные, и придумывали новые проекты. Так что "Город женщин", недавно появившийся на Первом канале, не родился бы на свет, если б не увольнение: именно тогда я придумала программу под названием "Женская территория или Не для мужчин". Мы сделали "пилот", заняли деньги, показали его на Первом канале, но его не взяли — тогда шёл другой женский проект, Оксаны Пушкиной. Но, думаю, Константин Львович Эрнст не зря предложил мне женскую тематику, знал: меня эта тема интересует, и есть серьёзные разработки. Вот такой "зигзаг удачи": сегодня я вернулась к программе, зародившейся давным-давно.

— Сейчас на телевидении "женских" программ немало. Чем "Город женщин" отличается от прочих?

— Это совершенно новый формат, разработанный Первым каналом, идея — Константина Львовича: сделать ток-шоу ПРАКТИЧЕСКИХ СОВЕТОВ. И хотя, вы правы, женских программ на ТВ немало, такого нет ни на одном канале. В общем, мне оставалось соединить свои давние наработки с заданием начальства. В программе, с одной стороны, есть сквозная тема, человеческие истории, VIP-гости, с другой — практические советы, подкаски. Самое трудное и сложное: сказать новое слово. Потом, конечно, многие бросятся повторять, подражать — но всё это будет лишь "эхо" нашей придумки. Кстати, на телевидении не чураются быть "клонами": например, после того, как мы запустили "Большую стирку", на других каналах пытались скопировать её — да что-то не очень получилось... Есть такая шутка: мало знать "ноу-хау", надо знать "ноу-как"...

— А как вы подбирали ведущих в "Город женщин"?

— Название "Город женщин" родилось не сразу, вариантов было много: "Девичник", "Охота на мужчин" и др. Мне изначально казалось, что в программе должна быть не одна ведущая, а несколько, чтобы сталкивались взгляды разных женщин на любой вопрос или проблему: молодой-фривольной, опытной-консервативной, деловой, домашней...

— Как ваш выбор пал на довольно скандальную кандидатуру Даны Борисовой?

— Пригласить Дану — моя идея. Хотя никто сначала не воспринимал её всерьёз после программы "Армейский магазин". Но она мне понравилась в "Последнем герое" — неожиданно естественная и органичная. Я подумала, именно такой — бешавашной, расслабленной ведущей нам не хватает в "Городе женщин". К Дане относятся по-разному и аудитория, и наше начальство: многие требуют её убрать, пишут злобные письма, многих она жутко раздражает. На мой взгляд, главное, что Дана вызывает эмоции — а значит, наш, телевизионный человек.

— Какое амплуа в программе "Город женщин" представляете вы?

— Современных, энергичных бизнес-тётток. Я журналистка, на мне — основное интервью. Я должна грамотно "раскрутить" героя, пришедшего на передачу.

— Что вы вкладываете в понятие "раскрутить"?

— Все просто: извлечь всё, что будет полезно программе, интересно зрителю, причём не просто задать вопросы, на которые наш гость в других интервью уже устал отвечать, но и вытащить из него нечто такое, что он в себе не подозревал. Это не всегда получается, но если вдруг "искра пробегает" — наш герой уходит домой не в обычном благодушном настроении, а молчаливый и задумчивый. Значит, в себе открыл что-то новое.

— Как ищете героев? Есть такие люди, которые не могут переступить порог студии?

— Таких нет. Любой, кому есть что сказать, спокойно переступает порог студии.

Все наши программы начинаются со слова "как": "Как возродиться из пепла", "Как не дать себя обмануть", "Как сделать так, чтобы не ушёл от тебя муж", "Как заставить полюбить себя", "Как ответить на приставания начальства", "Как сохранить свои ножки молодыми и красивыми". Так что если гость знает, "как" этого добиться — милости просим: готовы выслушать ваш совет.

— Лариса Валентиновна, за годы работы на телевидении вам довелось пообщаться с огромным количеством людей. Были среди них те, с которыми хотелось продолжить общение за рамками эфира, создать для них отдельную программу?

— С Андреем Малаховым произошло именно так. Я увидела в нём шоу-мена — и захотела сделать ток-шоу для него как для ведущего. Так мы и сделали. Даночку Борисову я увидела уже в роли ведущей, а потом она к нам пришла. А вообще, мне интересны многие творческие люди, но не их публичная, а личная сторона жизни. В результате этого интереса и появился проект "Личная жизнь", я сейчас с увлечением им занимаюсь. Уже вышел в эфир программы о Татьяне Дорониной и Галине Волчек, скоро выйдут о Татьяне Дмитриевой (директоре Института Сербского), о Галине Вишневской, Илзе Лиене.

Можно ли не любить профессию журналиста — даже за одно это, за возможность общения с самыми интересными и замечательными людьми?!

— Вернёмся к программе, продюсером которой вы являетесь: "Большую стирку" называют в прессе "всенародным душевным эксгибиционизмом". Как вы думаете, что движет людьми, которые приходят на программу и распахивают душу перед многомиллионной аудиторией?

— Ну, мне кажется, этот вопрос скорее нужно адресовать тем, кто приходит. Не скрою, когда программа только запускалась, у нас возникла опасность: никто не был уверен, что люди пойдут. Думаю, что в нашем обществе исчезли места, куда раньше люди могли прийти, пожаловаться, рассказать о своей беде. Помните, один из героев Достоевского говорил: "всегда долж-

но быть место, куда человеку прийти можно" — чтобы поделиться радостью или печалью. Ведь теперь нет ни профкомов, ни месткомов, да и в партком не пожалуешь...

Кроме того, людям не хватает общения, и не будем забывать о том, что многие желают настоящей славы или, хотя бы, известности. А где её можно обрести, как не на Первом канале? Настоящая всероссийская известность! Итак, наши опасения не оправдались, зритель признал "Большую стирку". Кстати, один известный психолог сказал: "Вы выполняете очень хорошую работу: снижаете эмоциональное напряжение в обществе. Вы приглашаете людей, которые разряжаются на вашей передаче, а те, кто её смотрит, разряжается вместе с ними, вы сделали супер-психологическую программу". Это высшая похвала: что бы там ни говорили о "желтизне", мы выполняем врачебную роль — для меня это главное.

— У вас не было опасения, что когда раскрутите Андрея Малахова — произойдёт, как в рекламе: "Они выросли — и забыли родителей"?

— Нет, не было. По первой профессии я педагог, так что мне не привыкать передавать опыт. И хотя Андрей, конечно, уже не ученик, теперь он уже сам может быть учителем, но поначалу мне хотелось добавить к его большому потенциалу что-то свое. Когда вижу талантливых людей, всегда возникает желание что-нибудь сделать для них. Сейчас у меня на примете уже есть несколько человек, которых вы через некоторое время увидите на экранах: я уже придумала телепрограммы для них.

— Все ваши сотрудники говорят, что у вас в сутках 48 часов. Вам удаётся при таком бешеном ритме жизни быть мамой?

— Об этом нужно спросить моего Женьку, но, мне кажется, я самая настоящая мама. И хотя мой уже взрослый ребенок говорит, что его воспитывали по телефону — результат, кажется, получился совсем неплохой. Хотя, конечно, я бы хотела, чтобы Женя работал над собой побольше: и читал, и больше языками занимался, сей-

час пока владеет двумя... Но я рада, что он знает, чего хочет в жизни.

— Расскажите о ваших увлечениях: как занялись дайвингом?

— Это началось уже давно, когда мы с мужем только начали ездить отдыхать на Чёрное море. Погружались с примитивными, подручными средствами, конечно, рисковали. Уже потом дайвинг стал моден, появилось супер-оборудование. Больше всего я люблю играть под водой с креветками: они такие шустрые, всё время пытаются тебя ущипнуть, будто заигрывают. Рыбы человека боятся, а креветки — нет, игра с ними — ужасно занимательное занятие.

— Остается ли у вас время на быт, любите готовить?

— Могу посолить огурцы, грибы, помидоры, капусту... Я ж деревенская девчонка, всё могу! По молодости баловала своего мужа вкусной едой, приучила к хорошей пище, от которой он никак не может отвыкнуть, потому что теперь я не готовлю. Но мастерство, как известно, не пропьёшь. Так что, если меня забросят на пустынный остров — с голоду не умру! Я даже гвозди могу вбивать! Хотя, откуда на пустынном острове гвозди...

Но, поскольку, как известно, нет предела совершенству, теперь вот учусь строительному мастерству: буду строить дом, пока готовлю проект.

— У вас своя теория жизненного пути?

— В сентябре я поеду в Китай. Хочу понять что-то другое в этой жизни, для того, чтобы ничего не бояться. Избавиться от некоторых страхов, страха смерти, например. Понять, в чем смысл жизни людей другой, древнейшей цивилизации. Я всё чаще думаю, почему мы нередко ставим себе неправильные маяки, плывём на них — и оказываемся на рифах? Сейчас эта тема периодически появляется в "Городе женщин". Мы сделали программу под названием "День Китая": собрали специалистов по этой поразительной стране, они рассказывали о бессмертных, о генофонде, который хранится в пещерах. Не все люди готовы к обсуждению такой темы, но говорить о ней интересно и полезно.

— Приоткройте завесу над ней.

— Я долгое время воспринимала это как бред. Считается, что в неких пещерах спрятаны соматы — люди, живущие много веков в “замороженном” состоянии. Их жизненные функции “притушены” до определенного момента — катаклизма, проще говоря — “конца света”. В этом случае соматы будут “разморожены” и продолжат историю человечества.

— И что, до них хотят добраться, оживить, исследовать?

— Вряд ли такое возможно, ещё никто не смог туда дойти. Эрнст Мулдашев, российский профессор, занимался исследованием этой проблемы, путешествовал по Китаю, написал книгу. И нашел типологическую вещь, объединяющую всё человечество: нечто неизменное, независимо от расы, возраста и времени. Это роговика глаза.

— Ваше путешествие в Китай туристическое или телевизионный проект?

— Не туристическая поездка. Проект называется “Путешествие в неизведанное”. В его рамках я побывала в Перу, у тамошних колдунов. Довольно сложное путешествие по Амазонке, некоторые члены нашей группы оказались к нему не готовы, с ними произошли необратимые изменения — к сожалению, не всегда к лучшему. Кстати, об этом нас предупреждали проводники — и оказались совершенно правы.

Памятуя об этом, мы стали куда более осмотрительными, к путешествию в Китай готовимся серьёзно, уже второй год.

— И что, в Амазонии вы смогли погрузиться в “другую жизнь”?

— Да, границы моего сознания и миропонимания расширились. Я поняла, что у человека очень большие возможности, он может управлять тем, что на первый взгляд, не подвластно разуму.

Представьте себе: глухие джунгли, настолько густые, что даже спутниковая тарелка оттуда “не берёт”. Место называлось Долина змей. Колдунья, одна из самых сильных в Перу, должна совершать обряд. Он происходил ночью, посреди долины

стоял помост с тростниковой крышей, поднятый на сваях достаточно высоко над землей, Долина змей получила своё название не просто так. Мы забралась на помост, шаг влево, шаг вправо — опасно для жизни, желающие могли участвовать в шаманском обряде, для этого они должны были пить “ийяйяску” — и таким образом проникнуть не только в прошлое, но и заглянуть в будущее, найти ответы на самые сложные вопросы своей жизни. В таком состоянии нервы человека оголены, кожа будто содрана, чувствительность обостряется настолько, что даже негромкий звук может произвести эффект разорвавшейся бомбы. Я просто наблюдала, как члены экспедиции входили в это состояние, а потом, когда все отключились, мы с колдуньей разговаривали, она рассказывала про меня, даже пригласила остаться на годочек, сказала, что у меня способности к шаманству, что я могу лечить. Так что, если я потеряю профессию, то поеду к шаманке, год просижу в джунглях, и частная практика в столице обеспечена. Говорю серьёзно. Мой дед — сибиряк, лесник, колдун, знахарь, лечил людей, возможно, что-то передалось мне по наследству. Кстати, в Перу я смогла применить свои способности на вожде одного из племен, у которого гнила нога, никто не мог остановить этот процесс. Я, вдохновившись словами шаманки, лечила его нашими способами — использовала антибиотики, делала уколы, и “дедовскими” методами. Нога у него зажила. И в декабре 2003-го года мне передали от него оберег, который он сделал лично для меня. Приятно, что человек помнит.

— Ваши пожелания женщинам, на которых вы ежедневно смотрите с экрана.

— Я хочу сказать нашим замечательным женщинам, чтобы они не боялись быть самими собой и не старались на кого-то походить. Ведь мы интересны не тем, чем похожи на других, а тем, чем ото всех отличаемся. Как сказал мудрец, каждый человек — целая Вселенная, бескрайняя, неисчерпаемая. Не будем забывать об этом. ■

Беседовала **Дарья САМОРОДОВА.**

приключения

■ Ну, здравствуйте, дорогие читатели. Для тех, кто только что присоединился к нам, сообщая: мы продолжаем тему дедовщины, начатую в предыдущем номере.

Сразу хочу заметить, что и у дедовщины, и у устава есть свои преимущества. Если ты выбираешь устав, то все два года, от звонка до звонка, будешь жить строго по армейским правилам, с которыми можно ознакомиться заранее, попросив книжку в библиотеке, и никогда никаких поблажек тебе не светит. Все два года ты станешь находиться как бы на положении вечного "духа": драить полы, выносить мусор, рыть траншеи, одеваться, как "дух", подчиняться старшим, обращаться ко всем строго по званию и так далее. Зато не придется стирать кому-то форму, бегать за сигаретами и делиться гостинцами из дома. Если ты обладаешь развитым чувством собственного достоинства, то такая жизнь — для тебя.

Дедовщина имеет с уставом мало общего. Первое время — да, ты уважаешь старших, разговариваешь с ними на "вы", выполняешь все работы по подразделению, но плюс к тому (а это самое главное) работаешь на своих "дедушек". Поручения могут быть разные: застелить постель, добыть денег, сигарет, постоять, когда надо, на "секе" (то есть, на шухере), если "дедам" захочется поспать днем или спокойно выпить вдали от офицерских глаз. Кроме того, человек, живущий по дедовщине, обязан отдавать "дедушкам" большую часть своей солдатской полочки. Первую полочку, как правило, не отбирают, потому что еще неизвестно, кто будет "стучать", а кто нет. Вместо этого у тебя могут попросить зную сумму денег на нужды подразделения, например, на покупку машинки для стрижки волос. Да-да, а вы что, думали — их выдают?.. Машинку купят подешевле, остальные деньги оставят себе. Ну а

потом деньги отдавать придется регулярно. Для примера: когда солдатская полочка составляла 36 рублей, "дедушкам" полагалось отдавать тридцать.

Все это время за твоим поведением пристально наблюдают, решая, толковый ли ты парень и когда можно будет тебя "расслабить" — то есть перевести на более привилегированное положение (об этом немного позже).

Тут, пожалуй, стоит сделать отступление и привести некоторые слова армейского жаргона, без которых дальнейший текст может оказаться непонятным. Итак:

Камок — камуфляж.

Шакал — офицер.

Фазан — военнослужащий весеннего призыва.

Баклан — военнослужащий осеннего призыва.

Шар — одобрительно говорится о человеке, который в чем-то хорошо разбирается, "шарит".

Глобус — говорится о том, кто просто ас в своем деле (глобус — большой шар).

Башня — головной убор.

"Шиц!" — команда, предупреждающая о скором появлении начальника.

Резьба, резбовый — тоже что-то вроде "шара", но с несколько иным оттенком одобрения.

Нарезаться (с ударением на второй слог) — угодить кому-то.

Рубить фишку — хорошо разбираться в ситуации.

Точить — есть.

Щемать, давить на массу — спать.

Тупить — ничего не делать, уклоняться от работы.

Гаситься — прятаться.

Спать — застывать за чем-то недозволенным.

ЛЫСОГО

(часть 2)

Луха

Екатерина ПОСТНИКОВА

На жаргоне говорят все военнослужащие независимо от звания, не избежали этого даже офицеры. Я сама слышала, как майор на построении сделал замечание солдату: "Башню поправь!" Это в порядке вещей. Тебя вряд ли поймут, если, придя в казарму, начнешь изъясняться на языке Чехова и Тургенева, не та среда.

Отдельно хочется сказать, что в армии почти все ругаются матом. Точнее, не ругаются — они на нем разговаривают.

Ну вот, о языке пока все. Вернемся к нашим баранам, то есть — к "дедушкам".

В принципе, у каждого "духа" есть свой "дедушка", которого следует слушаться и которому лучше никогда не отвечать: "не могу", "не хочу" или "у меня нет". Сразу "на усав" тебя, конечно, не переведут, но, в общем-то, рискуешь всерьез рассердить своего покровителя.

Жизнь "духа" тяжела и беспросветна. Ему нельзя уклоняться от работы, лежать и даже сидеть днем на своей койке, пропускать построения, носить сотовый телефон, брать еду в столовой раньше "дедушки", он обязан уступать ему дорогу и относиться с почтением.

Еще "духу" не положено держать руки в карманах, грызть семечки — за это неминуемо следует наказание. Что еще нельзя "духу"? Да ничего, по большому счету, ему нельзя. Запрещается отпускать длинные волосы.

"Духам" положено стричься наголо, хотя в уставе и не сказано, что для солдат обязательна именно такая прическа. Устав требует, чтобы стрижка военнослужащего была "короткой и аккуратной". Это "деды" заставляют "молодых" стричься наголо, чтобы те сразу отличались от них по внешнему виду.

Будучи "духом", ты обязан обращаться к сержантам на "вы" и по уставу, а к "дедушкам" других званий — так, как они сочтут нужным. Только после того, как тебя "расслабили" или "перевели", имеешь право "тыкать" ВСЕМ своим сослуживцам. Тут, однако, есть исключение: если твоему "деду" уже подписан приказ о демобилизации, и он дожидается дня своего увольнения, его вообще нельзя называть по званию или на "вы", только на "ты" и по имени. Перед тобой — гражданское лицо, помни об этом. В некоторых частях такие ребята вообще перестают носить форму и ходить на построения, в некоторых — нет, но в любом случае за ошибку тебе могут просто врезать.

Не так-то просто после гражданской свободы сразу переключиться на армейский уклад. Уже только тот факт, что все два года службы тебе предстоит жить, работать, есть, спать в одном помещении с огромной толпой народа, здорово подрывает нервную систему. Тем более что это помещение (казарма) — по сути настоящий проходной двор, где постоянно ходят офицеры, орет радио, кто-то спит перед заступлением в наряд, кто-то тренькает на гитаре, кто-то выясняет отношения... Покоя нет даже ночью. Мне рассказывали, что один парень из очень интеллигентной семьи (мама — профессор филологии), проснувшись в половине четвертого утра, увидел над собой подсвеченное карманым фонариком лицо дежурного по части, принял его за вампира и начал заикаться. Плохо быть впечатлительным. В армии — особенно.

Кровати в казарме, как правило, двухъярусные. На нижнем ярусе обычно спят "деды", которым лень напрягаться и влезать каждый раз наверх. Естественно, свой маленький островок комфорта среди вечной армейской серости каждый усвершенствует как может: вешают брелки, фотографии, авто-

мобильные освежители воздуха, натягивают пружины, чтобы кровать стала более упругой и жесткой, кладут по два матраса, два одеяла, устраивают тумбочки с секретными замками и двойным дном, в которое прячется всякий "компромат". Молодым все это, конечно, не положено.

Рассказывает Олег (смотри предыдущий номер).

— В первый день я обустроивался, время быстро прошло. Лег спать. С утра — "Подъем!" А время всего-то шесть тридцать. Я по привычке думаю: "Какой, на фиг, подъем?.." и продолжаю спать. Чувствую, кто-то толкает. Открываю глаза — мой дедушка с нижнего яруса. Я ему: "Сейчас, сейчас, еще немножко посплю..." и тут же получаю сильный удар в бок: "Ты че, сынок, да ты в армии!!!" Вот такой заряд бодрости с утра. Потом дед говорит: "Давай, на зарядку". Сам он тоже пошел, но только для виду: когда всех посчитали перед штабом, дедушка выставляли в казарме "секу" и улеглись дрыхнуть дальше.

Кстати, насчет зарядки. Когда я приехал, мне форму сразу выдали, а сапог на складе не было, и я ходил в кедах. И вот, раннее утро, все бегут по кругу три километра, Топают, как кони, и так же тяжело дышат. Я думаю: "Странно..." Сам-то в охотку круги нарезал. И только тогда, когда мне выдали сапоги, понял, отчего все так странно бегали: более тяжелой и неудобной обуви, чем армейские "кирзачи", наверное, не бывает нигде.

Вот тут хочется сделать еще одно отступление, касающееся военной формы. Вы фильмы смотрели про американскую морскую пехоту? Красивая у них форма, да?.. Так вот, такой у нас не было, нет и никогда не будет. Наше пятнистое "хебе" выглядит хорошо только на складе, то есть до самой первой стирки. Шьют его заключенные, ткань на форму идет простенькая, недорогая, практичная, а из чего делают краситель, я даже предположить боюсь: он вступает в химическую реакцию со стиральным порошком, с мылом и даже просто с водой, линия так быстро, что диву даешься. Кроме того, ткань "садится", тяжело разглаживается, выгорает на солнце, пропускает воду и не греет в хо-

лод. Зимняя куртка с меховым воротником (бушлат) тоже не греет, в ней тепло максимум при трех-пяти градусах мороза, да и то — если двигаешься. Шапка из искусственного меха защищает от холода лишь макушку, а "уши" при небольшом морозе опускать не положено (да и опускаются они только у "молодых", "дедушки" "уши" обычно пришивают). А кирзовые сапоги, которые солдат обязан таскать и зимой, и летом, весят целую тонну, быстро стаптываются, рвутся, ноги в них потеют и стираются до крови. Кто может, добывает себе "берцы", то есть, ботинки. Кто не может, выкручивается как-то иначе.

Летом под форму солдат должен надевать трусы и майку, зимой — специальное хлопковое белье, называемое "белугой". На ногу под сапог наматывается портянка — прямоугольный кусок ткани. А на воротник летней куртки (чтобы не пачкался) пришивается еще один кусок ткани — подшива, и командиры бдительно следят, чтобы эта подшива была чистой.

Конечно же, "дедушки" форму одежды нарушают, хотя можно ли назвать нарушением заботу о самых минимальных удобствах? Например, вместо портянок они носят носки, вместо белуги — свитера или тельняшки. Одеваться "по уставу" им приходится только на построение, когда идет проверка формы, подшив, бирковки на кителях и прочего. В остальное время каждый самовыражается, как может. Например, "крутят хвосты". Что это такое? Бушлат имеет прямой покрой и стягивается в районе талии шнурком. Сверху надевается ремень. Если все сделать по правилам, куртка ниже ремня принимает форму юбки и топорщится во все стороны. Чтобы этого не происходило, нужен "хвост". Вот как это делается: шнурок распускают, подол бушлата стягивают назад и укладывают в плотную складку ("фазаны" — слева направо, "бакланы" — наоборот) и надевают сверху как можно ниже, почти на бедро, ремень. Вот и все. Правильно закрученный "хвост" выглядит аккуратно и даже стильно и придает мешковатой куртке более-менее лихой вид.

Головные уборы принято "отбивать", то есть тоже придавать им форму. Зимнюю

шапку делают квадратной, подшивают "уши" или заправляют их шнурки внутрь, чтобы на макушке не было бантика — "пропеллера". Летняя кепка "отбивается" в соответствии с призывом: у "бакланов" — таблеткой "а ля американский вариант", то есть сверху образуется своего рода площадка, а у "фазанов" — пилоткой, так, что кепка напоминает шапку-пирожок. Кстати, по "подшиве" призывы тоже различаются: весна подшивается галочками (первый год — одна галочка, второй — две), осень квадратиками.

Конечно, все это касается только "дедушек". "Духи" обязаны носить форму такой, какая она есть, поэтому выглядят они уродливо. В этом тоже состоит дедовщина. Именно ради того, чтобы нормально одеваться, нормально себя вести, чувствовать себя относительно свободно и иметь пусть крошечные, но привилегии, "молодые" и стремятся стать "дедами". А для этого им нужно работать на "дедов", выполнять любые их поручения в ожидании дня, когда их сначала "расслабят", а потом "переведут".

В качестве дополнительного стимула существует "День обалдевшего духа" (на самом деле, вместо "обалдевшего" используется другое слово, которое я здесь приводить не буду). На двадцать четыре часа "молодые" и "дедушки" полностью меняются ролями. Только в этот день "дух" может дрессировать "дедушку" как хочет, гонять его за мороженым и сигаретами, заставить постирать свое "хебе" или пятьдесят раз отжаться, но сильно усердствовать все-таки не надо, день-то пройдет, а "дедушка" останется...

Что еще сказать о дедовщине? Она была, есть и будет до тех пор, пока наша армия остается в своем нынешнем виде. Борьба с ней силовыми методами бесполезно, потому что сами солдаты поддерживают такой порядок вещей: "То, что делал я, будут делать и для меня!"

Кстати, если вы думаете, что дедовщины нет среди офицеров и других категорий военнослужащих, вы ошибаетесь. Но об этом, а также о том, какие наказания (законные и не очень) существуют в нашей армии, вы узнаете из следующих номеров.

Софья СТЕБЛОВСКАЯ

Любовь — тема особая. Любовь родителей к детям — тем паче. Может быть, именно потому, что упирается непосредственно в важнейшую проблему всех времен и народов, а именно — конфликт родителей и детей. Эта проблема не имеет четких границ во времени и пространстве, она, видимо, свойственна человеку как виду. Это не пустяк и не локальная безделица, ограничивающаяся пределами квартиры. Иногда конфликт приобретает размеры поистине вселенские. Думается, что тут есть над чем поразмыслить, благо примеров, ко-

торые могут проиллюстрировать основные модели конфликтов, предостаточно.

Модель любви, предложенная традиционным христианством, может считаться в каком-то смысле идеальной. Суть ее такова: Бог-отец любит людей. И он дает им

Любящие мамы

свободу. То есть люди изначально полностью наделены свободой выбора. И Бог любит их вне зависимости от того, какой выбор они-таки сделают. И все потому, что Бог самодостаточен! (Кто бы сомневался.) Ему никто не нужен, чтобы почувствовать

свою значимость. На то Он и Бог, изначально полный и всецелый. Абсолют, одним словом.

Богословская модель любви, конечно, невозможна в жизни. Потому что идеальна. Как говорят физики, вакуумная ситуация, то есть ситуация в теории, без учета огромного числа факторов. Совсем другое дело — наша жизнь, постоянно вносящая свои, порой жестокие, коррективы. Жизнь на Земле, в определенное время и в определенной точке. Да и люди всего-навсего люди, а не боги, в конце концов.

ают
нас

Любовь помимо того, что метафизическая потребность, это еще, как говорят психологи, необходимость лишний раз ощутить себя. Вполне законное желание. Не наказуемо. Но, как видим, уже с самого начала в земной любви другой акцент: не от себя, а для себя и к себе. Лишний раз ощутить себя, удостовериться не просто в том, что ты есть, а что твое существование осмысленно и оправданно.

родительская любовь

Тема воистину животрепещущая. Мне всегда казалось, что когда я вырасту, то проблемные разговоры с родителями просто канут в Лету. Ведь я буду взрослым человеком. Не тут-то было! И дело не только в том, что родители до конца жизни видят в своем ребенке именно ребенка, и не в том, что никак не могут отучиться контролировать его, а как мне кажется, в том, что встречаются два самостоятельные индивида (родитель и ребенок), только в новом качестве и в новых ролях. Если раньше один из них, условно говоря, руководил и задавал правила игры-отношений, а другой подчинялся, то теперь они должны играть на равных, уважая в каждом отдельного человека и личность.

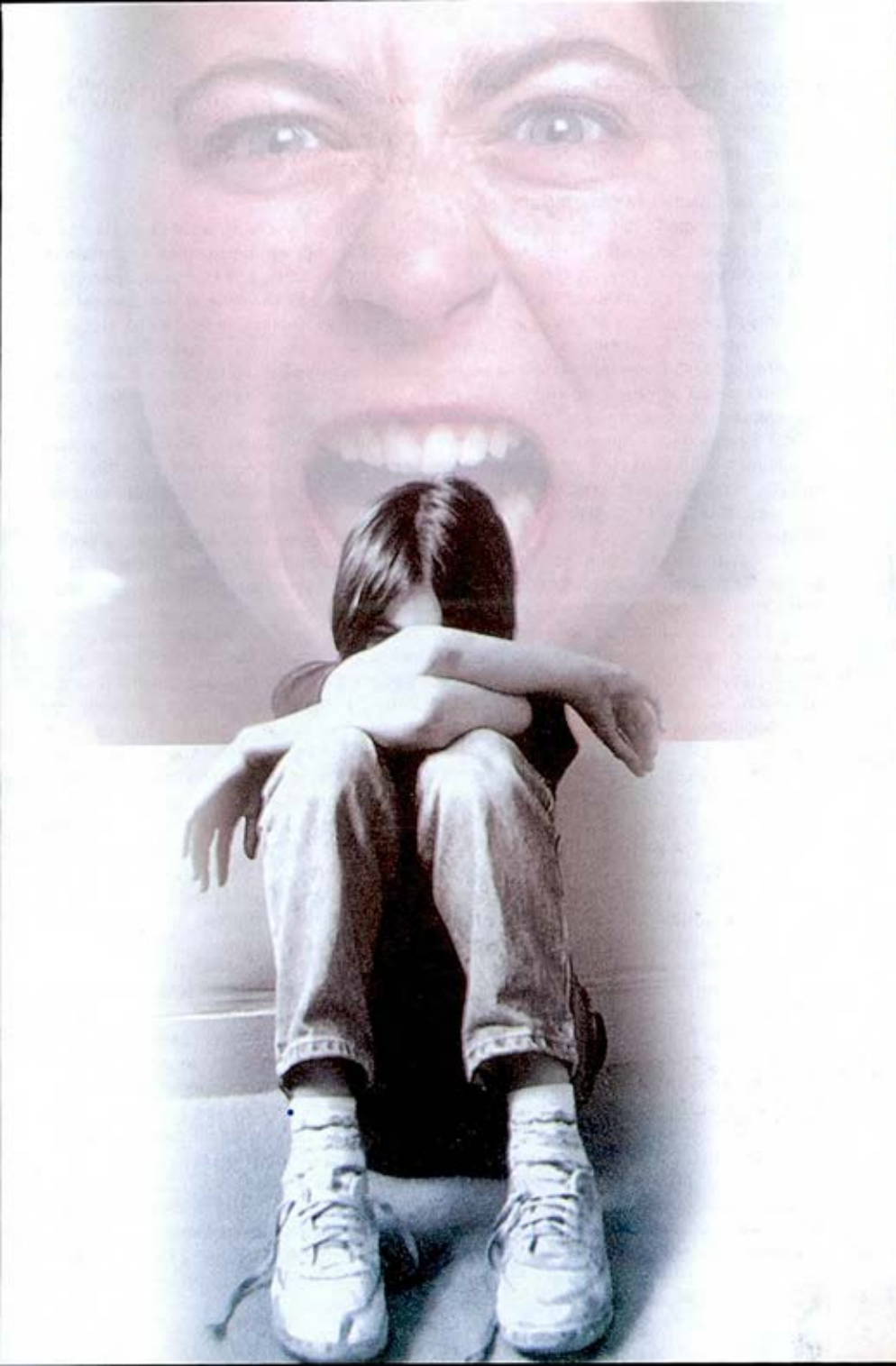
Но это тоже идеальная ситуация в идеальном мире. Как показывает практика и опыт, подкрепляемый многочисленными психологическими исследованиями, принять человека (в том числе и своего ребенка) как такового, без желания его переделать, улучшить, усовершенствовать может только самодостаточный человек, вполне реализовавшийся, уверенный в себе, счастливый, в конце концов. Стоит ли говорить, что в окружающем нас мире таких людей до обидного мало. Посему перейду к рассмотрению конфликтных ситуаций, благо за примерами не надо лезть ни в какую специальную психологическую и социологическую литературу: случаи, когда родители с детьми собачатся на чем свет стоит, либо занимаются мягким противостоянием вокруг хоть пруд пруди.

любовь которая калечит

Вадим Петрович Мезенцев, 45 лет. "Ну я же лучше знаю, что надо моей дочке. Я прожил жизнь, у меня огромный жизненный опыт, я неглупый человек, в конце концов. Я знаю лучше!"

Такая безапелляционная позиция родителей отнюдь не редкость. Вадиму Петровичу, крупному предпринимателю, жесткому человеку и любящему отцу, невдомек, что, по существу, он не дает дочери выбора (стало быть, лишает свободы полностью). Показательно, что он ни разу не спросил у дочери ее мнение. На самом деле тут все гораздо страшнее, чем просто строгий отец, такой патриархальный Домострой в кондовом восточном варианте. Он не видит в своем ребенке личность, человека, у которого своя судьба. В итоге у Варвары уже нет своих понятий, у нее есть только "понятия" отца; "он же лучше знает". В этой ситуации возможны два выхода. Первое: если ребенок от рождения наделен жесткой волей (еще бы, при таком-то отце!), то тут не избежать открытого противостояния, вплоть до глобальной вселенской катастрофы. Армагеддон в масштабах отдельной семьи обеспечен. Классический случай, когда "нашла коса на камень". Плохо будет всем. Дело, как правило, заканчивается либо белым флагом, перемирием и ультиматумом (но для этого враждующим сторонам необходимо проявить дипломатическую гибкость, с чем у людей такого типа туго от природы), либо полной враждой. Враги с одной фамилией, мини-гражданская война, сын против отца.

Другой вариант развития сценария — если ребенок принимает навязываемую ему жесткую ситуацию, вследствие или слабой воли, или мягкости, неважно. Важно, что это может иметь пагубные последствия для его еще несформировавшейся личности. Результат в нашем случае — ущербная девушка Варвара. Ущербная не в смысле

кособокая или колчерукая. Вполне красивая девушка, с отпечатком благосостояния и обеспеченности на всем ее цивилизованном облике. Неполноценность личности в данном случае не в том, что она боится людей, страдает аутизмом или клаустрофобией, а в том, что личности-то как таковой нет. У нее есть "понятия" ее отца, а во всем остальном — полная аморфность. Если человек ни разу в жизни не дал себе труда подумать над чем-то, а родители не поощряли и не дали понять, что это важно, то ... Добро бы, она чувствовала себя органично и комфортно в такой ситуации. Но ей что-то подсознательно не нравится, а разобраться не может. Думать она не привыкла... Вот такой любящий отец Вадим Петрович. Надеяться на то, что этот человек когда-нибудь осознает, что сделал с любимой дочкой, бессмысленно.

Справедливости ради надо сказать, что Вадим Петрович — своего рода крайняя точка этой ситуации. Как правило, в жизни все гораздо прозаичнее, спокойнее, что ли. Да и столь суровый характер скорее исключение. Другой полюс проблемы, и другая ее крайность — чрезмерная внимательность, скатывающаяся в итоге в потакание и послабление.

Вера Васильевна — прямая противоположность железному Вадиму Петровичу. Вся внимание и предупредительность, вся сотканная из нежности и заботы к своему сыну Егору. Вечно готовая слушать его и печалиться вместе с ним, принять страдающее и страждущее дитя под трепещущую материнскую десницу и оросить его слезами любви, заодно обкурив булками и всякой приторной гадостью. "Душечка" меркнет перед материнскими излияниями В.В. Что ни скажет дитя-феномен — все принимается за истину. "Егор — самая моя большая любовь!" Вот так, ни больше, ни меньше. Нужна ли такая?

Результат тот же, что и в случае с Варварой. Прав был Стефан Цвейг, когда говорил, что один и тот же результат можно получить как при очень высокой температуре, так и при очень низкой. Физики знают. Методы различны, результат один.

случай особо запущенный,
патологически

"Ну я же всю жизнь жила для него! — серьезно говорит немолодая интеллигентная женщина Ольга Викторовна, преподаватель философии в крупном московском вузе (то есть науки направленной на то, чтобы научить человека думать, анализировать, сопоставлять и делать выводы). — Я всегда все делала, чтобы ему было хорошо! Как я буду жить, если он уйдет!"

Прямо крик души... По-моему, довольно подло всю жизнь пенять человеку, что ему принесли какие-то заоблачные жертвы.

Мой хороший друг Виктор попался именно в такие тенета материнской любви. Ореолом жертвы, отдавшей себя сыну до последней кровинки, старательно (возможно, что вполне бессознательно) рисовала себя О.В. перед мучающимся сыном. Человек послабее мог бы запросто пасть жертвой этого мягкого террора; результат — феномен маменькиного сына, в психологии носящий красивое название "Эдипов комплекс". Слава Богу, не таков оказался Виктор. "Я чувствовал себя каким-то комнатным растением, — делится опытом боец невидимого фронта. — Растением, которым дорожат не потому, что оно хорошо само по себе, а потому, что ему отдано много сил, скормлено много удобрений, споено воды, и т.д. В какой-то момент мне это надоело, блин... я начал борьбу. Больно и мне, и ей, но лучше так, чем как было!"

В связи с этим случаем вспоминается сцена из культового фильма Антониони "Красная пустыня", где героиня Моника Витти со слезами говорит про своего маленького сына: "Я ему не нужна... Это он мне нужен!" Яснее некуда. Фактически повторение слов О.В., только без последних слов, произнести которые нужна смелость.

По большому счету ситуация, когда человек думает, что знает, что лучше для кого-то, не проста и многогранна. Она сродни проблеме насильственного добра. С такой

"любовью" народники ходили в искренне недоумевающий народ, а революционные граждане взрывали от имени ничего не подозревающего народа генералов и царей; с такой абстрактной "любовью" устраивались более чем конкретные революции во имя еще более абстрактного счастья, очердного "рая на Земле". Воистину, "революция научила верить в несправедливость добра!". Тут можно вспомнить Ф.М. Достоевского, которому проблема выбора не дала покоя всю жизнь. Красной нитью проводится во многих его произведениях мысль о том, что сознательный выбор и навязанная данность — не одно и то же. Трудно не согласиться, что между добром, к которому человек шел сам и которое сознательно выбрал, и добром, всученным извне в виде готового ответа, лежит гигантская пропасть. "Да и что такое добродетель с завязанными глазами, не знающая, что такое порок? — спустя десятилетия продолжает эту же мысль Э. Берджесс в "Заводном апельсине". Может быть, Богу более угодно сознательно выбранное зло, чем навязанное добро, ведь выбрав, пусть и не то, что надо, человек по крайней мере, реализовал данную ему возможность выбора?"

Часто случается, что родители создают себе некий образ, который запросто может не совпадать с тем, чем на самом деле является любимое дитя.

Однажды я услышала, как мой шеф, человек серьезный, уважаемый и узнаваемый ввиду телевизионной деятельности, разговаривал со своей матерью по телефону. Было такое чувство, что он говорил с глупым ребенком или душевнобольным. Юрий Игоревич, остроумный и искрометный человек, большой балагур, запевала и заводила всех сборищ нашей телекомпании, непременный завсегдатая дружеских попоек, конкурсов на самую сальную пошлость и "просто классный чувак", в переговорах с матушкой приметно смирился и тупел. Как-то раз мы с ним "разговорились за жисть", и моим открытиям в области сыновне-материнской нежности и любви не было конца. Оказывается, он не считал

свою мать способной что-то понять, тем более оценить и одобрить.

"Она дура! — затыгиваясь дорогой сигарой, вещал он. — То есть не то, чтобы дура, но тупая, — смягчился сын. — Нет смысла ей что-то пытаться объяснить и внушить. Мне, моим нервам проще говорить ей то, что она хочет услышать. Не вникаю!"

Не доверять такому авторитету у меня не было оснований. Его солидный семейный и жизненный опыт (три брака, множество пассий, четверо детей) и просто донельзя живой ум вселяли надежду на то, что этот "матерый человечище" уж точно знает цену людям, не говоря о собственной матери. Душевному глазомером, как любил он говорить, он "препарирует суть вещей". Каково было мое удивление, когда я познакомилась с его матерью. Мне предстала миловидная дама подчеркнута интеллигентного вида с располагающими манерами и умными глазами. Но самое интересное то, что мать считала сына непроходимым глупцом, говорить с которым на предметы, чуть выходящие за пределы пьянок, бесполезно. Уверена, что каждый из них был бы нешуточно удивлен и раздосадован, узнай о том, что о нем думает другой. Велика вероятность, что этого не случится никогда, и до конца жизни оба будут пребывать в неведении относительно того, с кем они состоят в родственнокровной связи.

А ведь страшная ситуация, когда самые родные люди по сути не знают друг друга вообще и всю жизнь общаются с виртуальными адекватными своих родственников, реально существующими лишь в их голове. Это как раз тот случай, когда самые родные люди — мягко говоря, не самые близкие, если не самые чужие и далекие.

Ситуациям и вариациям, как и разнообразию человеческих характеров, несть числа. Любые классификации и системы ущербны и неполны. В этой специфической любви, как и в любви как таковой, "рецептов нету". А есть только взаимное уважение, терпение, умение слушать и слышать. Но нужно две стороны, два человека. Преодолеть можно если не многое, то почти все, если только есть... Круг замкнулся... Любовь. ■

На пороге успеха

фото Владимира Чейшвили

«Алла, — как уверяют толкователи имен, — обаятельная девочка, всеобщая любимица. Находится в стороне от шалостей и проделок. В школе учится хорошо, усидчива и терпелива, но отличницей, как правило, не бывает, так как много времени тратит на свою персону. У Аллы есть хватка и настойчивость, она уверена в себе и своих силах. Обладательница этого имени привлекает поклонников, в первую очередь, непохожестью на других девушек».

Мне всегда казалось, что определять характер человека по его имени весьма нелепо. Мало ли, как захотели тебя назвать

родители, бабушки и дедушки, когда тебе и было-то всего несколько дней от роду. Но, прочитав толкование имени Алла, была удивлена. Действительно, многие черты характера соответствовали образу моей героини. Судите сами: Алла Матигулина — обладательница «Гран-при» конкурса красоты «Мисс города Пушкина», лауреат многочисленных музыкальных фестивалей, студентка ГИТИСа, но уже занятая в спектакле Романа Виктюка «Кармен», и просто красивая «уверенная, энергичная, настойчивая девушка, не теряющая время зря».

— Алла, расскажи, пожалуйста, как начиналась твоя карьера, кто подтолкнул те-

бя заниматься музыкой, посвятить себя театральной карьере. Насколько мне известно, твои родители не имеют отношения к шоу-бизнесу.

— Ну и что, что не имеют... За все свои успехи я благодарна маме, именно она в четыре года привела меня в музыкальную школу имени Баха, которую я закончила по классу фортепиано. Но вот затем начались неудачи. В этой же школе я ходила в хор. Когда меня оттуда выгнали, я поступила в хореографический кружок. Правда, и из него меня тоже турнули, до сих пор, кстати, не знаю почему. После этих событий мои родители пришли к выводу, что у них абсолютно бесталанненький ребенок...

— Но тебе как я понимаю, легко удалось их в этом разубедить.

— Не мне удалось, а моему дедушке. Он к школьному концерту написал для меня слова к двум песенкам. Я была тихим ребенком и долго отказывалась от выступления, но он все-таки уговорил. После этого я поняла, что поговорка "оказаться в нужное время в нужном месте" отнюдь не пустые слова. На школьном "Огоньке" присутствовал директор театра-студии "Мел", который пригласил меня в свою труппу. Прижиться в ней, откровенно говоря, оказалось сложно, так как все актеры, как минимум, на пять лет были старше меня. Правда, их профессионализм очень стимулировал мой творческий рост.

— И как долго ты училась профессионализму у "старшего" поколения?

— Да не особо. Я их всех довольно быстро обскакала. На один из студийных концертов пришел композитор Вячеслав Цветков. И вдруг сказал, что я потрясающе одаренная девочка, что он хочет писать для меня песни и приглашает принять участие в двенадцати новогодних представлениях в Колонном зале вместе с танцевальным ансамблем "Буратино". Я, конечно, сразу же согласилась. Хотя честно скажу, отрабатывать по три концерта в день в двенадцать лет и в школьные каникулы, когда все отдыхают, сложновато. Еще мне предложили спеть на концерте в "Golden Palace", от чего я, естественно, отказаться не могла.

— Такой бешеный ритм жизни не повлиял на самочувствие?

— После новогоднего марафона я слегла на три месяца. Даже не хочу вспоминать. Сказалась не только сильная физическая нагрузка, но и эмоциональная тоже. Однако не успела оклематься от болезни, как мне позвонила директор музыкального Театра моды Наталья Горчакова и пригласила к себе в студию. Там я пела и одновременно демонстрировала одежду. Со студией объездила всю Европу. Участвовала в фестивалях в Будапеште, Париже, Амстердаме, Брюсселе, Кельне, Люксембурге и Праге.

— А как же школа, как удавалось все совмещать?

— Со школой было туго, хотя училась я на одни четверки и пятерки, но пропускала очень много. В результате, после восьмого класса пришлось уйти в экстернат. Этот период как раз совпал еще и с тем, что я, помимо пения, довольно плотно занялась танцами. Прошла набор в театр-кабаре Григория Гурвича "Летучая мышь". Из пятидесяти человек, уже закончивших театральные вузы, взяли троих, в том числе и меня, школьницу-подростка.

— Нетрудно догадаться, в какой вуз ты захотела поступать после экстерната.

— Я закончила экстернат в семнадцать лет. И решила, что год буду готовиться к поступлению. Конечно, я выбрала подготовительные курсы при ГИТИСе, но и там много пропускала, так как принимала участие в музыкальном спектакле "Великая иллюзия". Играла, ну, просто в золотой труппе: вместе с Валерой Боравинских, который пел в "Чикаго", Александром Маракулиным, исполнявшим роль священника в "Нотр-Даме", и многими другими популярными актерами. Сыграла главную роль в мюзикле "Шанс". Но, к сожалению, не стало Гурвича. Он умер, а вместе с ним умерла "Летучая мышь". В карьере наступило затишье, я стала уделять все внимание учебе. Правда, посещала разные кастинги. С успехом была принята в мюзикл "Веселые ребята", куда набирали актеров Алексимова и Дунаевский. Однако завалилась на

третьем туре в "Чикаго". И все из-за небольшого роста, ужасно обидно. Это первый в моей жизни кастинг, с которого я слетела.

— Но ты, самое главное, поступила в ГИТИС?

— Да, но тоже не без проблем. Огромный конкурс состоял из множества туров и длился на протяжении четырех месяцев. К главному экзамену оставалось всего тридцать человек. Меня скинули с экзамена по актерскому мастерству. Как выяснилось позже, на бесплатное отделение было семь мест, я оказалась именно седьмой. В последний момент появилась "блатная" девушка, естественно, занявшая мое место. Пришлось начинать учебу на платном, хотя родители такого поворота событий не ожидали.

— Насколько мне известно, в ГИТИСе довольно предвзято относятся к людям, которые уже где-то играли или играют. А как относятся к тебе?

— Меня жестоко травили. Постоянно ставили плохие оценки, особенно после того, как узнали, что я прошла прослушивание в мюзикл "Кармен", и сам Виктюк принял меня в основной состав. Может, это глупо, но пришлось отказаться от заманчивого предложения, корочка ГИТИСа для меня важнее. Правда, в конце семестра меня все равно выгнали с режиссерского факультета, пришлось перевестись на другой, музыкально-театральный.

— Ну, и как на новом месте?

— Учиться стало легче, и, самое главное, я смогла принять участие в мюзикле "Кармен". Также прошла кастинг в "Двенадцать стульев".

— Алла, а зачем ты так часто ходишь на кастинги?

— Просто, чтобы проверить свои силы, узнать, востребована ли я профессионалами и аудиторией.

— Сольные выступления у тебя были?

— Конечно, выступала в честь праздников на городских концертных площадках, в Кремле, в клубе "Манхэттен Экспресс".

— Как насчет поклонников. Уже есть?

— Есть. Один из них, — Дима — самый постоянный. Не пропустил ни одного моего выступления, ходил на все концерты и премьеры. С поклонниками однажды произошел забавный случай. Когда выступала в "Манхэттене", у меня был потрясающий сценический костюм, шикарная прическа, макияж. Выступив, я, естественно, смыла весь грим, надела джинсы, свитер, заплела две косички и с огромным рюкзаком за спиной выскочила из клуба. У черного входа на меня накинулась куча парней с цветами, плюшевыми игрушками и с единственным вопросом: "Когда же выйдет Алла?" Ну я, не долго думая, говорю, что она уже уехала, а цветы и игрушки могу передать ей лично в руки. Они согласились.

— А неприятности на сцене случались?

— На конкурсе народной песни в Дагомысе я зацепилась каблуком за шнур и упала прямо на сцене, вывернула руку, расшибла голову, ударились копчиком и разрыдалась. Но все равно потом спела. И получила почетный диплом как самая мужественная артистка.

— Теперь расскажи, как ты расслабляешься в свободное время?

— Сплю. Сон для меня — лучший отдых. Ну, еще, конечно, слушаю любимую музыку из разных мюзиклов, саунд-треки к фильмам — многие нравятся, читаю книги, в основном, зарубежную литературу, люблю Стендаля и Золя.

— Из-за такого бешеного графика, полагаю, страдала твоя личная жизнь?

— Она была у меня только летом, во время каникул. Тогда и появился молодой человек. Мне было шестнадцать. Отношения с ним длятся по сей день и, надеюсь, будут длиться всю жизнь, так как мы недавно поженились.

— Ты просто молодец! Не тратила зря время, даже во время каникул! А что бы ты пожелала нашим читательницам, которые мечтают о сцене, о любви?

— Терпения, веры в себя, верности своей мечте, — это, на мой взгляд, именно те качества, которыми должна обладать девушка, желающая чего-то добиться в этой жизни. ■

Беседовала **Полина ТЕСЛЕР.**

Ранним утром все московские вокзалы заметно оживают. Кто-то спешит на дальние поезда и первые электрички, кто-то досматривает сны в зале ожидания. Таксисты вместе с носильщиками ждут прибывающих пассажиров, поглядывая на часы. Продавщицы в ларьках шумно переговариваются, поджидая своего хозяина, чтобы сдать ночную выручку. Все как всегда. Кроме, пожалуй, одного. За последнее десятилетие "антураж" вокзала заметно изменился. Здесь прочно обосновались бомжи и беспризорные дети. Где, в каком месте находят они себе пристанище на ночь, неизвестно, но каждое утро они появляются на вокзалах. Грязные, с отечными лицами, совсем не детским выражением глаз, в замусоленных курточках, они, первым делом, начинают обследовать урны и мусорные баки. Девочки в это время занимают подземные переходы на подступах к вокзалам. У них другое занятие — попрошайничество.

Большинство этих детей не имеют родителей вообще, а у некоторых такие, что лучше уж побираться на вокзалах. Вот и стали неотъемлемой частью нашего времени — грязные, голодные дети, захотевшие другой жизни, и уверенные, что иного выхода выжить у них просто-напросто нет.

Пропавшие в детстве

Статистика

По общим данным, сейчас в столице обитают 30 тысяч беспризорников. Из пяти тысяч задержанных в столице детей, почти половина инородные. По статистике самый большой приток беспризорных наблюдается из Украины — 14,5 процентов, приезжающих из Московской области около 10, в совокупности из всех субъектов Российской Федерации — 26,36, из Средней Азии — 7,3, Молдову покидают 6,4. Стоит заметить, что большинство мальчиков приезжают из Московской области, а вот девочки из ближайших стран СНГ.

Новые данные также подтверждают — большинство беспризорных имеют живых родителей. Так, 37,27 процентов опрошенных проживали в полной семье, 39,09 — с одним из родителей, 8 — с опекунами.

Анна ШЕРКУНОВА

МЕ

Эх, зачем

я маму
погубил...

Причины

Так почему же дети по собственному желанию уходят из дома? Прежде всего — жестокое обращение родителей. Ребенок не может терпеть постоянных побоев и унижений, а другого решения проблемы он не находит. Еще одна причина — нежелание или неспособность родителей содержать ребенка. Особенно остро эта проблема стоит в малоразвитых регионах нашей страны, чаще всего в многодетных семьях, где количество детей абсолютно не соответствует заработной плате родителей. Они-то и составляют категорию детей, отправляющихся на заработки в столицу и уже позже решающих остаться в ней навсегда. Самое удивительное, что порой родители и не замечают пропажи своего ребенка! Например, из 15 процентов сбежавших детей в розыск объявлено только 5! Это говорит о том, что в такой семье его абсолютно не замечали, или же он вообще был лишним.

К сведению, только 12,3 процентов маленьких бродяжек назвали обстановку в своих семьях нормальной. 30 — были свидетелями частых ссор между родителями. 40,9 случаев — ссоры носили регулярный, почти ежедневный характер. Родители 34,5 процентов детей сильно злоупотребляли алкоголем и наркотиками, 19,09 — судимые за различные, в том числе и тяжкие преступления.

Множество беспризорников следовали примеру своих старших братьев или сестер, в свое время тоже убогавших из дома, столкнувшись с непониманием со стороны взрослых. Однако ж они быстро возвращались, в отличие от своих младших родственников.

В России зарегистрировано 5,2 процентов насильно удерживаемых сбежавших детей. Чаще всего они содержатся в притонах и становятся проститутками или же используются как бесплатная рабочая сила в строительстве домов. Возраст рабов колеблется от 12 до 16 лет.

Данные преступления раскрываются крайне редко, порой дети сами(!) идут на такие заработки, чтобы хотя бы как-то себя содержать, покупать еду, одежду... А вырвавши-

ся из плена, либо занимаются дальше бродяжничеством, либо уезжают в свой город (что крайне редко), но заявлений на своих мучителей не подают.

Но бывают и другие причины побега из родного дома.

Дромомания*¹

Этот феномен давно изучается психологами, и до сих пор никто не может с точностью дать точный ответ, что такое дромомания, и чем она вызвана. Подростку просто необходимо слоняться по улицам, ночевать в подъездах и подвалах, кататься на автобусах и как можно реже появляться дома. Вы можете смеяться, но даже в литературе существуют примеры дромоманов. Самый знаменитый из них Том Сойер, который ушел из дома, имея за спиной вполне благополучную семью.

Вот что говорит про дромоманию профессор Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского, доктор медицинских наук Н. Вострокнутов: "Нынешнее сиротство не физическое, как было в послевоенные годы, а при живых родителях — настоящая социальная патология. Дромомания развивается из-за отсутствия привязанности к маме, папе, сестре-брату, бабушке-дедушке. Ведь чтобы исчезнуть надолго, надо совсем не думать, что своим уходом ты заставляешь волноваться родных людей. Малолетние бродяжки эмоционально глухи. У них нет семейного тыла, домашней защиты. В 1999 году в России насчитывалось 674 тысячи детей-сирот, сейчас эта цифра чуть уменьшилась, но это не обозначает, что проблемы нет вообще. Что означает сирота во младенчестве? Это рахит, недоедание, запущенные болезни и т.д. В итоге три четверти беспризорников отстают в физическом и умственном развитии. Что касается дромомании — это психическое заболевание, заметив которое, нужно бить тревогу и срочно вести ребенка к психологу".

Беспризорник Саша (11лет) убегает из дома в шестой раз, и в шестой раз его ловят

¹ Дромос — бегство, мания, одернимость, влечение.

и возвращают домой. "Я не знаю, почему я постоянно сбегаю. Я не слышу никаких голосов, зовущих меня куда-то. Просто мне нравится быть самостоятельным. У меня там (на Киевском вокзале) много друзей. Нам интересно всем вместе добывать еду! Знаешь, иногда смотрю телек и кажется, что вся жизнь у вас ненстоящая! Мы же всегда боремся за кусок хлеба, за лишний глоток воды! Драки? Конечно! Ну, это ж настоящее, не придуманное, понимаешь? Мы отстаиваем свою территорию! А добро, как известно, должно быть с кулаками!" — звонко засмеялся Сашка. На мой вопрос, не жалко ли родителей, ответил: "Ну, конечно, жалко. Мамку особенно. Но у нее тоже сейчас вроде новый муж — дурак полный! (словом дурак заменяем непечатное). Я с ним не знаюсь. Батя бухает, ему не до меня. А я нормально! На голод и холод не жалуюсь. Еда почти всегда есть. Тем более я уже привык питаться одним черным хлебом месяцами!"

Как мне стало известно, Саша проходил психиатрическую экспертизу аж три раза! Но все врачи сходятся на одном — он абсолютно вменяем.

Таких как Саша много, и этот странный феномен необъясним. Самое страшное — что порой причины такого аномального детского поведения кроются в травмах, когда-либо причиненных ребенку либо более старшими товарищами, либо самими родителями. Так мне, например, рассказывали, что когда Саше было девять лет, над ним измывался некий старшеклассник. Возможно, именно чувство глубочайшей обиды и ненависти заставили Сашу сделать опрометчивый шаг...

Чтобы вовремя понять и помочь своему ребенку, обратите внимание на некоторые ПРИЗНАКИ расстройства, приводящие к различным плачевным результатам, в том числе и к дромомании.

— нарастание замкнутости (молчаливость, охлаждение к близким людям, жестокость);

— "патологические хобби", среди таких увлечений может быть вычерчивание бессмысленных планов, расписаний, чертежей;

— часто наблюдается нелепое коллекционирование очень странных предметов;

— при этом подросток бывает крайне озлоблен, когда окружающие "мешают" заниматься любимым делом;

— появление неопрятности, отказ мыться;

— нелепые, вычурные фантазии, часто окрашенные мрачными красками.

Если у вашего ребенка наблюдается хотя бы один из этих симптомов, самое лучшее, чем вы можете ему помочь, незамедлительно обратиться к психотерапевту!

Вместе весело шагать

Сейчас весьма распространен более веселый для ребенка побег из дома — групповой. Все чаще в хрониках появляется информация о нескольких пропавших детях. Конечно, это опять-таки связано с неблагоприятием их условий жизни. Они думают, что убежать можно от вечно пьяных родителей, недоедания и грязи, царящих в их домах. Примечательно, половина из убежавших спустя какое-то время самостоятельно возвращаются домой! А те, кто находится на улице больше двух месяцев, считаются без вести пропавшими, хотя многие из них просто не имеют возможности вернуться к родителям!

Почему же дети все чаще убегают в компании своих друзей?

Ребенок просто не может существовать один. Если он фактически теряет родителей, то единственная надежда и опора для него — такие же, как он, обездоленные, не видящие иных выходов для выживания.

Как у любого объединения, в таких компаниях тоже должен быть свой неформальный лидер. Как правило, им становится более старший ребенок, зачастую именно он и является инициатором побега. Типаж его весьма предсказуем — обычный хулиган, стремящийся быть главарем в банде малолеток. Своего авторитета добивается типичными способами: побоями, унижениями и строгими наказаниями. Из-за чего вызывает глубочайший страх и, соответственно, уважение.

Тем, которые отошли от дел, порой жестоко мстят. Их называют теплыми, то есть вернувшимися к прежней, "позорной" домашней жизни.

Счастье беспризорника

Не имея нормальных радостей детства, беспризорники развлекаются, как могут. Клей "Момент" для них не канцелярское средство, а способ уйти от жестокой реальности. Многие ежедневно употребляют различные наркотики. Самый дешевый и легкодоступный, конечно же, — клей. Им балуются 17,2 процентов детей. После шестилетнего употребления этого токсичного средства полностью разрушается мозговая деятельность ребенка, попросту говоря, он становится умственно отсталым!

Что уж удивляться таким данным: 35-36 процентов детей имеют органические поражения нервной системы, 11-12 страдают умственной отсталостью, у 24-25 обнаружены личностные расстройства.

Так запрещать или не запрещать продажу клея несовершеннолетним? Фактически, это нереально. Каждый токсикоман имеет свою точку продажи, особенно на вокзалах, где все давным-давно схвачено местными бандитами. Этим людям наплевать на беспризорников, в их же интересах снабжать детей клеем, так как и они, в свою очередь, оказывают им услуги. В частности, беспризорники распродают наркотики, взамен получают продукты питания, места для ночевки.

Грабежи у бродяжек — своеобразная игра, занятия на вечер. Больше половины совершаемых несовершеннолетними преступлений приходится на долю беспризорников! Многие из них еще даже не достигли возраста уголовной ответственности! А чувство безнаказанности, как известно, — еще больше побуждает ребенка к совершению проступков.

Помощь, которая нужна

Недавно мэр столицы Юрий Лужков отдал распоряжение о строительстве целого центра по профилактике бродяжничества! Находиться он будет на Алтуфьевском шоссе. Круглосуточно туда станут принимать детей в возрасте от четырех до восемнадцати лет из всех уголков России и ближнего зарубежья. К сожалению, количество мест для

беспризорников ограниченное, всего на сто человек. Но будем надеяться, что со временем число таких центров увеличится и там дети хотя бы получат нормальную еду и теплые зимние вещи!

Самая известная благотворительная помощь — Центр помощи беспризорным детям ТПП (торгово-промышленная палата) РФ. Он активно ведет борьбу с беспризорностью, и оказывает социальную помощь обездоленным.

Адрес: 129301 Москва, Чистопрудный бульвар, д. 5/10, с.1, комн. 111, 211, 405. Телефоны: 231-1984, 730-7708.

Вот также некоторые телефоны, по которым вы можете обратиться со своими вопросами, касающимися данной темы:

200-99-77 ГУВД Москвы (по вопросам попрошайничества, бродяжничества, безнадзорности).

291-06-65 Комитет соцзащиты (для подвергшихся насилию и по вопросам детской беспризорности).

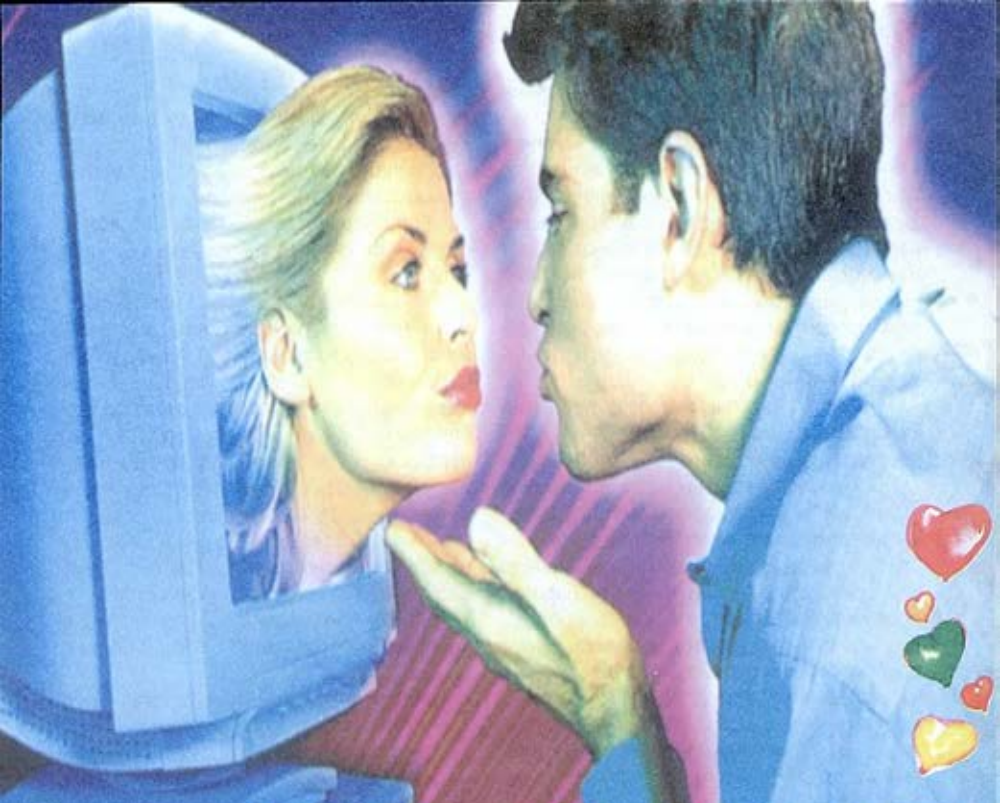
291-34-78 По вопросам бродяжничества и попрошайничества.

ОРДЕН МИЛОСЕРДИЯ (помощь попавшим в беду детям):

402-14-27; 402-14-31.

P. S. Большие мегаполисы имеют особую, даже мистическую притягательность для беспризорников. И можно понять, почему. Ведь прежде всего беспризорники — это дети. Соответственно, и мыслят они по-детски, не смотря на напускную колючесть и нечеловеческие условия жизни. Столица притягивает, как огромное королевство, в котором обязательно должно найтись место для слабой и раненной души ребенка. Но, к сожалению, мечта о сказке, в которой он будет самостоятельным и уважаемым, остается всего лишь детской мечтой. Беспризорные дети — прежде всего, болезнь общества... Недавно наш президент поручил премьер-министру принять меры по предотвращению бродяжничества в России. Надеюсь, это произойдет в самое ближайшее время. Ну а пока детям лишь остается строить воздушные замки об их якобы беззаботной и веселой жизни, а нам сочувствовать и ждать.

фото **Владимира Чейшвили**

Виртуальная любовь

Теоретический
практикум
от Елены
ЗАХАРОВОЙ

■ Как нынче знакомятся молодые люди друг с другом? Наверное, как во все времена — и просто, и сложно. Но вот новый XXI век, в силу технических возможностей, оказался впереди всех прошедших веков и традиций...

Чего только нельзя сделать сегодня через Всемирную Паутину! Начиная от покупки дивана, заказа ужина на дом и заканчивая просмотром последних событий в мире или фильма с какой-нибудь голливудской знаменитостью. И все это с помощью всего нескольких нехитрых нажатий парочки-другой кнопок, да еще не выходя из собственной квартиры. Вот так просто — в любимых мягких тапочках, с чашечкой чая ... а весь мир перед глазами, только успевай усваивать информацию.

Подобный комфорт привлекает и расслабляет. Чем бы еще себя развлечь? Что добавляет разнообразия в жизнь, заставляет улыбаться и раскрашивает мир в более яркие цвета? Конечно, знакомства с новыми людьми, а затем легкий флирт, кокетство и заигрывания. И что может быть проще, чем делать это через Интернет? Не надо судорожно раздумывать, что надеть на свидание, стоит ли соорудить новую прическу, делать ли маникюр? Все намного удобнее: не вылезая из любимого кресла, не укладывая старательно волосы и не глядя, чертыхаясь, наряд, можно найти себе виртуальную любовь. Мало того, именно через Паутину есть возможность создать о себе то впечатление, которое вам наиболее выгодно: умного, привлекательного и остроумного человека, да еще и с недюжинными способностями к флирту и завлечению противоположного пола.

Как это будоражит кровь! Напишешь что-нибудь своей виртуальной половинке и думаешь — во как сказанул! Вряд ли сумел бы так, глядя в глаза практически незнакомому человеку. Ах, какой я остроумный молодец!..

Интернет кишит сотнями и тысячами разных сайтов знакомств — поверьте, там есть все: и для нормальных людей, и для ищущих что-то необычное, и для откровенных извращенцев. Так называемые чаты, что в переводе с английского означает "болтать или трепаться", — это бесконечные коридоры виртуальных комнат, где встречаются и знакомятся. Есть такие, где уже по несколько лет делятся романы, где друг друга хорошо знают, и первое, что че-

ловек делает, придя с работы, — кидается к компьютеру и спешит к своим "друзьям". Вот оно будущее, безоблачное счастье всемирной дружбы, о которой все так долго говорили и мечтали, а наступила она только в двадцать первом веке! Однако не все так сладко и по-детски красиво, как кажется по началу.

Знакомства по Сети бывают разными. Например, просто с целью ничего не значащего флирта или самоутверждения за счет несметного количества поклонников. Но ведь есть те, кто действительно ищет свою "половину", хочет не просто завязанных на переписке через компьютер отношений, а настоящих встреч, романтики и серьезного продолжения. В таком случае, заполняется анкета с собственными данными, как можно больше приукрашивается характер и выбирается "самая-самая" фотография: уж выглядеть — так выглядеть! И не задумываются, что представление о себе и подретушированная на фото внешность далеко не соответствуют реальной действительности. Те, кто не раз на этом обжигался, в один голос твердят одно и то же, — в Сети серьезно настроенных людей не бывает, все происходит либо от нечего делать, либо объявляются ловеласы "на одну ночь". В жизни у "принца из Сети" вполне обыкновенный вид и совершенно незамысловатая речь, не то, что в чате! Да и нос на фото поменьше, не видно... Владельцы сайтов не скрывают и совершенно не стесняются своей статистики: из всех произошедших в реальности встреч в дальнейшем хоть каким-то общением заканчиваются максимум два процента из ста. А уж сколько забавных и глупых ситуаций происходит от подобных попыток виртуальной любви!

Конечно, основа всех комичных ситуаций в том, что во время разговоров в чатах практически никто не пользуется собственным именем. Его заменяет вымышленное прозвище или какое-либо слово. Короче, ты — никто, и зовут тебя — никак. Поле для фантазии совершенно безгранично, что, конечно же, является очередным способом привлечь внимание. Открывая страничку чата, вашему взору предстают ангелочки,

лапочки, красавицы и прочие привлекательные ники. Само собой, стесняясь, как обычно, родного языка, для написания сетевого имени используется английский или, на крайний случай, русское слово латинскими буквами. Как вам, например, *krasotka*? Или *laskovaia murka*? Чем не прелесть?

Впрочем, не все ники имеют под собой какое-то слово, иногда это может быть только аббревиатура или вообще симпатичный на слух набор букв. Вот тут-то и кроется подвох: если ник безличный, то как определить половую принадлежность владельца? Ведь не все столь откровенны и честны, что признаются при входе в чат о своем возрасте и поле. Забавные ситуации по этому поводу случаются сплошь и рядом. Например, мой хороший друг познакомился в чате с девушкой под ником Ива. Он в этом деле человек совершенно темный, да и на "страничку для трепа" попал случайно. Ну, девушка как девушка, и вдруг сама назначает ему встречу, оговаривает место и время. Само собой, друг в шоке — целый день судорожной подготовки к свиданию, постоянные звонки мне, как лучшему другу и советнику, ну, в общем, все как полагается у нормальных несетевых людей.

Однако, когда я потом попыталась его подробно расспросить о виртуальной даме сердца, он тщательно скрывал глаза и отмалчивался. Как выяснилось, его Ивой оказался парень. А на вопрос, почему же ник Ива, парень честно ответил, что это просто сокращение от его Ф.И.О. Например, Иващенко Валентин Александрович.

Кстати, о нетрадиционной любви. Как известно, словно заразная болезнь или гангрена, всеобщий ажиотаж распространяется именно на то, что на сегодняшний день наиболее модно. Модно красить волосы в зеленый цвет? Так сразу же сотни парикмахерских объявят это своим коньком. Модно писать названия только на английском? Пожалуйста, все гастрономы сменяют вывески на супермаркеты. Модно проповедовать нетрадиционную любовь? Да, на этой волне ни один уважающий себя Интернет-портал такую возможность привлечь к себе внимание не упустит. Это же живые

деньги, неужели позволить им мимо проплывать! Вот и наплодилось несметное количество чатов "для таких". Зайдешь в них, и в глазах все плывет — сразу начинает казаться, что весь мир сошел с ума и человеческий род близок к вымиранию. Слишком много людей обсуждают "новую любовь". Уж было бы чего нового... Вспомним Содом и Гоморру. Но ведь — нет! Как же тянутся туда все новые и новые желающие пообщаться, посмотреть, что же это такое, раз об этом теперь все говорят.

Кстати, в России достаточно постоянный и стабильный доступ в Интернет имеет только четыре процента населения, а в Европе и Америке ситуация намного свободнее и стабильнее. Стоит задуматься. Заокеанские психологи всерьез обеспокоены: появился даже термин, который обсуждается на уровне научного — "Интернет-зависимость". То, что нам представляется неким невинным развлечением, на самом деле для некоторых психически склонных к этому людей становится серьезной проблемой, сродни никотину и наркотикам. Все дело в том, что есть люди, которые в силу свойств характера с трудом переносят большие скопления народа, не любят шумных вечеринок, да и вообще достаточно нелюдимы. Так вот именно им и грозит опасность "влипнуть" в Интернет. В нем практически отсутствует цензура, можно вести себя насколько угодно развязно и изображать то, чем совершенно не являешься в действительности. Большинству людей свойственна агрессия и склонность проверять границу "разрешенного", при условии, если они будут точно уверены, что это ненаказуемо. И именно Всемирная Паутина дает практически неограниченный простор для таких экспериментов.

Имеются случаи, когда все заканчивалось в психиатрической клинике, где пациент продолжал утверждать, потрясая немтыми лохмами, что только его "друзья" по Сети по-настоящему понимают его, ценят и любят. Конечно, это скорее исключение из правил. На сегодняшний день, самой распространенной "сетевой проблемой", по мнению западных психологов,

считается супружеская измена. Но не реальная, а через Интернет! Всем хорошо известно, что лучший друг семьи у западных людей — личный психолог. Так вот, многие семейные пары приходят к нему с одной и той же проблемой — на личную электронную почту второй половины приходят различные откровенные письма, фотографии и тому подобное. Результат — ревность, ссоры и все прилегающее. А вторая половина на это отвечает — ну как можно ревновать к какому-то там Интернету и флирту через Сеть? Мы ведь даже никогда не встречались! И вообще, кто-то из них живет в Австралии, в Греции, а еще пять — где-то в Африке! Дорогая (дорогой), ну как можно так глупо себя вести!..

Смех смехом, а статистика утверждает, что треть разводов происходит именно по этой причине. И не только потому, что в своей виртуальной любви человек начинает замечать больше приятных и импонирующих ему качеств, чем в своей реальной жизни. И далее все по запланированному сценарию — ссоры, обиды, ревность, и как результат — глупый развод.

Иллюстрация к этому вопросу тоже довольно забавна: про одну пару из Франции. Они долгое время жили вместе, назначили уже срок свадьбы — в общем, все как у людей. И вот мужчине приходит совершенно случайно через сайт знакомств приглашение от симпатичной девушки — пообщаться в таком-то чате. Речь не шла ни о какой измене — обычное общение. Но оно затянулось — каждый день он на работе по Сети разговаривал с виртуальной девушкой, которую никогда в жизни не видел, но на фоне собственной будущей жены она выглядела гораздо более остроумной, доброй и заботливой. Постепенно ему начало казаться, что любовь с живой девушкой как-то меркнет по сравнению с нежными и трепетными отношениями с виртуальной. И когда до свадьбы оставалось буквально три недели, он решил выяснить отношения и разорвать уже неинтересную и непривлекательную перспективу брака. Слезы, крики, битая посуда... Только совершенно случайно, по какому-то наваждению, он признал-

ся, что полюбил другую — пусть никогда ее не видел в реальности, но она потрясала его, умная, и, вообще, такое сильное чувство у него в жизни впервые. И тут его будущая супруга призналась, что тоже грешна по этой части — уже на протяжении довольно долгого времени у нее роман с неизвестным мужчиной через Интернет. Стали смотреть письма. Оказалось, что все это время они переписывались и постепенно влюблялись... друг в друга!

Свой случай они разместили на специальной страничке в Сети — как наглядное пособие "чего не надо делать".

Само собой, идилия и такие совпадения — вариант один на тысячу. Через некоторое время явно начинаешь понимать, что виртуальное общение, конечно, чрезвычайно классно и здорово, но то, что ты знаешь о своих друзьях в реальной жизни, и близость с ними — такого уровня через Интернет достигнуть невозможно. Обмен фотографиями и обсуждение последних новостей — еще не полнота счастья, потому что есть привычки, манера общения, характер, к которому привыкаешь постепенно. Как признаются многие, кто неоднократно пробовал флирт и встречи через сайты знакомств в Сети, во время общения в чате достигается какой-то уровень близости, тебе кажется, что этого человека ты знаешь давно и даже позволяешь себе говорить ему всякие нежные и ласковые слова. А потом, при встрече, понимаешь, что стоишь в глаза с каким-то совершенно незнакомым тебе типом. Он глупо себя ведет, да и сам ощущаешь неловкость и напряженность в общении. Получается, что виртуальный и придуманный тобой образ никогда не совпадает с действительностью. И хорошо, если реальность не шокирует и не разочарует, а напротив, чем-то приятно удивит или порадует. Не нами сказано: мухи отдельно, котлеты отдельно. Не стоит самостоятельно ставить себя в ситуацию — "молоко вдвойне смешней, если после огурцов". А если точнее, зачем смешивать несовместимое? Виртуальные отношения пусть и остаются такими, незачем пытаться превратить их в реальность... ■

путевые заметки

Бертрана Вьедливого, нижонца и экстремала

зод, во время двухдневной остановки в городе Воронеже.

В даль железнодорожных путей, рядом с нашими автомобильными платформами, к домику путевых обходчиков шла крупная, ОЧЕНЬ, женщина в железнодорожной форме и разговаривала с кем-то:

— Ты не мужик, а какое-то горестное отвлечение! — возмущается она.

Я сначала подумал, что женщина "с метелью" в голове, общается "сам на сам", но, приглядевшись, увидел, что у нее через плечо, словно полотенце, перекинут худощавый до чрезвычайности мужчина с прилипшей к губе сигаретой, в оранжевой куртке путевого обходчика. Судя по всему, на мочу плече дамы он чувствовал себя настолько защищенным, что позволил себе крепкий сон, с ярко выраженными сновидениями, судя по неконтролируемым бликам его лица. Увидев меня, а это было сделать нетрудно, ибо я и присоединившийся ко мне экспедитор Маклаков (он, между прочим, все деньги ему причитающиеся... и даже чуть больше, ПОЛУЧИЛ!), раскрыли дверцы "фольксвагенов" и с вальжанностью театральных завсегдатаев наблюдали эту сцену, железнодорожная леди-исполиин поинтересовалась:

— Вы что, придурки?

Беря во внимание необычность ситуации и внешний вид дамы, мы молча пожали плечами, как бы говоря: "Что поделаешь, не уродились".

— Вот, — женщина ткнула пальцем в расслабленные ягодицы перекинутого через ее плечо мужчины, — сплошное недоразумение, зараза худощавая, а не муж. Пятьдесят лет и никакой тяги к благородию. А вы, придурки, что здесь делаете? — с подозрением посмотрела на нас женщина. Видимо, она служила какой-то чиновницей МПС и подозрение было ее профессиональной обязанностью.

— В Москву едем, — откровенно признался я.

— На "фольксвагенах", — уточнил Маклаков.

— Дураки, — осудила нас гранд-дама, — можно подумать, что в Воронеже дел никаких нет...

■ Я вернулся, на время, в Москву. Коротко и ясно — вернулся. Город любимый, как в песне, до слез. Слезы, как известно, бывают разные: от любви и от перцового баллончика, от восторга и от резки лука. В этом смысле Москва — город слез. Они ее визитная карточка. Но я не об этом...

Мой путь в Москву, в группе сопровождающей две платформы с никому не нужными в России "фольксвагенами" в составе грузового эшелона из Новороссийска, закончился. Я бы сказал — печально, но не скажу этого. По прибытии на станцию "Москва — Товарная", выяснилось, что у восьми "фольксвагенов" не хватило двух колес и, что уж совсем было дерзко, двух лобовых стекол. Цена недоразумения уложилась в ту цену, которая должна была стать зарплатой сопровождающим. Одним словом, никому ничего не заплатили. Я не огорчился, потому что не верил в это с самого начала и вообще, (ха-ха-ха!) не в деньгах счастье. В пути ничего интересного не произошло, запомнился лишь один эпи-

путевые заметки Бертрана Вьедливого, нижонца и экстремала

В это время "худощавая зараза" открыл глаза и непонимающе уставился на отдалившуюся от него землю. Помотав головой, он вполне доброжелательно посмотрел на линию спины, переходящую в знакомые ему объемы, и обращаясь к этим объемам, произнес, двигая в такт словам прилипшей к губе сигаретой:

— Лидок, дай прикурить, а то у меня руки чем-то заняты...

Дама сразу же покинула нас. И пока она шла, пока она не исчезла из поля нашего зрения, она разговаривала с "худощавой заразой", и если в природе существует художественный свист, то без сомнения, теперь я это точно знаю, существует и художественный мат. Более ничего значительного в пути не произошло. Я вернулся в Москву...

Московская, мартово-апрельская весна напрочь отрицает всякую лирику наподобие: "Ласточка с весной в сени к нам летит". Ни фига. Скорее злая, растрепанная баба, без всяких-яких бухающая сапогами по нарастающему снегу, проклиная водителями иномарок. И никакой первородной красоты в весне нет и не может быть. Март и начало апреля в Москве — это не весна, а безобразие. Впрочем, как и конец октября и начало ноября в Москве не осень, а нечто напоминающее залегендированный суицид. О других месяцах даже говорить не хочется, вспомните ГОРОД в тридцатиградусную жару июля или в гололедном феврале и вы поймете, что так жить нельзя...

У меня много весенних воспоминаний этого, 2004, года. В марте я бросил пить, с дуру даже пиво. И что же я увидел? Увидел, что моя карьера журналиста может рухнуть так и не начавшись как следует. Поэтому, предупреждаю, в мае я вернусь к пиву. Увидел, как передо мной с негодованием захлопнулись "двери" российских сюжетов. Проезд закрыт. Как вам теперь рассказать полностью вот, например, об этом доме (пяятиэтажка, Тушинский район, далее не скажу) номер три? Как я могу добраться до самой сути всего происходящего в нем и вокруг него?

В этом доме (в доме моего знакомого) со всех жильцов собрали по шестьсот рублей для оборудования подъездов цифровыми кодами. И я видел, во всех подъездах, кроме первого, эти коды действуют. В первом он исчез. Неудобен и дискомфортен код в подъезде, в котором целых две квартиры торгуют самогоном, пик спроса на который наступает глубокой ночью и длится до раннего утра, когда у жаждущих людей на излете и силы и деньги, которых, в принципе, у них никогда и не было в стадии взлета. Но, видимо, я не прав. Самогон сердит, прост, надежен и дешев в сравнении с водкой. Всю ночь напролет со всей округи бредут к заветным дверям усталые люди.

На фиг им нужен код, спрашивается? Вот его и вырвали, что здесь неясного? Вот и все, что я непьющий, могу рассказать... А если бы я выпил с ребятами и вместе с ними глубоко задумался о жизни и тяжелых утрах, наступающих в ней ежедневно, сходил бы с ними к источникам питья, которое, как уверяют знатоки, "в миллион раз лучше самопальной водки", то насколько полнее я рассказал о судьбах цифровых кодов по всей Москве. А причина "банальная, как жизнь, банальная, как смерть", я не пью.

Весна, весна, весна! Я не люблю весну в Москве. Мне больше по душе август в Гелленджике, но о нем я расскажу позже, в следующем номере...

Злая, растрепанная тетка Весна Ивановна Московская в кирзачах вечером, а утром открываешь глаза и чувствуешь каждой клеткой души и тела, вот она ВЕЛИКАЯ БЕССОННИЦА, вся в белом, легком и прозрачном от курьюе Весеннее Вдохновение. Она, Весна, Веснушечка, в лазеровом кокошнике. Что, впрочем, совсем не отрицает кирзовые сапоги к вечеру. Такова суть всякой лжи.

Весна и молодость пройдут, что самое удивительное, и старость тоже мимолетное явление, жизнь превратится в смерть и лишь только одно Бессмертие, непреложно, но к весне это не имеет никакого отношения...

Неделя крашенных яиц и куличей на хлебных лотках завершилась Красной горкой, Радоницей, поминовением усопших. Рейсовый автобус едва не расплзается по шву от обилия по походному одетых, приехавших в электричке москвичей с рюкзаками и сумками. Все спешат посетить родные подмосковные могилы, подремонтировать, очистить от мусора и зимнего забвения то, что уже давно и окончательно принадлежит Забвению. Такова жизнь и обаяние смерти. Я тоже "посетил печальный сей приют", Соколовское сельское кладбище...

Что мы, в принципе, знаем о смерти? Знаем, что это какая-то дама с косой в руке и без носа, вся в черном, которое, как известно, молодит пожилую женщину. Ну еще то, что это "даешь дубу, навиваешь хвоста, откидываешь копыта, наконец-то пить и курить бросаешь" и т.д. и т.п. Ни фига не знаем о смерти...

Живых на Соколовском кладбище в два раза больше, чем мертвых. К площадке перед входом подъезжают на убогих мотоциклах два мощных, осбруенных кожей, бородатых байкера. Точно таких показывают в американских фильмах, очередная современная вторичность российской действительности. К ним подходит то ли охранник, то ли милиционер, то ли просто "штатский в камуфляже".

— Здесь нельзя останавливаться и оставлять транспорт, — рискнул он сделать замечание "монстрам в коже".

Один из байкеров, борода как у викинга, огромная и рыжая, угрюмо взглянул на него и, сняв с багажника корзину крашенных яиц около 50 штук, молча сунул в руки стражнику. Второй, видимо, более культурный, сунул ему в нагрудный карман сотню. Так же, не говоря ни слова, сняли со второго багажника большую сумку и скрылись в

глубине кладбища. Охранник, подстелив газетку, присел на бордюр возле мотоциклов, достал из кармана военизированных брюк ее, ПРОКЛЯТЮЮ, в стеклянной 0,5 бутылке, очистил яичко и как говорится "с Богом!", прямо из горлышка.

Так что русские байкеры богобоязненные люди, белые и пушистые.

После экскурсии по кладбищу я пошел на торговую площадку перед автобусной остановкой купить продуктов, в смысле что-нибудь съесть, а там, несмотря на воскресный день, пустые лотки, никто не торгует, одна милиция ходит.

— Куда рынок делся? — спросил я у знакомого сержанта.

— Сегодня на всякий случай не работает, — объяснил сержант, — здесь же одни азербайджанцы, а сегодня день рождения Гитлера.

Ничего себе, подумал я, логика. По этой логике, в этот день в России не должен работать ни один продуктовый рынок.

— Не Гитлера, а Ленина, — поправил я сержанта.

— А какая разница, — пожал он плечами, — все равно опасно...

И все-таки, думал я, возвращаясь в Москву на электричке: что мы знаем о смерти? Почти ничего. Все, что знаем — только со слов врачей, которые сами знают лишь о причинах смерти, но собственно о ней "ни в зуб ногой" — сами постоянно мучаются вопросами в одиночестве и ранними утрами: "Смерть, а смерть, как там у тебя дела, скоро ли ты нам личико откроешь?" Иногда так и хочется топнуть ногою на всяких этих, что "собак ножами режут", в смысле "доцентов с кандидатами", и крикнуть: "Доколе помирать-то будем, сколько можно? Когда вы, бездельники, нас наконец до "мафусаилости" продлите, лет так до семисот хотя бы и чтобы все это время у нас было холодное пиво, юные тетки под рукой и не пустой холодильник со всеми удобствами". Одним словом, у меня весной всегда депрессия, хочется куда-нибудь на Гавайи или хотя бы, в крайнем случае, в Геленджик...

Продолжение следует.

Крылья мечты

Марина ФЕТИСОВА

пы

Рожденный ходить по земле, человек всегда мечтал о небе. Может быть, лишь в детстве, может, только во сне, но мечтал обязательно. Для большинства это так и остается детской мечтой, некоторые стремятся к ее осуществлению в реальной жизни. И они действительно летают. Для них не имеет значения, есть ли на земле взволнованная толпа, или их полет увидят лишь немые скалы, и уже совсем не важно, сколько придется лежать "с забинтованной ногой" после неудачного приземления. Главное, мечта живет...

История создания безмоторных летательных аппаратов тяжелее воздуха начинается в конце XIX века. Основателем планерной авиации считается Отто Лилиенталь, который нашел объяснение тому, почему птицы умеют держаться в воздухе без единого взмаха крыла, то есть парить, используя восходящие потоки воздуха. Летательные аппараты того времени своей формой действительно напоминали птиц, и продолжительность их полета составляла не более 30 секунд.

Планеризм начал активно развиваться только после Первой мировой войны. Именно тогда возник планер в современном понимании этого слова. Однако из-за своей большой массы он мог подняться в воздух только при использовании какого-нибудь вспомогательного средства.

Наконец в конце 60-х годов появились аппараты, названные дельтапланами, так как по форме напоминали греческую букву (дельта). Первые полеты на дельтапланах вдоль калифорнийского побережья в 1971 году продолжались уже больше часа.

В Россию первый дельтаплан привез Михаил Борисович Гольберг в 1975 году. Только не сам аппарат, а его чертежи. На создание дельтаплана потребовался год работы научно-технической группы "Дельтаплан", которую Гольберг в 1975 году основал на базе Московского Авиационного института (МАИ).

Дельтапланеризм в нашей стране сразу же стал очень популярен. Уже в первые годы в клуб приходили по 200 новых членов ежегодно. Правда, после "нелегкого испытания теорией" к концу года оставалось человек двадцать. Главная проблема состояла в отсут-

ствии материалов для постройки новых дельтапланов. Как делались первые дельтапланы? А как у нас все делается — из ничего. Труб не было, приходилось пилить шесты для прыжков, вместо специальной ткани натягивали обычную болонью (в общем, "из отечественных материалов").

В прошлом году дельтаклуб МАИ отметил двадцатипятилетие. Родившись как студенческая организация, клуб сохранил систему управления клубным советом, но студенческую сущность утратил. Бывшие студенты, пришедшие в клуб еще в семидесятых, снисходительно объясняют малую активность современных студентов занятостью, необходимостью зарабатывать и т. д. А может, мы просто обленились, привыкли к комфорту и легко забываем свои мечты?

Сейчас учиться летать непосредственно на дельтаплане в клуб приходит 1-2 человека в год (помимо дельтапланов, в клубе летают на мотодельтапланах, парапланах и мотопарапланах). Так что дельтапланеризм очень может превратиться в спорт для избранных. А уж массовым, модным видом спорта дельтапланеризм вряд ли когда-нибудь станет. И этому есть несколько объяснений. Во-первых, дельтаплан отнюдь не маленький аппарат. В сложенном виде его длина составляет несколько метров. Во-вторых, он весит около 35 кг, и мало того, что его необходимо дотащить до места полетов, так ведь надо еще и взлететь, что требует значительного разбега. И никто не гарантирует, что вы сразу же взлетите. Можно разбежаться пять раз и остаться на земле. Вы пробовали когда-нибудь быстро бегать, имея 30 — 40 кг груза на руках? Наконец, чтобы собрать дельтаплан, надо представлять себе, как ЭТО делается! Стоят ли несколько минут полета многочасовых усилий по сборке и перемещению громоздкого аппарата? Да, стоят! Люди готовы отдать жизнь за мгновение в воздухе.

Раньше все эти трудности были неизбежным условием для тех, кто хотел летать. Теперь есть альтернатива — параплан. Это безмоторный летательный аппарат, состоящий из крыла, сшитого из специальной ткани, и подвесной системы, то есть нечто похожее на парашют, только стартующее с земли и управля-

Для тех, кто еще не осознал своего счастья, повторяю: КАЖДОМУ. Стоит только захотеть, и вместо того чтобы валяться на диване, вы будете смотреть на нашу родную землю с высоты птичьего полета. Таких ощущений не найдешь ни в одной книге, не получишь от просмотра даже самой гениальной пленки! И в принципе не важно, на чем лететь — на дельтаплане ли, на парaparplane — главное, это лететь.

Спрашивать об ощущениях, которые человек испытал во время полета, практически бесполезно — описать их словами никому не удастся. Но я все-таки попробую. Первое впечатление — огромная сила воздуха, способного поднять человека, словно пушинку. Сам парaparplane совсем не тяжелый — около 6 кг, веса воздуха мы вообще не ощущаем — и вдруг могучая сила отрывает тебя от земли, мгновение — и ты летишь. А дальше представьте сами, никакие слова не сравнятся с вашим собственным воображением.

Однако не рассчитывайте, что вы придете на первое занятие и сразу улетите за облака. Можно, конечно, пристегнуть человека, поднять купол, и он полетит. "Мешок с картошкой тоже улетит... Однако это еще не значит, что он умеет летать на парaparplane". (Это цитата из объяснения инструктора.) Не знаю, что ощущают опытные пилоты, так как дальше уровня мешка с картошкой я пока не продвинулась, но скажу вам, полет даже в таком качестве — все-таки полет и дарит незабываемые впечатления. Могу представить, какие чувства испытывает человек, который еще и понимает, что с ним происходит.

Кого не берут в планеристы? В общем, берут всех желающих. Даже особой физической

емое человеком. Парaparplane появились в девяностые годы — и завоевали весь мир. При полете, как и дельтаплан, он использует потоки воздуха: термические (от перепада температур) и динамические (при огибании воздухом препятствий). Парaparplane уступает дельтаплану и в скорости и в дальности полета и даже, как полагают некоторые специалисты, в надежности. Однако его огромными преимуществами являются сравнительная простота в обращении, малый вес, компактность в сложенном виде и комфорт при полете. Полет на парaparplane не требует особой физической подготовки, поэтому доступен практически каждому.

подготовки не требуется. Относительно здоровых, хотя бы в детстве друживших со спортом. Главное — желание. Только если уж начал заниматься, пропускать тренировки нельзя ни в коем случае, базовое умение остается, но навык уходит — тело забывает движения, возрастает опасность травмы. Парапланеристы как никто зависят от погоды. (Дельтапланы более терпимы к погодным условиям.) Нелетной для параплана считается погода, когда ветер превышает 6 м/с, идет дождь или мокрый снег. В такую погоду не то, что летать, ходить не хочется. К тому же не забывайте, что полет на высоте не то же самое, что прогулка от метро до дома.

Первое занятие проходит на земле. Сначала инструктор не отходит от ученика, в дальнейшем дает задание и "ведет" его: рассказывает о воздушных потоках, учит определять скорость и направление ветра, поднимать крыло. Жестко установленных сроков обучения не существует, все зависит от способностей ученика, но уже на первом занятии можно сказать, полетит человек или нет. Это все-таки спорт, не то, что заплатили — полетели, надо приложить усилие. В среднем обучение занимает 8 — 10 занятий.

По окончании обучения проводится внутренний экзамен, при успешной сдаче которого присваивается 3-й спортивный разряд и ученик получает право летать в любом клубе и участвовать в соревнованиях.

На полетах иногда используют радиостанцию, чтобы подсказывать пилоту с земли. Но это делается редко, только если нужно исправить какую-то ошибку. Если человеком все время управлять, он отучится думать и однажды влетит в дерево, не получив команды свернуть. Так что в воздухе вы останетесь один на один со стихией.

Но это случится еще не скоро, а пока самое главное — форма одежды. Инструктор уделяет одежде очень большое внимание, так как часто неправильная экипировка становится причиной травмы. В общем обычная походная форма. Желательно исключить все детали, которыми можно за что-нибудь зацепиться, например, крючки на обуви. Обувь должна закрывать и поддерживать голеностоп, ведь именно на него приходится основ-

ная нагрузка при приземлении, и при этом быть достаточно удобной — не забывайте, чтобы взлететь, надо разбежаться.

В Интернете я нашла забавный способ определения скорости снижения в отсутствие других ориентиров. Достаточно просто плюнуть. Если ваш плевок пошел вниз — вы снижаетесь нормально. Если завис в районе лица — с вами при приземлении произойдет примерно то же, что и с ним. Если со свистом ушел вверх...

— При падении с 30 метров техника не ломается, — поясняет заботливый инструктор, — но, если серьезно, полеты на высоте от 5 до 30 метров действительно самые опасные. И то, что вам страшно, это нормально.

Начнем с того, что страх — естественное человеческое чувство. Если человек испытывает страх, когда его жизни угрожает опасность, это даже хорошо, как говорится, целее будет. Но многие панически боятся высоты. Такие, как правило, по доброй воле в горы не лезут и летать на чем бы то ни было не стремятся.

Что же привлекает остальных? Борьба со стихией и азарт соревнований, красивые пейзажи и веселая клубная жизнь, общение с интересными людьми, очень разными, но сходными в одном — любви к полетам. Для них это больше, чем спорт. Это образ жизни. Далеко не все члены клуба участвуют в соревнованиях. А их существует много: от классических на открытую дальность (рекорд параплана 335 км) и набор высоты (4 526 м). И далеко не каждый готов пять часов болтаться в воздухе, только для того, чтобы доказать, что он летает дальше и выше всех. Особый вид соревнований — по азробатике, которые проводятся в основном над водой (падать больно, но не смертельно).

Когда пилот достигает определенного уровня мастерства, он может пройти курс под названием SIV — отработка поведения в нестандартной ситуации. Когда намеренно создается "какая-нибудь неприятность" и пилот тоже, как правило, над морем пытается ее устранить. Это полезно, так как если человек хочет летать долго и счастливо, ему надо знать, что делать, когда все хорошо, но и когда не все хорошо.

А теперь о безопасности.

Со времён Дедала и Икара техника значительно продвинулась, но несчастные случаи происходят и сегодня и, к сожалению, нередко. Есть такая шутка у парашютистов и мотопарашютистов: "парашютисты делятся на две группы: те кто получил компрессионный перелом позвоночника и те, кто еще получит".

Пара- и дельтапланеризм относятся к экстремальным видам спорта. И что удивительно, при большей скорости и высоте полета дельтаплан, как уже говорилось, считается более безопасным, чем "спокойный" парашют. Дело в том, что редко человек травмируется в воздухе. Все случается именно при контакте с землей, и имеющий жесткую конструкцию дельтаплан предохраняет человека от прямого удара, в то время, как парашютист неминуемо встречает землю своим телом.

Спрашиваю инструктора, опасно ли летать на парашюте. Отвечает:

— Вот на машине ездить опасно? Опасность определяется квалификацией спортсмена. Степень риска каждый определяет сам. В общем, если есть голова на плечах, то не опасно. Так, травматизм по мелочам — пальцы, руки... Чего вы хотели — это же не шахматы!

Самый опасный период — когда кое-что уже получается и кажется, что можешь все. Парашютизм — очень коварный вид спорта. Уже на первом занятии можно оторваться от земли — и кажется, что ты кое-что умеешь. Так вот это неправда — оторваться от земли, еще не значит лететь!

Другая группа риска — опытные спортсмены, в соревновательном азарте лезущие туда, куда не надо. Попадают и совсем "отможенные" (выражение одного из пилотов), которые серьезно полагают, что тормоза придумал трус. Такие, как правило, долго не живут, однако часто занимают первые места.

Не случайно, наверное, с 1995 года все страховые компании в 10 раз увеличили процентные ставки для парашютистов. Кстати, о страховке. Однажды за границей наш человек по русскому обычаю летел в одну сторону, смотрел в другую, и, что закономерено, зацепился за уступ, на котором и остался. Снимали его с вертолета в течение

нескольких часов, что, сами понимаете, не дешево. Так что лучше застраховаться, а то вдруг...

Как же объяснить происшествия, случаемые с вполне опытными пилотами во время обычных тренировочных полетов?

Законов физики пока никто не отменял, так что все, что в воздух подняли, может упасть.

Человек имеет право на ошибку, техника имеет право сломаться, говорят пилоты.

Все будет в порядке, если погодные условия и уровень летательного аппарата соответствуют квалификации пилота. Однако далеко не всегда удается верно определить условия, к тому же многим свойственно переоценивать свои возможности — свою ошибку они, как правило, понимают только в больнице, в лучшем случае. А в России немало травм происходит в результате нашей национальной безалаберности — простое несоблюдение техники безопасности или правил полета — и происходят столкновения не только с другими парашютами и дельтапланами, но и с самолетами! Кстати, в России самые строгие правила полета. Однако, как известно, строгость нашего законодательства компенсируется необязательностью его исполнения. Что же, единственный совет, "бди", а не уверен, не лети. Воздух надо уважать — с ним шутки плохи!

И последнее. Нужно помнить, что раз попробовал летать, человек вряд ли когда-нибудь бросит это дело по доброй воле. Скорее он расстанется со всем, что мешает ему летать. Наглядный пример — один из членов клуба, рекордсмен по скорости освоения дельтаплана, получивший за год и семь месяцев 1-й разряд и успешно вылетевший... из института. Но разве он жалеет?

Стоит мне закрыть глаза — и перед мысленным взором вырастает огромное крыло парашюта. Блестящие солнечные лучи пронизывают яркую цветную ткань, ветер наполняет крыло — и ты летишь. И пусть на самом деле мой полет длился всего пару минут, а солнца не было и в помине, я никогда не забуду своего первого полета. Тогда осуществилась мечта — а в моих мечтах всегда светило солнце. ■

БЕЛЫЙ КРЫСА

Алиса НИКИТИНА

Часть I Белая крыса — это он

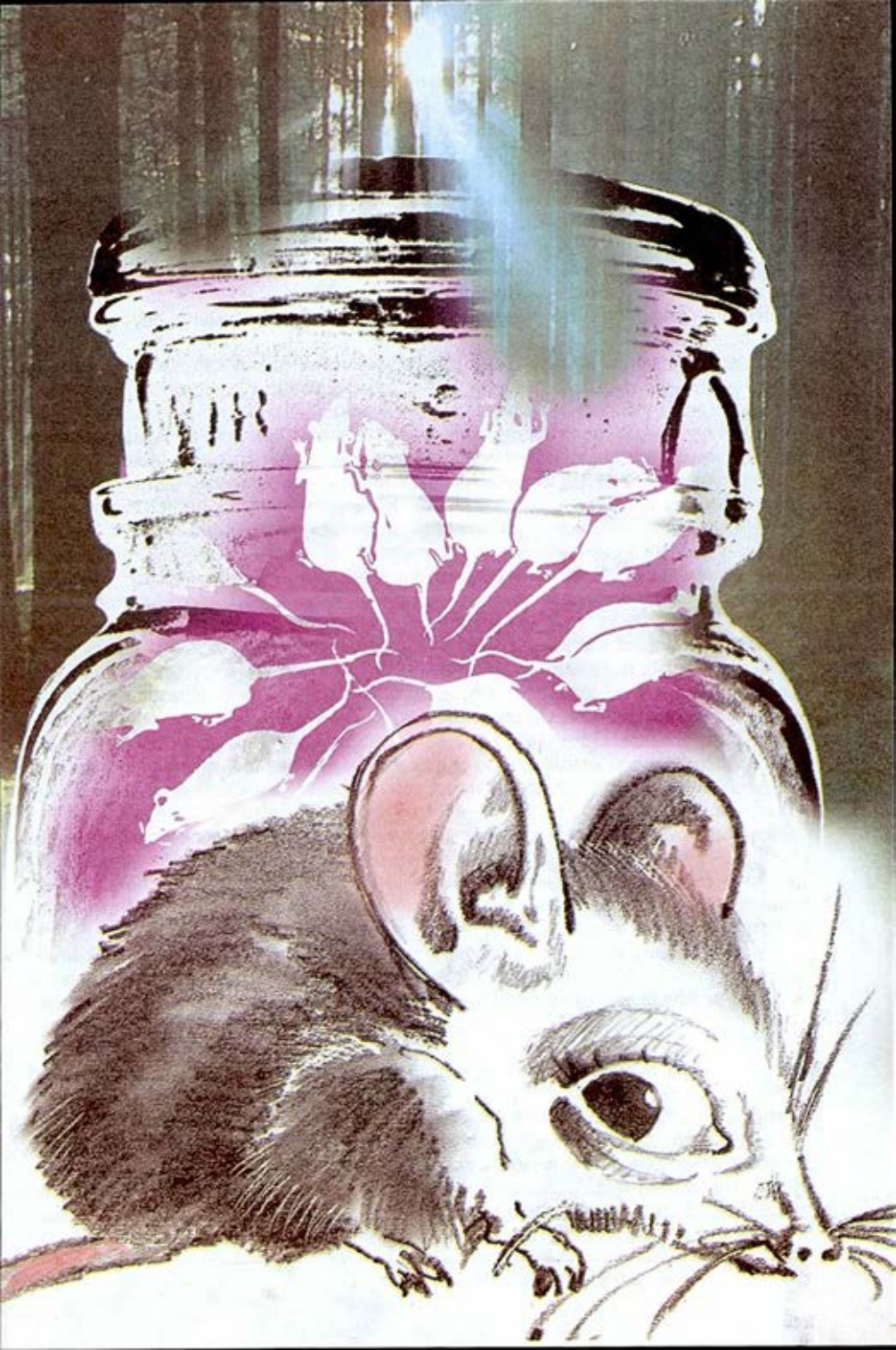
Сегодня я родился. Не знаю, какой день, но, судя по температуре в помещении, весна. Пока я ещё ничего не вижу, но потом мне рассказали, что я был голым, красным и прозрачным: не хочется в это верить, но у меня на глазах никто из наших не родился. А теперь я белый, и я — крыса.

Через несколько дней после того, как я начал видеть, меня забрали от той, которую называли моей матерью. О ней я помню только, что она была тёплой и мягкая и давала мне какую-то вкусную белую жидкость. Больше воспоминаний нет. И с этого момента началось то, что я ненавижу потом всю жизнь — Лабиринт.

Те, кто следил за мной, произносили "лабиринт" с лёгкостью, но для меня это была каторга. Каждый Божий день они сажали меня в это бесчисленное множество коридоров, разветвлений и тупиков. Помню, как в самый первый раз я прильнул всем телом к стене, упёрся всеми лапами, прижал уши и умолял, чтобы меня оттуда забрали, — и что нет в этих сумрачных петлях ничего хорошего: они, как удавка на шее. Сначала меня легонько подталкивали, потом пытались приманить едой, а потом я вздрогнул и потерял сознание. Очнулся в отдельной палате: кругом всё белое и пахнет спиртом. Мне показалось, что я горю и задыхаюсь от собственного жара. Попытался встать и тут же упал: снова пробел, и только на краю сознания балансирует отдалённый гул голосов: "Очень высокая температура. До утра не дотянет.

Придётся начинать всё заново, а жаль". Но я дотянул и даже вытянул, и в эту ночь слепого брожения между "ещё здесь" и "почти там" с секундными проблесками сознания я увидел цель.

Вскоре после выздоровления я вновь очутился в лабиринте и побежал. Побежал что есть мочи, стараясь найти выход, лишь бы не ток. Но выхода не было. Они стояли надо мной и перебрасывались короткими фразами, смысла которых я не понимал, да и незачем мне был этот смысл: я думал только о выходе. Новый крутой поворот — и я со всего размаха вцепился в стену, так вцепился, что аж зубы захрустели. Я встал, отдышался и с ещё большим рвением припустил дальше. Добежав до какого-то мерцающего пятна, остановился как вкопанный — ничего подобного я не видел: оно искрилось зеленоватыми всполохами и гипнотизировало. В этот момент меня взяли в руки и понесли обратно в общую клетку, поздравляя друг друга с успехом. Так я получил статус VIP, и на меня стали возлагать огромные надежды, захлёбываясь от радости, а по ночам мечтал, как они все утонут в своей слюне, брызжа ею друг перед другом.

Наступила зима, а я всё бежал: от мерцания к мерцанию, от кормушки к поилке, но на самом деле я всё время бежал от безысходности к безысходности. Я продолжал биться о стены, в очередной раз не вписываясь в новый поворот, пока не понял, что лабиринт замкнут и выхода не имеет, впрочем, как и входа. И я перестал его искать. Мой мир сузился до тупого существования, наполненного бессмысленным бегом, едой и сном. Иногда я развлекал себя подслушиванием их разговоров — хитросплетений интриг бытового и любовного характера и, если удавалось, подглядыванием за тем, как по вечерам, когда в лаборатории уже никого нет, м.н.с. Митя под видом дополнительной работы над улучшениями результатов во внеурочное время трахает очередную миленького вида практиканточку на чёрном кожаном диванчике, купленном шефом по случаю сэкономленного гранта. Имён я их не запоминал, уж очень стремительно они у него менялись.

В пылу страсти он называл их совершенно одинаково, мерзко повизгивал и валился навзничь, прерывисто дыша и вытирая со лба пот носовым платком двухнедельной свежести. Но вскоре и эта безобидная забава мне надоела: я уже до мелочей знал этот сценарий: сначала минут пять на разговор о работе, потом предложение выпить чая ("Я как знал, вот и пирожное утром по пути купил!"), потом пара анекдотов, несколько раскрепощающих подробностей из своей жизни, и вот уже его рука скользит между бортами беленького накрахмаленного халатика и обвивает грудь под прозрачной блузкой. Отказы в его сексуально-лабораторной практике были редкостью: чем-то он их завораживал, вот только чем, я так и не понял.

Между тем за окнами всё мёл и мёл снег, и каждый приходящий приносил с собой кусочек стужи. В конце концов, она поселилась внутри меня.

Свой первый день рождения я встретил в совершенно поганом настроении: на улице третий день подряд лил дождь, будто бы на небе прорвало главную трубу, а сантехник неудачно опохмелился после позавчашней тринадцатой. Я лежал и смотрел в потолок сквозь свод прутьев и слушал, как стучат капли в жестяном тазу, пробираясь через прохудившуюся крышу. В полдвенадцатого за мной, как всегда, пришли: звери, хоть в день рождения дали бы покоя, и чтобы не было тошно от их мерзкого лабиринта! Сначала попркидывался дураком, чтобы они понервничали, ну а потом побегал — а что ещё остаётся, не ждать же разряда.

Возвращаясь, я ещё издали почувствовал, а затем и увидел, что в клетке произошла какая-то перемена — подселили новенького, а точнее сказать, новенькую. Я вздохнул с облегчением: свежая кровь, сил — хоть займы давай, а главное, азарт, ведь любопытно и не познано. Приставка VIP мне была уже не нужна — бежать было некуда, так что я с радостью передал бы пальму первенства.

В последующие дни я почти не работал: они запрягали девочку по полной программе, как я и предполагал. Моё физическое состояние заметно улучшилось, я перестал вскакивать по ночам от мучительных кошмаров, да и погода, к всеобщему удовлетворению, наладилась.

Как-то в одно воскресное утро я проснулся раньше всех. Встал, прошёлся, разминаясь после сна. Подойдя к прутьям, опустился на корточки и облокотился. Сидел и думал, шаря взглядом по ещё спящим сотоварищам, чем себя занять до того, как принесут еду.

Пройдясь по одной и той же траектории раза три, я заметил, что в самом углу бокового зрения мельтешит какая-то точка и раздражает: это было плечо. Плечо со скользящим по нему солнечным лучом, и оно принадлежало новенькой. Слегка прикрыв глаза, я нагло рассматривал её и с большим удивлением отметил, что она, пожалуй, очень даже привлекательна. Задав себе вопрос, почему раньше этого не замечал, получил поражающий своей прямо-

той, а главное, оригинальностью ответ: потому что то ли некогда было, то ли не дорос ещё, а сейчас, кажется, в самый раз. Я невольно улыбнулся этой своей мысли, и стало гораздо теплее: моя жизнь получила новый, до этого не известный мне оттенок — всё как будто становилось на свои, хоть и новые для меня места.

Прошло несколько недель. За это время я научился любить ночь, потому что она приближала день. День, день, день — звучит, как музыка колокольчика. День, день, день — и я повсюду следую за Фло. Нет, это не было её именем (я проигнорировал имя, данное ей людьми, как-то само собой получилось), просто взял английское Flower и сократил до Фло. И в моей памяти она навсегда осталась цветком, живущим далеко — там, где нет лабиринтов и прутьев.

Поначалу я жутко смущался, стоило встретить её взгляд, и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы внешне казаться спокойным и даже несколько надменным: глупо, конечно, но тогда это была единственная для меня форма защиты — боялся выглядеть влюблённым дураком. Потом привык к ней, и мне стало спокойно и хорошо.

Если Фло вдруг проходила мимо меня, я втягивал воздух и задерживал дыхание, чтобы как можно дольше ощущать, впитывать её запах. Засыпая по вечерам, я вспоминал все события минувшего дня, подолгу рассматривая эпизоды, связанные с ней: каждое слово, каждый поворот головы, каждый изгиб тела. Но подойти к ней я так и не решился, и не решился вплоть до самого последнего момента.

В свою вторую зиму я вступал с восторгом, какой бывает у маленьких детей, познающих окружающий мир, полный загадок и тайн, день за днём! Снег оказался пушистым, он скрипел и искрился в ясную морозную погоду и красил носы и щёки людей в красный цвет. Окна покрывались изумительно красивыми узорами, в которых можно было разглядеть любой образ. Я в них, конечно, чаще всего видел Фло, когда её не было рядом. Мне и до сих пор кажется, что этой зимой я был счастлив, как никогда.

Шла предновогодняя неделя: в лаборатории уже поставили ёлку, нарядили шарами и гирляндами, не забыв нахлобучить смешной наконечник, из-за которого макушка у ёлки слегка кренилась, как голова у подвыпившего шефа: очки съезжают, а глаза масляные, как у кота, обхаживающего крынку со сметаной.

Все снуют туда-сюда, обмениваются советами насчёт подарков для родных и не очень, подсчитывая праздничные премиальные, а представительницы слабого пола, все как одна, раздумывают, что же надеть в этот раз, чтобы точно сразить гостей наповал. И только один Митя в этой милой хвойно-подарочной суеде выглядел как случайный гость на чужом празднике: понуро слоняясь по лаборатории, он зло иронизировал в адрес весёлых и шумных коллег. Дело в том, что он к этому времени обзавёлся сразу тремя более-менее постоянными женщинами, и теперь бюджет его трещал по швам, грозя подвести в самый неподходящий момент. Но, в общем, атмосфера день ото дня наполнялась радостью и дружелюбием, и всем нам, живущим в клетке, доставалась часть царившего в эти дни всеобщего умиротворения.

Мы встречали новогоднюю ночь в тишине и спокойствии, со знанием того, что в ближайшие три-четыре дня никого не будет, а значит можно спать, валять дурака, общаться и не думать о вызывающем отвращение лабиринте.

Полумрак комнаты, запах мандарина и грецкого ореха, игрушки, поблёскивающие в мягком свете уличного фонаря — всё было настолько бережно и ласково, что невольно родилось чувство скорой беды: не бывает, чтобы столько счастья и навсегда. Я испугался и отогнал эту мысль, как прогоняют шелудивого пса, не желая больше смотреть на его бесконечное почесывание.

Разбредясь по клетке, все занимались кто чем: кто-то разговаривал, кто-то чистился, где-то в углу хихикала компания, кто-то просто молча лежал и смотрел в окно, как вдруг раздался громкий хлопок, а за ним ещё один и ещё, и ещё. Мы повскакивали и устремились на эти звуки. Они были где-то под окнами, совсем недалеко. Мы смотрели и видели, как с каждым ударом небо покрывалось разноцветными звёздами: они молниеносно взлетали ввысь и медленно, сонно падали на землю. И слышались радостные крики людей: "Ура-а-а-а! С Новым Годом! С Новым Счастьем!" И за всем этим невиданным чудом я даже не заметил, что стою рядом с ней!!! Касаюсь её и слышу её дыхание!!!! Не знаю, как я не умер от возбуждения в тот момент, но твёрдо решил: сейчас или никогда!

Я аккуратно взял её за плечи и замер в ожидании ответа. И тут я понял, что не обманывался, когда время от времени будто подмечал в её больших чёрных глазах нечто такое, что заставляло радоваться, от чего хотелось жить. Фло не отпрянула, а прижалась ко мне, как жмётся друг к другу густая трава на маленьких живых островках в раскалённом каменном городе.

Не дожидаясь, пока кончится грохотание, мы незаметно для всех ушли в самый дальний угол. Я обнял Фло, и мы тут же уснули, крепко и безмятежно: нам не надо было торопиться ласкать друг друга, жадно выхватывая мгновения из несущейся вечности, не нужно было быстро, скороговоркой признаваться в любви, боясь опоздать, мы знали: что сейчас, то и навсегда. Навсегда.

Я спал и видел сон, красивый и странный: солнечный день, и мы гуляем по оживлённой улице, усеянной множеством разноцветных витрин под яркими вывесками. Настроение хорошее, мы болтаем о всяких пустяках, не обращая внимания на спешащих по своим делам людей. В какой-то момент я оборачиваюсь и вижу, что Фло нет рядом со мной. Я быстро осматриваюсь по сторонам и нахожу её на другой стороне улицы: она машет мне и зовёт туда. В полном недоумении, как она там оказалась, я кричу ей в ответ и бегу к ней, но достигая этого места, не нахожу её. Снова озираюсь и вижу Фло на том месте, откуда только что побежал, но теперь она просто молча машет мне. Я бегу, задевая прохожих, вырастающих передо мной стеной из ниоткуда, теряя Фло из вида, и замечаю, что солнце садится с какой-то неестественной скоростью. Одним словом, когда я добрался, была почти ночь, и Фло нигде не было. Я сел на тротуар и стал ждать, в надежде, что она вот-вот появится. Я был уверен, что она придёт, но она так и не пришла.

Проснулся оттого, что мне было очень жарко. Я лежал и никак не мог прийти в себя. Я чувствовал Фло рядом и радовался, что это был всего лишь сон. Повернув голову, посмотрел на неё: она вся пылала. Я вскочил и потряс её за плечо, пытаюсь разбудить, но не получил никакой реакции: у неё был жар.

Три дня, не отходя, я сидел рядом с Фло. По временам она бредила, её колотило в судорожной лихорадке, и единственное, что я мог для неё сделать тогда, это смачивать лоб водой.

Сначала я раздражался от собственной беспомощности, проклиная всех и вся на этом безжалостном свете. Потом как-то инстинктивно стал просить, сам не зная у кого, чтобы весь этот ужас закончился. А потом обессиленный опустился на пол рядом с ней: я плакал и поглаживал её горячее тело, не видя, что будет завтра, и, забыв о том, что было вчера — я был здесь и сейчас. Не знаю, по какой причине я тогда плакал — то ли мне было жалко свою несбывшуюся мечту, то ли умирающую на моих глазах Фло, но одно знал наверняка: всем сердцем, всей душой я хотел оказаться в плену этой не унимающейся агонии вместо неё.

Четвёртого числа пришёл первый сотрудник. Увидев его, я заметался по клетке, желая скорее привлечь его внимание: Фло всё ещё была жива. Он открыл клетку, пристально по-

смотрел на неё и легонько подхватил Фло своей большущей рукой. Затаив дыхание, я смотрел ему вслед и ждал, что будет дальше.

Он вышел в соседнюю комнату, положил Фло на стол и отошёл звонить по телефону. Я стоял, вцепившись в прутья, и смотрел, как с каждым разом она дышит всё тяжелее и тяжелее, а его голос говорил: "...Не знаю, как это могло получиться?... Да, надежды никакой, если бы раньше... Да, всё понял, до свидания". Он снова вернулся к ней. Встав так, что закрывал собой Фло, проделал какие-то манипуляции, а затем, взяв маленький шприц, начал напоять его, и меня осенило!

Я тряс прутья клетки и кричал, чтобы он остановился, что её можно ещё вылечить, что раз они меня выходили, значит и она поправится, но всё тщетно: он не мог меня понять — он другой, и этого я ему не простил.

Он ушёл, а я остался и видел, как закрываются её глаза, в которых уже был лишь мимолётный след недавней жизни. Веки сомкнулись, и тело внезапно обмякло, в одночасье став горочкой шерсти. Я лёг на спину и тоже, как и она, закрыл глаза. Я не знал, что мне делать дальше.

Прошло три месяца и одиннадцать дней после смерти Фло. Всё это время я жил только одной мыслью — отомстить. Я винил в произошедшем его, того первого, который пришёл тем злополучным утром четвёртого января. Я страстно желал, чтобы и он умер, считая такой поворот событий единственной справедливостью. И теперь я получил шанс.

В одной клетке со мной жил тип, которого я никогда не жаловал. Он воровал еду и постоянно устраивал в клетке свары — его это, кажется, забавляло. Он ссорил друзей между собой, унижал тех, кто слабее, и всегда мог достать то, что нам и не снилось. В общем, чего уж там подбирать выражения: скотиной был, скотиной и остался. Он работал в какой-то коробке, где жал на педали. Ему родней этой коробки никого не было. Он за неё и удавился бы. Вот именно она и сыграла мне на руку, а вышло это так: четыре дня его уже никуда не брали, и он ходил весь как комок нервов. Постоянно на кого-нибудь орал, трясся как осино-вый лист, а потом в истерике катался по полу. И дошёл слух, что теперь в коробку возьмут меня.

Стоя у кормушки, я пил воду, когда ползком он подобрался ко мне. Слёзно умоляя, он просил, чтобы я сделал что-нибудь, чтобы взяли его. Что-то щёлкнуло у меня в голове: "Хорошо, я сделаю, но ты взамен достанешь мне яд". Он даже не спросил зачем, ему было всё равно, только бы оказаться в коробке. Всё прошло, как по нотам.

Сегодня я проснулся раньше обычного, привёл себя в порядок и начал обрабатывать зубы и когти ядом. Натирал медленно, смакуя каждую минуту, пронизанную ненавистью, вспоминая каждый день без той, которую уже не вернуть. Закончив, я сел и стал ждать, когда за мной придут. И он пришёл.

Ничего не зная об участии, которую я ему приготовил, он приветливо улыбнулся и взял меня в руки. Взял за шкуру, да так, что я никак не мог его ухватить, и пришлось елозить и вырываться. Болтаясь на последнем миллиметре, я с силой дернулся и упал прямо к его ногам. Он уже нагнулся ко мне, когда я увидел зазор между спущенным носком и краем штанины, а в нём голую ногу с выступающей веной. Я рванул и впился зубами точно в неё, как можно глубже запустив туда же и когти. Я почувствовал, как что-то горячее хлестнуло мне по щеке. Он зрвел, как больной слон, и затряс ногой, желая освободиться. Я разжал челюсти и отлетел.

В следующий момент я оказался рядом с распахнутой настежь дверью, и за одну секунду в моём мозгу пронеслось: лабиринт, Фло, смерть, выход — и я опрометью кинулся бежать.

Я пересекал перекрёсток за перекрёстком, сворачивая в поворотах без единого промаха, а в ушах всё ещё звучал его вой. Сплёвывая на бегу его кровь вперемешку со своей слю-

ной и остатками яда, я вспоминал, как жил всё это время: как потерял надежду, как обрёл любовь, как узнал, что такое счастье и смерть, как познал вкус ненависти и как почувал близость выхода. И вдруг я увидел, что передо мной бежит человек, такой же, как те, кто работают в нашей лаборатории. Он свернул влево, а я вправо. Пробежав ещё немного, я заметил, как тот мелькнул на перекрёсте впереди, метрах в восьмидесяти от меня, потом в правом параллельном коридоре, потом его топот сзади: пронёсся мимо и даже не заметил меня. Я совершенно сбился с толку: зачем он здесь бежит?! Ответ пришёл ко мне через три минуты.

На очередном перекрёстке я резко вывернул вправо, попав в глухой проход, и метрах в двадцати от меня возникла открывающаяся стена, а над ней висела светящаяся табличка с белыми символами по зелёному фону. Я остановился, всматриваясь в них, пытаюсь понять, но стена с шумом стала закрываться. Я растерялся: я не понимал, нашёл ли я то, что искал всю жизнь, или нет, и надо возвращаться и бежать налево? Когда проём оставался шириной всего сантиметров десять, меня как будто понесло к нему. Он почти закрылся, и тогда я с разбега прыгнул.

Этот прыжок показался мне полётом длиной в вечность: лёгкий и плавный, словно я пух, сорванный со своего дерева озорным весенним ветром, и он несёт меня, куда ему заблагорассудится, не давая упасть. Но ветер стих и раздался лягз. Я услышал, как ломаются кости, протыкая меня изнутри, и мечется в голове: "Больно. Невыносимо больно". Я почувствовал, как во рту стало мокро и солоно. Опустив глаза, увидел на полу перед собой маленькую красно-багровую лужу, она росла и росла. Каждый вдох давался мне так сложно, что делать его уже не хотелось. Не хотелось ничего. Но "через не могу, через не хочу" я поднял голову — я ведь должен был увидеть, какой он, этот выход! — и огляделся: это был ТУПИК, и где-то глубоко блеснул ответ на вопрос, зачем же здесь бежал человек. Я понял, и перестал дышать. Сегодня я умер.

Часть II Пробуждение ясности

Зазвонил будильник, и я проснулась — как всегда было восемь. Встала, накинула халат. Подойдя к полке с пластинками, нашла любимую и поставила. Зазвучала музыка, и день начался.

Я чистила зубы, глядя на себя в зеркало, умывала лицо, а женский голос с искренним надрывом пел мне: "... Я любил не многих, однако сильно..." — и это было правдой, может быть, единственной.

Завтрак, как обычно, уложился в десять минут: чего ещё можно ожидать от человека, живущего в одиночестве? Я сложила грязную посуду в мойку и подошла к окну: а ведь ещё недавно была мысль поставить решётки (всё-таки первый этаж), и жизнь казалась какой-то беспокойной, но теперь уж дудки — дальше, чем есть, уже не загонишь.

Женский голос снова пел: "... Я был счастлив здесь и уже не буду...", я одевалась. Последний штрих — подминаю козырёк кепки и забрасываю шарф за левое плечо. Щёлкнув замком двери, я пересчитала ступеньки лестницы: их по-прежнему было семь.

Улица встретила меня свежим морозцем, а я ей в ответ закурила и выдохнула паром и сигаретным дымом.

По дороге к метро я шла и думала, что свой утренний маршрут давно могу с лёгкостью пройти и с закрытыми глазами. И я закрыла их — мне совсем не хотелось смотреть на окружающий меня мир, хотя вид просыпающегося города всегда вызывал самые нежные чувства. Но сегодня он уже был для меня пуст. Сегодня я уже знала то, что Белая крыса понял в самый последний момент, и мне хотелось только одного: обо всём забыть. ■

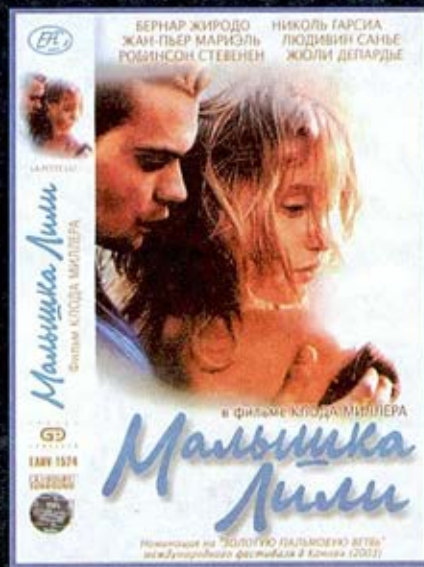

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ драма

Австралия\США. 1 час 54 мин.
 Режиссер РАССЕЛ МАЛКАХИ
 В ролях: ДЖЕФФРИ РАШ, ДЖУДИ ДЭВИС, ДЖЕССИ СПЕНСЕР
 "СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 221158103

История основана на биографических записках знаменитого австралийского пловца Энтони Фингельтона. Именно амбиции и мечты его отца Гарольда завели Тони на чемпионский пьедестал — порой отцовская любовь или откровенное пренебрежение могут стать отправной точкой как успешной карьеры, так и стремительного падения с облачных высот. Именно это произошло с его братом Джоном, любимчиком отца, уставшим бороться за первенство и уважение родителя. Тони же отец с малых лет считал слабаком, чтобы доказать обратное и заслужить его любовь, сыну приходится ценой невероятных усилий все время плыть против течения. Его детство проходит в постоянных тренировках и соревнованиях — мальчику так хотелось доказать отцу, что он — лучший из

лучших. Вскоре, благодаря настойчивости, таланту и недюжей воле к победе, Тони становится-таки и чемпионом Австралии, и получает гранд на бесплатное образование в Гарварде.

МАЛЫШКА ЛИЛИ мелодрама

Франция. 1 час 34 мин.
 Автор сценария и режиссер КЛОД МИЛЛЕР
 В ролях: ЛЮДИВИН САНЬЕ, БЕРНАР ЖИРОДО, НИКОЛЬ ГАРСИЯ, РОБИНСОН СТЕВЕН, ЖЮЛИ ДЕПАРДЬЕ
 ЗАО "ФИРМА ВДВ", ПУ № 121020303

Картина сюжетно очень напоминает известную пьесу А. Чехова "Чайка". Трудно угадать в этой откровенной современной истории о страстных увлечениях и коварных изменах, добренной эротическими сценами, драматическую историю неудавшейся провинциальной актрисы Заречной с трагическим финалом самоубийства Треплева. Но классика на то она и есть классика, чтобы не смотря ни на что, оставаться актуальной, даже адаптированная под наше

время, история сохраняет неповторимую чеховскую интонацию. "Малышка Лили" — увлекательное зрелище для истинных ценителей интеллектуального кино, новая встреча с восходящей звездой французского кино Людивин Санье. Ее героиня Лили — начинающая актриса, так мечтающая о славе. В нее влюблен Жюльен — амбициозный молодой человек, грезящий о карьере кинорежиссера. Брис, на стороне которого все симпатии юной Лили, знаменитость и сердцеед, бывший возлюбленный матери Жюльена, стареющей кинодивы Мадо...

КЛЮЧ ОТ СПАЛЬНИ комедия

Россия. 2 часа 16 мин.
 Автор сценария и режиссер ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ
 В ролях: СЕРГЕЙ МАКОВЕЦКИЙ, ЕВГЕНИЯ КРЮКОВА, НИКОЛАЙ ФОМЕНКО, СЕРГЕЙ БЕЗРУКОВ, НАТАЛИЯ ЩУКИНА, ВЛАДИМИР СИМОНОВ, АЛЕКСЕЙ ПАШУТИН, ФЕДОР ЧЕХАНКОВ
 "СОЮЗ-ВИДЕО" "Л" КРУПНЫЙ ПЛАН", ПУ № 11104903

Действие новой ретро-комедии Эльдара Рязанова происходит в Санкт-Петербурге начала XX века. Фильм доставит вам немало приятных минут, а участие прекрасных актеров сделает их незабываемыми. Немного нарочито-манерная игра делает картину близкой по стилистике немому кино. Грим "под Веру Холодную" помог Евгении Крюковой лучше вжиться в роль лирической героини, а роль обманутого благородного супруга несомненно стала лучшей в послужном списке Владимира Симонова. Вне всяких похвал здесь и персонаж Сергея Маковецкого — томный баловень судьбы, поэт Серебряного века. Сергей Безруков, вырвавшись, наконец, из набившего оскомину ампула благородного разбойника, играет рассеянного академика — "под молодого Юрия Яковлева". Как всегда, не удержался и предстал в небольшой рольке и сам режиссер.

Словом, наблюдать за злоключениями похотливой красавицы, в которую влюблены все окружающие, одно удовольствие. Здесь есть все: измены, страсть, интриги и даже дуэли...

ПОВОРОТ НЕ ТУДА фильм ужасов

США. 1 час 52 мин.

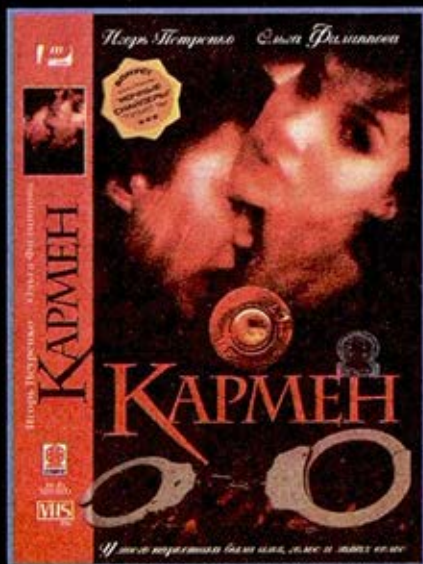
Режиссер РОБ ШМИДТ ("Американские герои").

В ролях: ДЕСМОНД ХЭРРИНГТОН, ЭЛИЗА ДУШКУ, ЭММАНУЭЛЬ КРИКИ, ДЖЕРЕМИ СИСТО

"ВЕСТ", ПУ № 121013303

Что тут можно еще добавить, если даже четырехкратный обладатель "Оскара", умелец в области визуальных эффектов, "перу" которого принадлежат чудеса в таких фильмах, как "Парк Юрского периода", "Терминатор-2", "Чужие", "Интервью с вампиром", "Шестое чувство" Стэн Винстон после прочтения сценария "Поворот не туда" признавался: "Я был испуган и потрясен. Это была одна из самых страшных вещей, какие я когда-либо читал". На экраны США фильм вышел под названием "Роковой поворот". Это более подходящее для него название, так как оно точнее настраивает зрителя на то, что ему предстоит увидеть на экране.

Повернул не туда Крис, он торопился на собеседование и попал на своей машине в пробку. Решив поискать обходной путь, он сворачивает на забытую всеми лесную извилистую дорогу, на которой встречает еще пятерых заблудившихся туристов. Ребята прокололи шину и скучали на дороге. С этого момента для них и начинается та жуткая гонка за выживание, которая заставит вашу кровь похолодеть в жилах — они станут незваными гостями монстров-каннибалов...

КАРМЕН остросюжетная мелодрама

Россия. 1 час. 54 мин.

Режиссер АЛЕКСАНДР ХВАН. В ролях: ИГОРЬ ПЕТРЕНКО, ОЛЬГА ФИЛИППОВА, ЯРОСЛАВ БОЙКО, АЛЕКСАНДР ШЕЙН

"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 11103203

"Кармен" — история всеразрушающей, дикой страсти, очередная вариация бессмертного сюжета Проспера Мериме, пересказывать которую — неблагородное занятие, тем более она и так известна всем наизусть.

Следует лишь отметить, что на сей раз действие происходит в наши дни, где-то в Крыму.

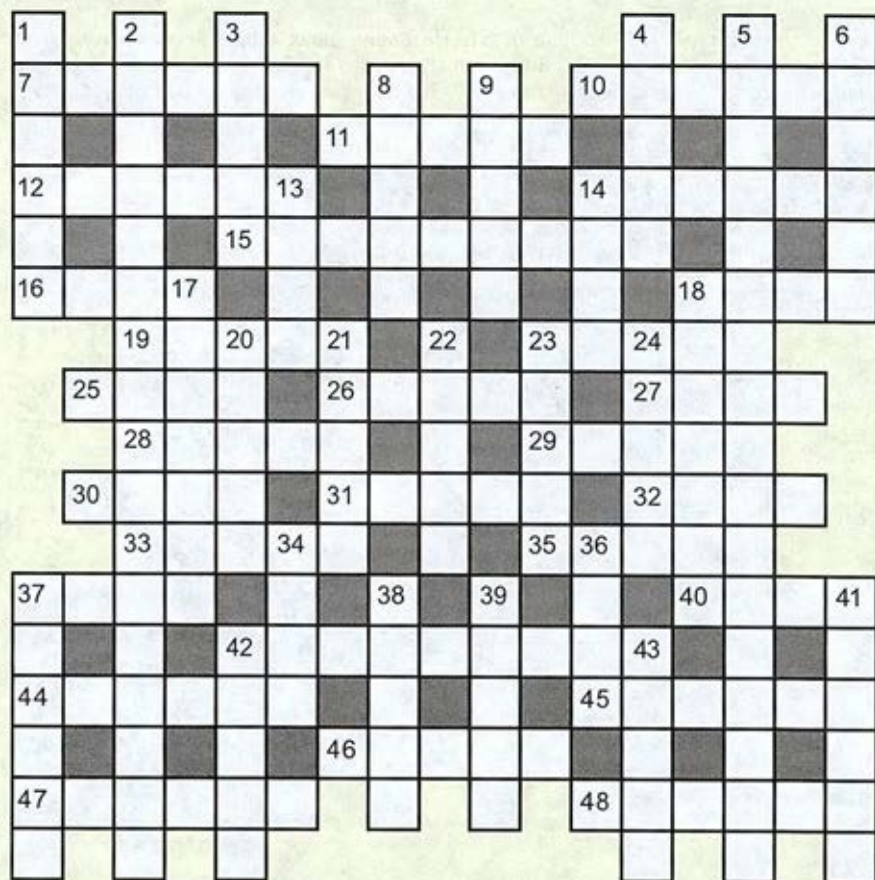
Закоренелая авантюристка, отрабатывающая очередной срок, за красоту и непокорный нрав прозванная Кармен, шутя соблазняет молоденького "мента".

Помогая ей сбежать, он, сам того не ведая, попадает в умело расставленные ею сети страсти и криминала. Откуда уже нет пути назад...

Видеогид Наталья Тендора

молодой бульвар

Бульвар — видео

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Переход с этого света на тот. 10. Фрукт познания и раздора. 11. Немецкий композитор-романтик, автор вокального цикла "Любовь поэта". 12. Трава не только лекарственная, но и чайная. 14. Тюменская пристань на Тоболе. 15. Великий художник, родившийся в год, когда Голландия обрела независимость от Испании. 16. Духовой, но не инструмент, зеркальный, но не блеск. 18. Мебель, "породившая" чиновника-буквоеда. 19. Русский экономист, выведивший учение К. Маркса из учения Д. Рикардо. 23. "Говорящая голова", механический человек средневековья. 25. Жадина, жадюга, жидомор, жлоб, жмот (еще один синоним на "ж"). 26. В начале — аз, в конце — ...27. Пряность в настойке, которую любил Петр Первый. 28. Лыдина, ставшая в позу. 29. Французский писатель, "В погоне за Ирис" ударившийся "Головой об стену", представив "Смерть лошадки", но потом сказавший себе: "Встань и иди". 30. "...предшествовали человеку, пустыни

следовали за ним" (Шатобриан). 31. Название двух африканских государств. 32. Рукоятка сабли, шпаги. 33. Японская мушмула. 35. Литовская поэтесса, считавшая, что "соловей не может не петь". 37. Знаменитый американский детский сериал, где роль крылатого героя исполняет карлик Мушу. 40. Несколько соединенных вагонов. 42. Залив, куда впадает Одра. 44. "Шутник" среди карт в игре в покер. 45. Угловой удар в футболе. 46. Ткань платья просто приятной дамы у Н. Гоголя. 47. Публицист, введший термин "нигилизм", ставший популярным после романа И. Тургенева "Отцы и дети". 48. "Загон" для дирижаблей.

По вертикали. 1. Быстрый танец. 2. Быстрота разума. 3. Американский гроссмейстер, отдавший А. Карпову чемпионское звание без игры. 4. Один из основоположников ракетной техники, родившийся в Трансильвании. 5. Холодное свечение вещества, возбуждаемое светом. 6. Дорогой эквивалент молчания. 8. Стоячая мебель дрессировщика. 9. Чувственная картина Тициана. 13. Муха против бессонницы. 14. Средство для полета в устах барона Мюнхгаузена. 17. Ученый с принципом: я существую — следовательно, мыслю. 18. Касса взаимопомощи на театральных подмостках. 20. Разновидность сарая, какой в Германии строили для зеков, а в СССР — для всех. 21. Насечка на металле. 22. Хозяйка бара в опере Д. Пуччини "Девушка с Запада". 23. Африканская страна, где А. Швейцер, по сути, похоронил свою творческую деятельность. 24. Румынский просветитель, основавший первую в Валахии школу с преподаванием на румынском языке. 34. Ветреный женский предмет. 36. Фонтанка как дельтовый проток Невы. 37. Способ беспламенного взрывания. 38. Наука, требующая вещественных доказательств. 39. Ваш непростительный грех в глазах соседа-завистника. 41. Лодка, благодаря которой открыли и нанесли на карту четвертую часть Северной Америки. 42. Недоросль по-собачьи. 43. Народный песенный жанр у альпийских горцев. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 5. Олялин. 7. Мулине. 10. Симулянт. 11. Графоман. 14. Липси. 15. Монополия. 16. Касса. 19. Алябьев. 20. Зефир. 22. Эскимос. 24. Рея. 26. Мандарин. 28. Хохлатка. 29. Шолохов. 30. "Тарантас". 32. Разносол. 35. Бор. 37. Столица. 38. Шагал. 39. Патруль. 42. Нерка. 43. Футболист. 44. Веста. 47. Циркуляр. 48. Чернушка. 49. Крокус. 50. Египет.

По вертикали. 1. Плаун. 2. Ульянов. 3. Алфавит. 4. Юниор. 6. Нутромер. 7. Магнолия. 8. Лиссабон. 9. Баталист. 12. Диплом. 13. Истома. 17. Жеманница. 18. Вселенная. 21. Фенолог. 23. Шишак. 25. Повар. 27. ...нос... 28. Хор. 30. Тютчев. 31. Реликвия. 33. Сыроежка. 34. "Лолита". 35. Барбарис. 36. Различие. 40. Бурлаки. 41. Усердие. 45. Якорь. 46. Щусев.

	1		2		3		4		5	6		7		8		9
10								11								
							12									
13																
							14									
15		16														17
18							19		20		21		22			
				23												
24													25			
				26												
27													28			
				29		30		31		32						
	33														34	
35										36						
37									38							
								39								
40																

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 5. Русский электротехник, первым после Бога сказавший: "Да будет свет!" 10. Самоцвет, способный, согласно "Декамерону", на время сделать невидимым. 12. Растение, которое в средневековой Европе представляли как дерево с висящими на нем баранами. 13. "Большой стиль" — "стиль Регентства" — ... 14. Аллах знает какой ученый. 16. Ассирийское племя, переселенное царем Аснафаром в Самарию. Согласно Библии, пыталось помешать восстановлению Иерусалимского храма. 18. Ковчег в египетском храме, где хранили статуи, саркофаги и другой заупокойный инвентарь. 22. Самая горбатая корова. 23. Римский врач (грек родом), основатель общей патологии. 24. Земли, пожалованные в средневековой Франции сеньором вассалу в наследственное владение. 25. Евангелист, ближайший сотрудник апостола Павла. 26. Слово, присоединенное В. Набоковым к фрейдскому "либидо"; тем самым он остроумно высмеял его. 27. Среднеазиатский

можжевельник, доживающий до тысячи лет. 28. Южноафриканская птица, чье гнездо похоже на реторту. 32. Сестра смехотуры. 33. Химик, один из организаторов советской шинной промышленности. 36. Ослинник на языке ботаников. 37. "Раб имеет одного господина, а ... столько, сколько есть людей, полезных для его возвышения" (Ж. Лабрюйер). 39. Знаменитый "птичник" в замке Тальси на Луаре. 40. Откупная система взимания налогов, бытовавшая в Османской империи.

По вертикали. 1. Поэма, увлекшая М. Врубеля как художника. 2. Эмблематическое дерево в римском культе Плутона. 3. Придворный чин, чей обладатель мог войти в кабинет царя без всякого доклада. 4. Любимое деревце фазанов. 6. "Кукурузник" как тип самолета. 7. "Громкоговоритель". 8. Польская шапка вольности. 9. В повести "Тарас Бульба" у полячки они "окраенные длинными, как стрелы, ресницами". 11. Рыбий хвост. 15. Прекрасная гора первых альпинистов. 16. "Блаженное неведение обмана" (Ж. Жубер). 17. Венгерский художник, ставший известным с тех пор, как выставил в парижском Салоне картину "Камера смертника". 19. Одна из трех африканских стран, где зажиточные арабы и евреи специально откармливают женщин до ожирения во имя пышности. 20. Река, на которой окончилась война с фашистами, как за много лет и предсказал поэт П. Коган. 21. Столица ада, по христианским представлениям. 28. Знаменитый вратарь, "забивший" гол в Госдуму. 29. Буквы — слова — ... — страницы — листы — книга. 30. Человек если и способный поделиться с ближним, то разве что вирусами гриппа. 31. В стихотворении "Памяти живописца Орловского" П. Вяземский сетует: "А теперь где эти тройки? Где их ухарский...?" 34. Французский поэт, после "Черной свадьбы" увидевший "Огромную фигуру богини Разума", заявившую: "Рая нет". 35. Наглядное изобретение XIII века. 38. Хватательное междометие. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 1. Шпага. 5. Анче. 9. Крой. 10. Фенек. 11. Жером. 13. Самоед. 14. Малерб. 15. ...ножны. 18. Елагин. 19. Кильватер. 22. Гроссуляр. 27. Строев. 32. Ранг. 33. ...двоемужница. 35. Эхин. 37. ...бензин. 40. Коварство. 45. Парламент. 47. Истина. 48. Флирт. 49. Латекс. 52. Мамели. 53. Атлет. 54. Бэкон. 55. Наст. 56. Сара. 57. Охота.

По вертикали. 2. Плен. 3. Гром. 4. Оркестр. 5. Айсберг. 6. ...чембалло. 7. Редон. 8. Гейне. 10. Феникс. 12. Матвеев. 16. "Вкус". 17. Хлор. 20. Юла. 21. Эрг. 23. Рожь. 24. ...сгиб... 25. Уран. 26. Янки. 28. Тахо. 29. Одна. 30. Ворс. 31. Умов. 34. Цесарка. 35. Экс. 36. Ива. 38. Змея. 39. Ноты. 41. Ростан. 42. Трирема. 43. Опалина. 44. Гротеск. 46. Глиэр. 47. Ирмос. 50. Стих. 51. ...жест...

К сожалению, сам Николай не смог приехать на презентацию своей книги, однако нашему корреспонденту удалось связаться с писателем по электронной почте и задать ему несколько вопросов.

— Поклонникам пришлось ждать второй части "Войны Мага" почти год...

— Еще ни одна моя книга не писалась столь тяжело и трудно, как "Война мага". Никогда ещё в "отвалы" не уходило столько текста. Никогда я ещё не менял настолько круто сюжет по ходу написания. Всё это ужасно нервирует и замедляет работу, притом что пишу я только в свободное время. В какой-то момент наступил кризис. Я с огромным трудом выжимал из себя по несколько строчек в день. Ткань повествования стала расползаться, заранее придуманные сюжетные ходы разваливались, ситуации казались нелепыми. Половину написанного пришлось выбросить. Пришлось сделать перерыв, дописать другую повесть и лишь потом работа над "Миттельшпилем" пошла.

— Вы как-то сказали, что все фантасты вышли из шинели Стругацких, и дело лишь в том, куда они потом направились. В какую сторону направились вы?

— "Шинель Стругацких" — весьма ёмкое понятие. Действительно, практически все ныне пишущие и печатающиеся из фантастики в семидесятые-восемидесятые читали прежде всего братьев Стругацких. Не только их, конечно; но Стругацкие были флагманами "новой фантастики", они едва ли не первые дерзнули писать не о телеуправляемых тракторах и кознях злых буржуинов, а о людях — "обычных людях в необычных обстоятельствах". И вот именно эти "необычные обстоятельства" и определяют, в какую сторону "направляется" фантаст. Кто-то строит строго научные модели возможного будущего и шарается от магии, как от чумы. Кто-то, напротив, создаёт совершенно невероятные и невозможные со строго научной точки зрения миры, но, поскольку там нет сакраментальных "эльфов, гномов и драконов", подобное считается научной фантастикой. Хотя, повторяю, науки там ни на грош. Мне лично всегда не хватало в советской (да и зарубежной переводной) фантастике семидесятых ощущения сказки, отрыва от реальности, противопоставления человека и надчеловеческих, Божественных сил. Оставался невестребован, с моей точки зрения, богатейший потенциал легенды и мифа — а ведь именно этот язык первым изобрело человечество для отображения волновавших поколения моральных дилемм. Я сам начинал с фантастики — пытался подражать С.Лему и тем же Стругацким. Пока не попробовал "на вкус"

Вышло долгожданное продолжение "Войны Мага" Ника Перумова. Книга называется "Миттельшпиль".

фэнтэзи и не понял — это моё! Так что, отвечая на вопрос “камо грядеши?”, могу сказать — направился в сторону всё-таки фэнтэзи, литературной сказки, где автор ничем не скован, кроме поставленных им самим условий. Это не исключает, конечно, обращения и к иным жанрам; но всё-таки фэнтэзи, “гномы, эльфы и драконы”, остается для меня приоритетной.

— Очень многие авторы через какое-то время устают от жанра, в котором они пишут, и так или иначе начинают экспериментировать. Чем объясняется ваша верность жанру?

— Нельзя сказать, что я сохранял абсолютную верность жанру все эти годы; эксперименты не обошли и меня. Ещё в середине девяностых я старался “скрестить” литературную сказку с “научной” фантастикой — получилась дилогия “Техномагия”, пробовал и в 2001 году — результатом стал роман “Череп на рукаве”, тепло встреченный читающей публикой. Сейчас, как я говорил, идёт работа над завершающей частью дилогии. Но при всём при этом должен сказать, что в жанрах, отличных от фэнтэзи, я решаю какие-то специфические писательские задачи, скажем, исследую интересующую меня конкретную альтернативную реальность и поведение людей в ней; в фэнтэзи же я просто живу. Для меня это самый естественный язык выражения. Ясный и ёмкий.

ник перумов "миттельшпиль"

ПОИГРАЕМ?

IRBIS M

IRBIS L

IRBIS Favorite

IRBIS Lux

Упорно работаете и хорошо отдыхаете?
Теперь на это способен и

ВАШ КОМПЬЮТЕР IRBiS
на базе процессора Intel® Pentium® 4
с технологией Hyper-Threading

*Воплощение мечты о машине, скорость
которой измеряется тысячами мегагерц,
а «тюнинг» вовсе не сводится к регуляр-
ной смене скрин-сейверов и обоев
на рабочем столе.*

Розничные продажи: М.ВИДЕО (095) 777-777-5,
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000

www.k-systems.ru

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556

